

**СЕРГЕЙ
ЛУКЬЯНЕНКО**

**ПРИСТАНЬ
ЖЕЛТЫХ КОРАБЛЕЙ**

**СЕРГЕЙ
ЛУКЬЯНЕНКО**

**ПРИСТАНЬ
ЖЕЛТЫХ КОРАБЛЕЙ**

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

А Л Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й

**СЕРГЕЙ
ЛУКЬЯНЕНКО**

**ПРИСТАНЬ
ЖЕЛТЫХ КОРАБЛЕЙ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО **act** ХРАНИТЕЛЬ

МОСКВА 2007

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
Л84

Серия «Звездный лабиринт»

Компьютерный дизайн С.В. Шумилина

Подписано в печать с готовых диапозитивов заказчика 23.08.06.
Формат 70×90¹/₃₂. Бумага газетная. Печать высокая с ФПФ.
Усл. печ. л. 13,92. Тираж 50 000 экз. Заказ 2404.

Лукьяненко, С.В.

Л84 Пристань желтых кораблей : [сб.] / Сергей Лукьяненко. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. — 382, [2] с. — (Звездный лабиринт).

ISBN 5-17-039858-1 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-9713-3626-6 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)

ISBN 5-9762-1296-4 (ООО «ХРАНИТЕЛЬ»)

Космогонщик, потерпевший аварию, оказывается на удивительной планете, где люди переносятся вперед и назад во времени, законы устанавливает Патруль Единения, ведут вечную борьбу силы Стрелы и Круга — и свято верят в легенду о таинственных Желтых Кораблях...

Город, годами осаждаемый варварами-кочевниками, держится лишь благодаря торговле с «летучим народам» — однако контакты с «летучими» строго запрещены. Но однажды мальчишка из Города спасает жизнь пилоту «летучего» корабля...

Планета, на которой ВСЕ РАВНЫ. Здесь обитатели городов живут по строгому распорядку. Здесь запрещены эмоции — страх, ненависть, сострадание, любовь... И только за стенами городов зреет глухое сопротивление всемогущему ПОРЯДКУ...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

ISBN 985-13-8888-2
(ООО «Харвест»)

© С.В. Лукьяненко, 2007
© ООО «Издательство АСТ», 2007

От автора

Честное слово – я долго противился выходу этой книжки! Спорил с издателями, объяснялся с читателями... Но, раз уж меня уломали, то сразу Вас предупреждаю:

**ЭТОТ СБОРНИК СОСТОИТ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО
ИЗ СТАРЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ!**

**ЭТИ РАССКАЗЫ И ПОВЕСТИ
НАПИСАНЫ 15-20 ЛЕТ НАЗАД!**

Так что не ждите в этой книжке продолжения «Дозоров». Не ждите того, к чему привыкли по «Генному», «Осенним Визитам», «Линии Грез», «Холодным берегам». Все будет чуть-чуть иначе. Более неумело. Более неуклюже. Более ученически.

Но – скажу вам искренне – я очень старался. В тот момент, когда эти произведения были написаны, это было лучшее, что я мог написать. И почти все они издавались (в журналах и сборниках), находили своих читателей и, даже, почитателей.

Возможно, и Вам что-нибудь понравится?

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОРОД

Как правило начинающий автор не разменивается на рассказы – он начинает писать РОМАН. Сил у автора обычно не хватает, роман превращается в повесть или обрывается на середине. Но все равно, зуд написания РОМАНА у молодых авторов неистребим.

Начав с рассказов, я достаточно быстро (через месяц) приступил к написанию «романов». Так же как и рассказы, я писал их от руки в общей тетрадке, после чего давал почитать друзьям. Так были написаны следующие произведения: трилогия «Холодное пламя» – «Танцы на снегу» – «Прости мне свою боль», несколько неоконченных романов («Абсолютная гарантия», «Прекрасное далеко») и, наконец, «Тринадцатый город».

Если трилогия навсегда осталась в рукописном варианте (поверьте, вот этого ТОЧНО не надо перепечатывать и публиковать!), только понравившееся мне название «Танцы на снегу» через много лет было отдано другому роману, то «Тринадцатый город» я считал возможным перепечатать на машинке, подвергнуть легкой редактуре – и даже предложить для публикации. И эта достаточно наивная «антиутопия» действительно вышла в свет – в алма-атинском журнале «Заря» и в «солидном», с твердой обложкой и красивым золотым тиснением сборнике «В королевстве Кирпирляйн». Тираж у сборника, между тем, был сто тысяч экземпляров – и в разговорах с фэнами я теперь мог назвать «Тринадцатый город» и услышать в ответ: «О! Читали! Ничего так...»

Понятное дело, что «ничего так» это было в первую очередь на фоне остальной российской фантастики, которая всегда умела быть качественной, но еще побаивалась быть увлекательной. А мне, начинающему и молодому, было самому интересно нагородить как можно больше приключений. Я писал, и чувствовал, как сопротивляется текст. Я с трудом складывал слова в предложения, а предложения – в абзацы. Мне было трудно описывать людей, пейзажи, схватки – все на свете было трудно.

Но я почувствовал, что у меня уже что-то получается...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВНУТРИ И СНАРУЖИ

1. ЧАС БЛАГОДАРЕНИЯ

Это было обычное утро второго города. Тири проснулся рано: стены и потолок спальни лишь начинали светиться. Он полежал немного, глядя на предметы, все сильнее и сильнее проступающие из темноты. Потом повернулся к соседней кровати и толкнул Гэла:

– Вставай, засоня! Скоро подъем!

Гэл потянулся, зевнул и сел на кровати. Стены светились уже совсем ярко. В дальнем углу проснулся еще кто-то: звонко шлепнули о пол босые ноги. Ближился час Благодарения.

В длинной умывальной комнате, обшитой розовым пластиком, тоже включился свет. Ребята встали

рядом у умывального желоба. Дозатор щелкнул и выдавил им на ладонь немного мыльной пасты.

– Сегодня зеленая, – сказал Тири.

Гэл ничего ему не ответил. И так ясно, что зеленая, сегодня же не праздник, чтобы выдали синюю. И не медицинский день, чтобы умываться пришлось противной, какой-то колючей, белой дезинфект-пастой.

Умывшись, они постояли немного под струями теплого воздуха, льющимися с потолка. Потом вернулись в спальню – до прихода Дежурного надо было заправить кровати и подогнать выданную на эту пятидневку одежду.

– Бегом! – крикнул Форк.

Гарт и Арчи вскочили с горячего песка и бросились вперед. Арчи почти сразу отстал – бегал он плохо. За это его и не хотели брать в группу... Арчи стиснул зубы и напряг все силы, глядя на широкую спину проводника.

– Стойте! – Форк, бежавший впереди, замер.

Они тоже остановились, смотрели, как проводник озирается по сторонам, настороженно вслушивается, нюхает воздух. Форк вдруг лег и быстро-быстро пополз вверх по горному склону. Мелкие камни скатывались вниз.

– За мной!

Арчи полз вслед за Форком, чуть ли не утыкаясь лицом в стертые подошвы его ботинок. Ползти было неудобно, приклад автомата все время цеплялся за

камни, стучал, и Форк уже несколько раз ругался, шипел на Арчи.

Наконец они добрались до гребня холма. Осторожно выглянули из-за него. У Арчи перехватило дух. Далеко впереди, в выжженной желтой пустыне, вздымалась на многокилометровую высоту толстая стальная колонна, увенчанная огромным диском.

– Город! – свистящим шепотом сказал, прикрыв рот рукой, Гарт. – Вот он, проклятый!

Дима еще раз попытался вскрыть пульт. Бесполезно. Он стоял, бессильно оглядывая искореженную рубку, залитую мертвенным синим светом аварийных ламп.

– Уходи, пилот, – донеслось из динамика.

– Я тебя не брошу, – Дима снова взялся за отвертку.

– До взрыва семь минут. Уходи, пилот. Даже если ты достанешь блоки памяти, это мне не поможет.

По лицу Димы текли слезы. Он налег было на отвертку, стараясь повернуть сорванный винт, но почувствовал сзади прикосновение. Обернулся и увидел белую сверкающую глыбу кибера. Дима слишком поздно понял, в чем дело. Его вскинуло на трехметровую высоту. Болтаясь в стальных лапах робота, он выплыл из рубки.

– Отпусти!

– Спокойно, пилот. Я вынужден спасти тебя против твоей воли, – голос кибермозга теперь шел из бронированной груди робота.

– Отпусти, ты должен повиноваться!

– Повиновение – лишь второй закон, пилот. А спасение твоей жизни – первый. Я выведу спасательную шлюпку к планете. Прощай.

Кибер мощным толчком забросил пилота в шлюпку. Дима вскочил, но люк уже захлопнулся. Он бросился к пульту. Клавиша мягко ушла в панель, мигнул индикатор, но люк не открылся. Управление было заблокировано кибермозгом... Толчок был не сильным. На вспыхнувших экранах показался удаляющийся корабль. Разорванный шар двигательной установки, темные хлопья замерзшего горючего, кружащиеся вокруг... Диме даже показалось, что он видит алый свет перегретого реактора. Но это, конечно, было самовнушение. Корабль превратился в крошечную точку. И еще раз возник в динамиках голос:

– Я связался с ретранслятором, пилот. Через два месяца к тебе придут спасатели. Не унывай.

– Не хочу, чтобы ты погибал! – Дима сжал в руке микрофон.

– Ничего не поделаешь. Прощай, Димка. Мы хорошо шли... – казалось, голос кибермозга дрогнул. Но это, конечно, тоже было самообманом.

Точка-корабль на экране вдруг дернулась и разбухла в огромный белый шар, прорезаемый красными сполохами.

Дима сел в кресло пилота. Включил автоматику. Проверил все системы. И заплакал.

– Благодарение городу, прекрасному и великому, благодарение тоннелям длинным...

– Благодарение пище и благодарение воде, воздуху чистому и свежему – благодарение, свету яркому – благодарение...

– Благодарение тем, кто внутри, тем, кто равен и счастлив...

– Благодарение тем, кто выбран, и тем, кто выбирает, тем, кто думает, и тем, кто выполняет...

– Благодарение... Благодарение...

Ударил гонг. Наступало время занятий. Тири встал с пола (машинально отметив, что на пластике протерты его коленями широкие вмятины) и надел Знак. Спросил Гэла:

– Ну что, идем?

– Идем.

По длинному коридору они вышли на проспект. Толпа сегодня была большой. Впрочем, такой же, как вчера. Как позавчера. И как завтра тоже... Двухцветные кружки Знаков мерно покачивались на серых комбинезонах. Мелькали самые разные оттенки нарукавных манжет: черные, ученические, как у Тири и Гэла; синие – инженерные; желтые – медицинские... Ребята медленно продвигались к кабине лифта. Автоматика отмерила двадцать человек и закрыла двери. Лифт пошел вниз. Тири и Гэл попали в одну партию. Они переглянулись и подмигнули друг другу. Совсем незаметно... Гэл тихо шепнул:

– Попробуем сегодня...

– Ладно...

Они понимали друг друга с полуслова. Из своих шестнадцати лет ребята были знакомы почти семь.

Явление неслыханное. Удивительное. И – запретное. Автомат-лифтер проскрежетал:

– Шестой ярус, пятьдесят четвертый этаж.

Ребята вышли в раскрывшиеся двери. Поклонились Дежурному. Затянутый в матово-черную форму мужчина лениво махнул вправо. Гэл шепнул:

– Сегодня в третьем корпусе...

– Жаль. Пятый лучше...

Они зашли в аудиторный зал. Почти все места были уже заняты. Лишь самый верхний ряд заманчиво светлел провалами пустых кресел. Гэл толкнул Тири – «не торопись». Но у того уже мелькнула мысль о проверке. Он шагнул к лектору:

– Равный! Попросите кого-нибудь поменяться со мной местами! Я не хочу сидеть с Гэлом!

Лектор нахмурился, сказал, сдерживая гнев:

– Дерзость не украшает юношей! Запомни: все равны, все одинаковы, все заменимы! Садись с Гэлом. И будешь сидеть с ним всю пятидневку.

Скорчив расстроенное лицо, Тири поплелся наверх. Они сели, демонстративно не глядя друг на друга. Включили свои дисплеи.

– Тишина! – сказал лектор.

Все замолчали. Лишь какой-то парень, заболтавшийся с соседом, громко выпалил:

– Наружник ты, Ласт...

И замолчал в растерянности. Аудитория взорвалась хохотом. Лектор помрачнел. Громко сказал:

– Говорившему – встать.

Испуганный парень поднялся. Пробормотал:

– Я не хотел... Я случайно. Вырвалось.

Лектор накалялся все больше и больше:

– В мои годы за такие слова наказывали! Как тебе не стыдно произносить это слово! Что, твой сосед – убийца? Или людоед?

Парень молчал.

– Тогда зачем ты назвал его «наружником»? Садись и подумай над своей несдержанностью. Дежурному твоего сектора я сообщу.

Лектор отпил воды из стакана.

– Ну, что ж. Тема сегодняшнего занятия...

Диаметр колонны был километра два. Сейчас, когда они лежали у самого подножья, казалось, что стальная стена даже не закругляется. Арчи невольно охватило восхищение: «Это ж надо построить такое!» Диск, в который переходила на трехкилометровой высоте колонна, скрывал их от солнца. Песок здесь был сырой, кое-где в нем даже пробивалась трава. Арчи лежал на спине и смотрел вверх, на металлическое днище диска. В лучах заходящего солнца поблескивали тонкие ниточки-тоннели, уходящие от диска куда-то вдаль, растворяющиеся в голубизне неба. По ночам, особенно в ветреную погоду, тоннели были видны гораздо лучше. Поддерживающее поле рождало вокруг них дрожащее зеленоватое свечение. Арчи объясняли причину, но он уже успел ее забыть. Что-то связанное со статическим электричеством...

Подошел Форк, сел рядом. Сказал негромко:

– Не волнуешься?

Арчи покачал головой. Спросил:

– А еще долго ждать?

Во взгляде Форка явственно мелькнула улыбка.

– Ждать мы еще и не начинали. Вот если Гарт найдет вход... Они могли давным-давно заделать все слабые места.

– Зачем? Они же полагаются на пояс радиационной защиты...

На этот раз Форк не стал скрывать улыбки.

– Мне бы твою уверенность... Только стар я, наверное.

Арчи хотел было обидеться... Но не успел.

– Эй, сюда! – Голос Гарта шел откуда-то справа.

Они встали. Арчи осторожно провел рукой по стальной стене. Ни ржавчины, ни вмятины. Его снова охватил страх. Арчи перехватил поудобнее рюкзак и пошел за Форком. Проводник шел неторопливо, на ходу роясь в карманах. Достал кусок жесткого, как камень, мяса, понюхал. От мяса несло гнильцой – видно, плохо коптили. Форк поморщился и стал жевать.

Шлюпка стояла на четырех амортизаторах. Передние прогнулись, и нос уткнулся в раскиданный при посадке песок. Дима долго стоял у иллюминатора, разглядывая вихляющую во все стороны борозду. И как только не перевернулся... Он привычно уселся в пилотское кресло (иными удобствами шлюпка не располагала), взял с пульта карту. Самая обычная карта, к тому же – весьма схематичная. Три материка, два – покрытых льдом на полюсах, один – прожаренный солнцем – на экваторе, горы, моря и океан...

Вот только разноцветные пятна, усеявшие экваториальный материк, заставляли сердце биться сильнее. Двенадцать зеленых точек – крупные скопления металла, образующие правильный круг почти тысячекилометрового радиуса. Слабая зеленая муть посередине – очень похоже на земной город. И красные оспины по всему материку... Это было уж совсем скверно – радиация. Пусть не очень высокая, но...

Дима задумался. Планета обитаема? Несомненно.

Удивительно. Первый рейс, и корабль гибнет. Помощь придет лишь через два месяца. А пока он находится на планете, где существовала или существует цивилизация. Прямо-таки классическая задача из учебника ксенологии...

В памяти у Димы одна за другой всплывали услышанные когда-то истории. Одному стажеру устроили встречу с «инопланетным» кораблем... Других сажали на планете с веселым названием Имитатор... Раньше он смеялся над такими рассказами. А вот сейчас... Неужели его проверяют?

Дима прошелся по шлюпке. Два метра назад, два метра вперед... Особым комфортом шлюпка не отличалась. Но, согласно Уставу, он должен ждать спасателей, не выходя из нее. «Если это проверка, если за мной наблюдают, то получу высший балл. За дисциплинированность... Или низший – за пассивность? Нет, высший не поставят – я же буду действовать по Уставу. Хотя кто ни разу не нарушал Устав? Есть ли такие? Иван на Блэк Раунде нарушил восемнадцать параграфов. А если бы он этого не сделал?.. А Стас, мой кумир на первых курсах космошколы... Сбивая

«чужого», он поступил по Уставу. И даже когда комиссия вскрыла обгорелые люки, никто не сказал ему ни слова упрёка. Но я не пожму руки Стаса...»

Дима подошел к пульту. Топлива было мало, очень мало... Но до ближайшей из точек на карте добраться можно. Он сел в кресло и пристегнулся. Надавил на клавишу «подача рабочего тела». В корме тоненько завывала турбина, подкачивая к двигателям сжатый водород. Стартовать придется с места, уменьшая нагрузку на злополучные передние амортизаторы...

Вначале из-под шлюпки взметнулся песок. Потом, с торжествующим гулом, – прозрачное синеватое пламя. А потом снова песок, целые тучи песка... Когда они осели, шлюпка уже исчезала в небе.

2. СЕКТОРАЛЬНЫЙ

Тири потянулся к раздатчику. Прибор щелкнул и протянул ему вечерний рацион. Шедший следом Гэл получил свой яркий полиэтиленовый пакет. Стараясь держаться вместе, они подошли к столику. И снова им повезло – были свободны два места рядом. Тири вскрыл свой рацион и поморщился. Номер шесть – тарелка каши, белковые шарики и донельзя противный сок киланы. Ничего не поделаешь, машина определила рацион, исходя из его потребностей в пище... Гэл поймал взгляд Тири, осторожно толкнул ему свой стакан с кофе, а сок забрал себе.

– Зря! – укоризненно сказал Тири одними губами.

Гэл и сам знал, что зря. И не Тири было учить его осторожности. Но смотреть, как друг, давясь, пьет мутную кислую жидкость, он не мог.

Торопливо проглотив кашу, Тири встал и пошел к выходу. Через минуту поднялся и Гэл.

...В спальне из группы еще никого не было. Опять повезло! И что за день сегодня? Тири поджидал друга, стоя возле самой двери. Наконец в коридоре послышались торопливые шаги, дверь качнулась и уползла в стену. Гэл вошел, и привычно-доброжелательное выражение его лица сменилось улыбкой. Тири осторожно взял его руку. Они постояли немного, держась друг за друга. Ладонь у Гэла была маленькая и слабая. Его считали слишком нежным, и не зря...

– А меня Дежурный сектора останавливал. Я из-за этого задержался...

Тири удивленно посмотрел на друга.

– Зачем?

Гэл лишь пожал плечами:

– Спросил, в каком корпусе были занятия...

Они снова замолчали. Гэл высвободил руку, сказал:

– Я сейчас в лифте видел одного Равного... Мы с ним когда-то учились вместе...

Почему-то Тири разозлился:

– Ну и что? Он тебя узнал?

Гэл опять улыбнулся:

– Откуда я знаю...

В коридоре послышались шаги, и Гэл торопливо пошел в умывальную. Тири сел на свою койку, раз-

гладил рукой складки на покрывале. Он не ощущал себя счастливым – верный признак болезни. Но если пойти к врачам, они опять ничего не найдут. Такое с ним уже случалось...

Удивительно, как Гарт сумел найти люк. Арчи снова и снова разглядывал тонкую трещину метровой ширины, почти незаметную в блеске металла. Форк и Гарт спорили рядом.

– Аварийный пожарный спуск, – Гарт старался говорить уверенно и солидно.

Но проводник лишь иронически улыбался:

– Слишком много хочешь, технарь. Это просто запасной воздуховод.

– Ну, хорошо, сейчас сам увидишь!

Гарт отстранил Арчи и прильнул к расположенному на высоте груди люку. Не оборачиваясь, запустил правую руку в болтающуюся на боку грязную матерчатую сумку. Достал побитые, почерневшие от времени плоскогубцы, длинную отвертку, бережно обернутый поролоном резак...

Горючего все-таки не хватало. Дима посадил шлюпку километрах в двадцати от цели. К этому времени на экране локатора уже проступила исполинская металлическая башня – километра три, не меньше, увенчанная толстым диском. Дима достал было выходной комплект, но вовремя остановился. Уже стемнело, и выходить из шлюпки было бы бе-

зумием. Он разложил кресло, слегка надул его и лег спать. За тонкой обшивкой тихонько шуршал песок. Это напоминало слабый летний дождик... Сквозь сон Дима подумал, что надо было садиться ближе к одной из многочисленных скал, с подветренной стороны. А то присыплет так, что и не взлетишь... Он совсем забыл, что у него все равно не осталось горячего...

Экран занимал полстены, и на лице мэра была видна каждая морщинка. Два десятка подростков старшей учебной группы сидели прямо на полу. Кто у самого экрана, кто подальше... Это не определялось никакими правилами. Важно было лишь периодически менять места...

Мэр улыбнулся, сказал мягким, теплым голосом:

– Равные! Сегодня мы решаем три важных вопроса. Пусть мысли ваши будут светлы и открыты...

Не в первый раз Тири слышал ритуальную формулу начала голосования. Но все то же неизъяснимое волнение охватило его. Смесь гордости, любопытства, сосредоточенности...

– Итак, первый вопрос. Поступило заявление от Дежурного седьмого яруса: вследствие старения оборудования лифты не достигают нужной скорости. Возникают заторы. Но ведь до общегородского ремонта еще три пятидневки! Мы должны решить, что будет большим отклонением от равенства: ремонт или транспортные заторы. Есть ли среди нас такие, кто рекомендует ремонт?

Тири надавил на правую половину Знака. Взглянул на Гэла – тот тоже голосовал «за». Они одинаково не любили ездить в лифте...

На экране вспыхнули цифры: «96,32% – против проведения внеочередного ремонта». Мэр просиял.

– Равные! Я рад, что мы сохраняем порядок. Любая внеочередность – зло. Как жаль, что четыре процента, конечно, лишь из самых лучших побуждений, рекомендовали обратное... Ну, а Равным седьмого яруса придется вставать пораньше.

Тири смотрел в пол. Опять он ошибся... Но ведь и то, что на седьмом ярусе будут недосыпать, – нарушение равенства! Почему все поняли, что это меньшее зло, а он не догадался... Может, оттого, что любит поспать и терпеть не может толкотни в лифтах? «Это все мои атавизмы... Но ведь у многих есть отклонения от нормы. Многие поступают не так, как надо. Ласт, например, излишне увлекался книгами по математике, но потом исправился. Атавизмы поведения легче ликвидировать, чем атавизмы строения тела. До сих пор у половины Равных сохраняется ненормальная фигура...» Тири украдкой посмотрел на Гэла. Последние годы у него, как и у многих других ребят, атавизмы проявлялись вовсю. Появилась дурацкая, неравномерная полнота: на груди, например, все так и выпирало. Гэл злился, но сделать ничего не мог...

– ...кто – за? Думаю, что тут двух мнений быть не может.

Задумавшись, Тири прослушал вопрос. Он наобум надавил правую половину Знака, и растерянно оглянулся. О чем же они голосовали?

– Великолепно! В этом вопросе мы единодушны: температура воздуха в запасных складских помещениях останется прежней. И, наконец, последний вопрос. Кто из нас согласен с порицанием, вынесенным четвертой медицинской лабораторией? Совершенно оправданное порицание, на мой взгляд...

Тири поморщился, вспоминая. Вчера, на лекции, им что-то говорили... Четвертая лаборатория проводила вредные исследования генотипа. Деталей Тири не знал, но мэру они, конечно, были известны.

– Эти горе-ученые доисследовались до того, что стали отрицать возможность полного равенства! Кто согласен с их порицанием?

Ну и ну! Тири без колебаний надавил на Знак. Согласен.

Гарт вдруг отскочил от стены. Люк тихонько звякнул, и медленно, словно нехотя, вывалился наружу. Торжествующая улыбка сползла с лица Гарта – отверстие было закрыто тонкой стальной решеткой, за которой угадывались неподвижные вентиляторные лопасти.

Форк захохотал:

– Не грусти, технарь! Походишь в набеги с мое – не будешь ошибаться. А воздуховод еще лучше, чем пожарный выход, здесь не предусмотрена сигнализация.

Гарт огорченно помотал головой и прильнул к решетке. Постучал по ней, поцарапал напильником:

– Часа на два работы!

Проводник невозмутимо достал флягу, отхлебнул воды, тщательно закрутил пробку.

– Не спеши. Все равно пойдем попозже, когда все уснут.

Диме снилась Земля. Космодром Службы Дальнего Поиска в пустыне Калахари, руководитель практики Глеб Разумовский, соревнования по виндсерфингу за неделю до старта...

Защитная система шлюпки ощупывала скалы лучом локатора, снова и снова возвращаясь к далекой стальной башне. Она была словно пропитана энергией, сквозь броню сочились какие-то излучения, обрывки явно осмысленных сообщений... Это было потенциально опасно...

Пилот спал.

Потолок угас. Через несколько минут в спальне слышалось ровное сонное дыхание двадцати старшегруппников. Впрочем, нет, не двадцати, а восемнадцати. Тири повернулся к соседней кровати, стоящей почти вплотную:

– Гэл!

– Что?

– Помнишь, как мы три года назад встретились, и ты меня сначала не узнал?

– Угу.

– Гэл, послезавтра распределение.

– Я знаю.

– Гэл, ведь может же такое быть, что мы еще встретимся? Даже если нас отправят в разные города!

– Конечно, может...

– Гэл, а если послезавтра... Группу уже шесть раз тасовали, а нам с тобой везло. Вдруг теперь попадем на разные ярусы, в разные сектора, тебя через год направят инженером в седьмой город, а меня врачом в пятый. Давай поклянемся друг другу, что тогда всю жизнь будем переходить из города в город и искать...

Гэл приподнялся на кровати, зашептал быстро и сбивчиво:

– Хорошо, Тири. Я согласен. Только если нас направят в разные группы, я тут же умру...

– Гэл, глупый, как ты можешь такое говорить! Ты же знаешь, что умирают в шестьдесят лет!

– А разве раньше нельзя?

– Ну... – Тири даже растерялся от такого вопроса. – Если наружники тебя похитят и убьют. Или если на заводе наглотаешься газа... А без этого люди не умирают! Помнишь, как говорится в Благодарении?

– Помню: «Благодарение жизни, равной и радостной, всем шестидесяти годам, и уходу тихому – благодарение...»

– Осторожно!

Ребята замерли под простынями, задышали спокойно и медленно. Дверь спальни открылась, по кроватям пробежал тонкий лучик света. Дежурный!

Конечно, все Равные – равны. Но... Тири вдруг вспомнил странные взгляды, которые Дежурный их сектора бросает на Гэла. Все они, Дежурные, хоть и кричат громче всех о равенстве, не похожи на дру-

гих. А этот – вообще. Высокий, намного выше нормы, широкоплечий... Рыжий! И не перекрашивается, как делают почти все...

Дежурный по-прежнему стоял у двери, словно выжидая чего-то. Вдруг уменьшил свет фонаря и пошел вдоль кроватей. Остановился возле Гэла. Послышался шорох – Дежурный рылся в аккуратно сложенной одежде. Сквозь полуприкрытые веки Тири следил за его движениями, недоумевая все больше и больше. Дежурный тем временем нашел то, что искал. В его пальцах мелькнул черный диск – гладкий, с едва заметной бороздкой посередине, с длинной металлической цепочкой... Знак! Дежурный повернул диск ребром, где был выдавлен номер, долго смотрел на цифры, запоминая их. Положил Знак на место, но не ушел, а продолжал стоять возле Гэла. Тот лежал тихо, притворяясь спящим. Дежурный наклонился и осторожно коснулся его волос, прошептал что-то тихое и непонятное. Дежурные частенько говорили непонятные, лишённые смысла слова. А может, там и был смысл... У всех профессий есть свои жаргоны, почему Дежурные должны были быть исключением?

Рыжий секторальный все стоял и стоял. Фонарик чуть дрожал в его руках, и светлые волосы Гэла то вспыхивали в темноте, то снова погружались во мрак... Тири внезапно понял, что смотрит на Дежурного уже не с удивлением и даже не со страхом. Он больше не относился к секторальному равнодушно! Но и не так, как к Гэлу, а, скорее, совсем наоборот. Дежурный вдруг оглянулся и наклонился еще ниже...

Тири вскочил. Что-то слепое, яростное сбросило его с кровати, сжало судорогой пальцы, напрягло все мышцы. Секторальный мгновенно выпрямился, посмотрел на Тири. У него был очень странный взгляд. Так равные смотрят на заевший автомат, на лифт, который сломался, когда надо спешить, но еще никогда Тири не видел, чтобы так смотрели на человека. Он не догадывался, что и в его глазах горит такое же черное, ненавидящее пламя.

– Однако! – сказал Дежурный, сказал насмешливо и презрительно. Взял Знак Тири, взглянул на номер и, пятась, вышел из спальни.

Тири медленно сел на кровать. Гэл раскрыл глаза и с отчаяньем посмотрел на него:

– Тири, что теперь будет?

– Не знаю.

Рюкзаки они сложили на песке, последний раз проверили автоматы и рассовали по карманам патроны. Возбуждение ледяным холодком струилось в крови. Даже Форк перестал притворяться невозмутимым. Поглядел на часы, нервно повел головой. Достал из нагрудного кармашка завинчивающуюся коробочку, не таясь, вдохнул мелкий темно-бурый порошок. Арчи и Гарт переглянулись. Стимуляторы были категорически запрещены, и они знали это не хуже Форка. Впрочем, в Лагере проводник себе такого не позволял...

Часы на руке Форка пискнули. Это были хорошие, «вечные» часы, предмет всеобщей зависти. Их можно было достать только в городе...

– Запомните – берем тех, кто помоложе. Тащить легче, и меньше шансов, что свихнутся, – Форт проговорил это неестественно быстро, глаза его беспокойно блеснули.

Они исчезли в воздуховоде поодиночке – вначале проводник, затем Гарт. Арчи перепрыгнул через валяющуюся на земле решетку и обломки вентилятора, взглянул еще раз на чистое небо, усыпанное огоньками звезд... И полез в узкую, пахнущую пылью трубу.

Зверьку не везло всю ночь. Он был слишком мал, чтобы напасть на песчаных ящериц, и слишком голоден: чтобы довольствоваться ночными жуками. Едва уловимые запахи вели его между скал, но все они были либо слишком старыми, либо опасными. Но вот порыв ветра донес еще один запах – непривычный, заставивший нервно раскрыться маленькую пасть. Странное металлическое яйцо застыло на песке – огромное, обгорелое, мертвое. Мертвое – значит, неопасное. Зверек подбежал поближе.

Следящий луч коснулся теплого живого комочка. Живое – значит, опасное. Маленькое – значит, не способно нести в себе разум.

Вспыхнула в ночи раскаленная игла лазерного излучения. Раздался судорожный визг. И наступила тишина. Лишь ровно и надежно гудели приборы.

Пилот спал.

3. НАЛЕТ

«Это конец...» Мысли были какими-то ленивыми и безразличными. Тири понимал, что его странный поступок не останется безнаказанным. Нотацией или публичным покаянием он не отделается. Скорее всего, его ждет общественное порицание – полная коррекция психики.

«А что я, собственно, сделал? Просто встал, может быть, мне захотелось попить. Увидел Дежурного – и от удивления замер на месте». Тири помотал головой. Не стоит хитрить с самим собой. Дежурный все понял, он прочел в его глазах самый страшный из атавизмов – равнодушие к человеку.

Гэл сел рядом, обхватил Тири за плечи. Спросил совсем тихо:

– А зачем он приходил, этот секторальный?

– Запомнил номер твоего Знака. А потом долго смотрел на тебя. Так странно смотрел, я думал, только мы так друг на друга смотрим... Слушай, Гэл, если будет собрание, то я скажу, что Дежурный сам атавик!

Тири даже не заметил, что, произнося слово «сам», он заранее согласился с непредъявленным еще обвинением.

– Это не поможет...

– Все равно! Пусть ему тоже будет плохо, пусть! Если бы я мог, то выбросил бы его из города, он хуже наружника, он...

– Тири, Тири, замолчи! Все равны, все одинаковы, все заме...

– Нет! Ты для меня не одинаковый, незаменимый! Ты не такой, как все!

– Тири, ты для меня тоже...

Дверь открылась. Впереди шел Дежурный их сектора. За ним неторопливо вышагивал Дежурный по ярусу.

Ребята вскочили. Дежурный по ярусу вышел вперед. Медленно поднял свой черный жезл, спросил:

– Эта?

Какой-то неправильный вопрос. Словно спросил о машине: «эта?». О Равном всегда говорят «этот». Может быть, их уже не считают за равных? Мысли у Тири путались.

– Да, – секторальный кивнул.

– А у тебя хороший вкус. По коэффициенту подходит?

– С лихвой. Я же скоро возвращаюсь...

– Понял уже. Что ж, это твое право.

Дежурные разговаривали так, словно не замечали ни Тири, ни Гэла. И от этого было особенно страшно.

– А парень, значит...

– Я был потрясен. Такой взгляд, просто мороз по коже.

– Хорошо. – Дежурный яруса направил жезл на Тири. – За мной, номер 12-364-907-Тири.

В каком-то спасительном оцепенении Гэл смотрел им вслед. Дверь закрылась, а он не в силах был отвести от нее взгляда. В углу спальни кто-то завозился, привстал с постели. Недоуменно взглянул на Гэла, открыл было рот, но промолчал, снова лег.

* * *

– Первый ярус, восьмой этаж.

Тири еще никогда не спускался так низко. Лишь слышал, что тут находятся сектора Дежурных.

И ярусный, и секторальный шли впереди. До Тири донесся обрывок реплики:

– ...в тринадцатый. Пусть сами решают...

– Стоять! Руки за голову!

Тири не сразу понял, в чем дело. Увидел окаменевшие фигуры Дежурных, машинально остановился сам. И обернулся на голос.

Их было трое. Непривычно одетые, ненормально длинноволосые, с резкими, напряженными лицами. Чужие. Двое совсем молодых, чуть старше Тири, а одному, наверное, за сорок. И еще у них были в руках странные металлические предметы: толстые трубки с двумя рукоятками. Трубки были направлены на Дежурных.

Молчание длилось лишь несколько секунд. Потом тот, который был старше, нехорошо улыбнулся:

– Какая удача! Дежурные! И не всякая мелочь, а сам ярусный!

За спиной Тири раздался отчаянный, полный страха, визг. Ярусный, с искаженным от крика лицом, вскинул свой жезл. Жезл вспыхнул и выбросил многометровую огненную струю. Но за секунду до этого трубки в руках парней загрохотали, забились, расцветая язычками пламени, струйками сизого дыма. Раздался звук падения тяжелого, грузного тела.

Тири стоял в оцепенении. Ему казалось, что он видит необычный, запретный сон, что сейчас ударит гонг, и он раскроет глаза. Гонга не было. Высокий парень в буровато-желтой куртке взмахнул рукой, тонкая оперенная игла просвистела в воздухе. Укол в плечо. И темнота, упавшая со всех сторон.

– Гад, трусливый гад! Ушел! Куда вы смотрели, молокососы! – Форк, добежавший до поворота, уже спешил обратно.

– Куда? А что, по-твоему, мы должны были ждать, пока нас подпалят? – Гарт, кривясь от боли, тер покрасневшее лицо. Поднял жезл, спросил: – Возьмем?

– Выбрось. Это одноразовое оружие... Упустили второго, дурачье!

– Хватит, проводник! – с едва заметной угрозой сказал Гарт. – Ты тоже хлопал глазами! И вообще, слишком волнуешься!

Форк сразу обмяк. Кивнул головой.

– Ты прав... Ладно, сматываемся, а то рыжий щенок поднимет тревогу! Тащите парня.

Они побежали по коридору. Остановились у широкого отверстия, закрытого пластиковой сеткой. Гарт сильно дернул – сетка, подрезанная с трех сторон, задралась кверху. Арчи пошел первым, за ним Форк спустил обмякшее тело юноши, придержал, пока его не подхватил Арчи, скользнул сам. Гарт внимательно обвел взглядом коридор и тоже полез в вентиляционную шахту.

* * *

Он не мог спать. Понимал, что должен уснуть, чтобы набраться сил перед занятиями, и даже смутно догадывался, что сон приглушит боль... Но уснуть не мог. Гэл взглянул на соседнюю кровать – белели смятые простыни, плоская и жесткая поролоновая подушка. Тири увели. Навсегда. «Я же его больше не увижу», – вдруг понял Гэл. Вскочил, задевая за что-то в полумраке, натянул брюки и рубашку, бросился к двери. Заметил, что лицо у него мокрое, но раздумывать, отчего это, не было времени.

Гэл бежал по пустынному коридору к лифтам, где находился пост секторального. Может быть, Тири еще там...

На посту никого не было. Он прислонился к стене, постоял, сдерживая отчаяние. И разревелся, не понимая, что с ним происходит, смутно вспомнив, что плакал давным-давно, в детстве, а потом его отучили, потому что это тоже атавизм...

Стукнули двери лифта. Гэл резко обернулся и увидел секторального. Но в каком виде! Куртка разорвана, на лице длинный кровоточащий след, а от прежней уверенности в движениях не осталось и следа. Дежурный увидел Гэла и замер:

– Ты?

Гэл молчал.

– Ты плакал, малыш? – Секторальный неожиданно затрясся от смеха. – А я в тебе не ошибся!

– Где Тири? – Гэл даже не понял, что кричит на Дежурного. Но тот не возмутился. Прекратил хо-

хотать, шагнул ближе, взял Гэла за плечи, наклонился к нему. Сказал слишком уж убедительным голосом:

– Мы бы его строго не наказывали. Вынесли бы нотацию и отпустили обратно.

Гэл взглянул в темные, прищуренные глаза и понял: врет. Но ничего не сказал, ждал продолжения.

– Ты понимаешь... На нас в первом ярусе напали. Наружники... Ярусного убили, а Тири забрали с собой, понимаешь? Я чудом успел уйти... Ты не бойся.

Это была правда, Гэл понял сразу, так же, как минуту назад почувствовал в словах ложь. Стены словно вздохнули и разошлись в стороны, пол закачался под ногами, лампы расплылись в десятки разноцветных колец. И из этого далекого мира доносился голос Дежурного:

– ...знаешь, что бывает с ними. Но теперь ничего не поделаешь. А ублюдков поймают... Ты, главное, не бойся. Тебя не будут наказывать. Иди спать и ничего не бойся...

А чего теперь можно бояться? Он считает себя очень умным, секторальный... Пусть он вначале объяснит, чего теперь можно бояться? Зачем бояться, зачем спать, зачем вообще что-то делать? Тири нет.

Гэл медленно прошел мимо Дежурного, шагнул в раскрывшиеся двери лифта. Секторальный что-то сказал, но створки уже сошлись, отсекая вопрос и ту жизнь, где был Равный по имени Тири...

– Куда? – равнодушно спросил автомат.

– Двенадцатый ярус, сотый этаж.

Лифт пошел вверх. Конечно, приборы зарегистрируют эту ненужную поездку. Но это уже было неважно. Прежние запреты потеряли смысл.

Дверь лифта раскрылась.

– Двенадцатый ярус, сотый этаж.

Кто и зачем предусмотрел в металлической коробке Города этот коридор? Зачем древние строители опоясали последний, промышленный, ярус стеклянной галереей? Гэл не знал этого. Однажды он и Тири проходили здесь, и на несколько бесконечно коротких минут им удалось увидеть свою планету. Желтые пустыни, серые скалы, бездонное синее небо... Они всегда мечтали побывать на этом этаже, еще раз взглянуть на дикие, смертельные, но такие манящие просторы. Их общая мечта была почти осуществимой, и от этого особенно тайной.

Гэл вышел на Галерею. Это был обычный коридор, у которого одна, наружная, стена была заменена выпуклым стеклом. Галерея обходила весь пятикилометровый диск Города по окружности. В общем-то, это была удобная транспортная магистраль. Но вот ходить по ней было не принято, не рекомендовалось Дежурным двенадцатого яруса. А если ярусный что-то не рекомендует – это уже запрет.

Медленно, словно боясь увидеть что-то страшное, Гэл подошел к стеклу. Темнота. «Конечно, ведь еще ночь, как я мог забыть». Внизу ничего не было видно, с высоты пяти километров угадывались лишь контуры скал. А вверху... Вверху мерцали тысячи

огоньков – желтые, белые, красноватые, яркие и едва различимые. «Звезды, мы проходили», – мелькнула чужая, спокойная мысль. Гэл отвел взгляд, снова посмотрел вниз. В звездах было что-то равнодушное, и смотреть на них было страшно... Он не знал, сколько прошло времени, когда над дальним хребтом поднялось розовое зарево. Плоские, картонные горы обрели объем, протянули по песку длинные черные тени, похожие на бездонные пропасти, вершины вспыхнули, засверкали горстью драгоценностей. Где-то там был Тири, где-то там были наружники – озверевшие в радиоактивных пустынях мутанты, нападающие на тоннели и города, похищающие и пожирающие людей.

– Тири! Я не хочу, Тири!

В бессильном отчаянии Гэл бился о холодное стекло.

Дима допил кофе. Бросил стакан и недоеденный бутерброд в пластиковый пакет, заклеил, швырнул в угол. Шлюпка – не корабль, утилизатор в ней не предусмотрен... Подошел к пульту, просмотрел данные на дисплее. Сказал нарочито бодрым голосом:

– Даже респиратор не нужен. Вполне приличная планета.

Комбинезон надевать не стал. Легкий планетарный костюм подходил гораздо больше. Дима натянул вызывающе-красную рубашку, белые брюки и куртку из тонкой металлизированной ткани. Широкий пояс, сумка с пищевыми концентратами, фляга с водой, нож. Универсальный пистолет, притаившийся

в настенном гнезде. Пистолет щелкнул, когда он взял его, секунду оставался холодным, изучающим, потом подмигнул зеленым и потеплел. Признал хозяина... Часы на левую руку. Браслет на правую. Дима осмотрел себя, удовлетворенно кивнул. Ни к чему не придерешься, все по Уставу.

Люк дрогнул и открылся. Дима подтянулся, проникаясь торжественностью момента, и шагнул вперед.

Ноги по щиколотку ушли в песок. Мелкий желтый песок, а из него клыками торчат отполированные ветром камни. Но скалы поодаль не такие гладкие, их еще не успела обточить адская смесь песка и ветра – значит, возраст их десятки, от силы сотни лет... А ветер дул и сейчас, дул монотонно, уверенно, словно его гнал исполинский вентилятор... Дима вдохнул полной грудью, подсознательно ожидая чего-то необычного. Ничего, только рот и горло мгновенно пересохли. Одно дело – цифры температуры и влажности на экране. Другое дело – эти же цифры в живом виде. Пустыня, где его угораздило припланетиться, без сомнения, была сестрой, причем старшей сестрой, самых мерзких земных пустынь. Во время предстартовой подготовки курсанты несколько раз ходили в пески, и Дима прекрасно помнил, как за несколько километров от обильно орошаемого космопорта терялись всякие следы цивилизации. Барханы, ветер, жара... Пустыня, как и любое зло, весьма примитивна.

За спиной с ровным гудением закрылся люк. Дима облизнул губы, понимая всю бесполезность этого, и пошел в сторону башни, серебристой искоркой по-

блескивающей на горизонте. Золотые барханы, отполированные ветром камни... Минут через пять он подумал, что надо было взять две фляжки.

4. ПОГОНЯ

Это было очень странное помещение. Неровные бугристые стены из чего-то грязно-серого. Одной стены не было, а в угловатое, неправильной формы отверстие лился яркий свет. Сознание уже вернулось к Тири, но двигаться не хотелось. Легкая сонливость окутывала мозг. «Как-то здесь не так... И ощущение, будто я стою у лабораторной печи. Как же это называется? Ах, да. Жарко. Почему мне жарко? Где я? Мы легли спать, потом пришел Дежурный, потом...»

Остатки оцепенения слетели с Тири. Он вскочил, ударился головой о низкий потолок. Потолок был каменный, это была пещера, три неподвижные тени рядом были наружниками, которые уже убили ярусного, а сейчас...

Ноги у Тири подкосились сами собой, он медленно осел на пол... нет, не на пол, на землю, на которой он оказался впервые в жизни.

Дима шел по пустыне второй час. Зной нарастал с каждой минутой. Утро только начиналось... Грибообразная башня на фоне безоблачно-голубого – мечта пилота – неба выросла, но совсем чуть-чуть. Шан-

сов добраться до нее к вечеру было мало. Дима вздохнул, взглянул на часы, тихонько запел песню курсантов:

Никого, один в ракете,
Лишь чужого солнца свет.
Бьет в лицо холодный ветер,
И друзей с тобою нет...

Правда, ветер сейчас был далеко не холодным... Он попытался насвистеть бодренький припев:

Ни конспекта, ни шпаргалки.
Лишь компьютер и Устав...

Мелодия дрогнула и оборвалась. Дима закусил губу. Не надо про компьютер. Лучше вспомнить, что кибермозг учебного корабля лишен разума... Или, что за той вот скалой может сидеть экзаменатор с биноклем и стаканом холодного лимонада в руке.

– Тебя как зовут? – Вблизи наружник был еще больше похож на человека. Только лицо грубое, с жесткой, почти коричневой кожей. Но глаза были... какие-то удивительно знакомые! Как у Гэла! Нет, чушь, у Гэла глаза голубые, а не карие... «Может быть, взгляд? Он смотрит на меня почти как Гэл!» Тири почувствовал, что страх медленно проходит. Он сглотнул возникший в горле комок и негромко сказал:

– Тири.

– Тири? А меня Форк. Вот этих ребят, – наружник махнул рукой в сторону подошедших парней, – зовут Арчи и Гарт. Они хорошие ребята, и рисковали из-за тебя жизнью. Думаю, что вы еще подружитесь, конечно, когда ты поймешь значение этого слова.

Тири согласно кивнул и спросил, еще надеясь на что-то:

– Вы... наружники?

Как трудно назвать человека этим словом! Стыдно произносить вслух – «наружник»!

Но мужчина не возмутился. Наоборот, улыбнулся и сказал:

– Да. Слушай, Тири, мне кажется, что ты нас почти не боишься. Это так?

– Я не знаю... Вы так похожи на людей...

– Мы и есть люди.

– То есть... Я хотел сказать «на Равных», на тех, кто внутри... – Тири смешался и в полной растерянности промямлил: – И еще – у вас взгляд, как у Гэла...

– Что, что? – В глазах у Форка появилось отчаянное любопытство. Он улыбнулся и потрепал Тири по щеке. Сказал: – Какой еще Гэл? Какой еще взгляд? Не припомню случая, чтобы Равный в разговоре выделял кого-либо!

Тири потрогал себя за щеку и тихо спросил:

– Что вы сейчас сделали?

Ребята заулыбались. Высокий худошавый парень, которого звали Гарт, насмешливо сказал:

– Он тебя погладил, дурачок. Тебе что, не понравилось?

– Понравилось. Просто мы с Гэлом тоже так делали. Я не думал, что другие тоже...

Форк присвистнул:

– Конец света, и только... Ладно, сейчас не время об этом. Пора уходить. Ты когда-нибудь видел мир снаружи Города? Не на экране, а по-настоящему?

– Да, видел.

– А небо?

– Также видел. Понимаете, мы с Гэлом были однажды на Галерее...

– Опять Гэл! Что ж, пошли, увидишь все это наяву.

Сердце у Тири отчаянно застучало. Он тихо спросил:

– Так мы снаружи?

– Да. Неужели ты еще не понял?

Тири шагнул вперед, споткнулся. Круглолицый, широкоплечий Арчи поддержал его, сказал:

– Повыше поднимай ноги, Тири. Это тебе не пол в Городе.

Они пошли к выходу из пещеры. «Сон. Меня похитили наружники, но не убили, а улыбаются мне и ведут куда-то! Я вышел из Города! Сон. Это сон». Но Тири уже понимал, что удивительный поворот в его жизни произошел наяву.

– Прикрой глаза, – сказал Форк.

Тири послушно зажмурился, но все равно, свет теперь проникал и сквозь веки, он лился на все тело теплым, ласковым потоком, и это не было неприятным, наоборот...

– Смотри!

Тири раскрыл глаза. Пошатнулся, его поддержали.

Беспредельность. Два бескрайних полотнища: желтое, песчаное внизу, голубое, воздушное наверху. Пустыня не была мертвой, – нет. В неподвижном золотистом песке дрожали тонкие зеленые травинки, обыкновенные серые скалы отливали тысячами оттенков, лазоревое небо ласково касалось их порывами ветра. Ветер был руками неба и солнца. Тири даже потянулся вверх за его ласковыми касаниями... Кружилась голова, болели глаза, но он все стоял и смотрел.

– Я понимаю, что ты сейчас чувствуешь, дружок. Сам через это прошел, – Форк говорил ласково, с затаенной печалью. – Ты здорово держишься, нам с тобой повезло.

Тири медленно обернулся. И вздрогнул. Тускло-серая, холодно отсвечивающая колонна, придавленная сверху толстым диском, вставала в стороне – близко или далеко от них, Тири еще не мог определить. Он тихо спросил:

– Это Город?

– Да.

– Какой он маленький.

Форк улыбнулся:

– Не такой уж и маленький. Хотя, впрочем... Ты прав. Мы часто забываем, что мир больше любого города, даже того, в котором живем мы сами...

Долгий протяжный гул пронесся над песком. Гул уставшего металла, скрип отвыкших от работы механизмов... У подножия колонны что-то едва заметно шевельнулось, неразличимое отсюда, непонятное, движущееся с кажущейся медлительностью... Форк быстрым движением поднес к глазам болтавшийся

на его груди предмет: две короткие толстые трубки, соединенные вместе, закрытые на торцах выпуклыми стеклами. Взглянул сквозь эти трубки на Город. И вдруг сказал что-то непонятное и, наверное, злое, ибо лицо его исказилось яростью. Протянул трубки ребятам:

– Взгляни, Арчи!

Арчи посмотрел. И стал снимать с плеча оружие:

– Они пустили погоню, проводник! То же, что было с Дирком!

– Вот именно. Уходите, живо! Я постараюсь их задержать... Черт, раньше они делали это только внутри!

Он повернулся к Тири, коснулся его плеча:

– Ты не боишься идти с нами? Мы не хотим тебя принуждать, да сейчас и не сможем.

Тири колебался лишь секунду. А потом лазоревое небо, и золотой песок, и жаркий, ласковый ветер ответили за него:

– Нет, не боюсь.

Форк кивнул, и в его лице опять мелькнули печаль и безнадежная зависть:

– Как ты держишься! Ребята приведут тебя в Лагерь. Там ты все поймешь. Тебе никто не причинит зла... Идите!

– Я с тобой, Форк! – стиснув в руках автомат, Арчи подался к проводнику.

– Не надо. Я сам из городских, я вас и прикрою... Рано вам еще... Ну, быстрее же, чего встали!

Гарт и Арчи почти потащили за собой Тири. Они бежали, утопая в песке, огибая рваные, вздыбленные

скалы. Когда далеко позади раздался тихий ровный стук, то замирающий, то возникающий вновь, перемежающийся более громкими хлопками, Арчи выругался сквозь зубы, а Гарт сказал изменившимся голосом:

– Это все его идиотский стимулятор! Действие кончилось, и наступила слабость. Он понял, что не может бежать...

Конечно, первым среагировал браслет. Лишь услышав его предостерегающее гудение, Дима обернулся.

Из-за песчаного бархана медленно выползло нечто странное. То ли машина, то ли животное. Шесть длинных коленчатых лап, неторопливо перебирающих по песку, узкий, двухметровой длины корпус, увенчанный вытянутой бугристой головой. Чудовище отсвечивало зеленовато-мутным металлическим блеском. Похоже, что это все-таки была машина.

– Эй! Ты... кто? – Дима сглотнул возникший в горле комок.

Чудовище подползло ближе, остановилось метрах в пяти от Димы. Теперь пилот прекрасно видел прозрачные кристаллы телеобъективов, чуть выдающиеся по бокам головы.

– Робот. Просто робот... – негромко сказал Дима.

Но это был не совсем обычный робот. У него была пасть! Длинная, полуметровая, на всю голову, челюсть со щелчком отошла вниз, обнажив тонкие и острые лезвия-зубы. И тут же браслет напрягся, даже чуть замерцал красным светом.

– Спокойно... – Дима вытащил из кармана пистолет, торопливо провернул наборный диск, отыскивая наилучший вариант. В груди возник странный холодок, то ли страх, то ли восторг, то ли все вместе.

Но применить оружие не пришлось. Браcлет вдруг перестал светиться, расслабился. А шестилапый робот приподнялся и торопливой рысью умчался назад, в барханы.

– У, черт... Кузнечик какой-то... – Дима сунул пистолет в карман, присел на корточки. Руки чуть дрожали. Вот она, его первая встреча с инопланетным существом. Пусть даже роботом... А может, это не робот? Может быть, они именно такие, планетные? Цивилизация муравьев, а башня – их муравейник...

Но почему же чудовище убежало? Дима поднес браcлет к лицу. На центральной грани были три маленькие кнопки с выдавленными на них символами: вопросительный знак, восклицательный знак и два переплетенных кольца. Дима нажал первую. По узкому экранчику пробежали слова: «Радиозапрос. Код. Подбор. Найден. Ответ».

Гарт бежал впереди. В его руке был короткий телескопический шест, ошетиленный пучком тонких, похожих на иглы, антенн. Время от времени шест начинал тонко, пронзительно звенеть. Тогда Гарт останавливался, обводил прибором вокруг, и мгновенно принимая решение, сворачивал в сторону.

Тири уже несколько раз падал. Бежавший рядом Арчи помогал ему подняться, бормотал, задыхаясь:

– Быстрее, быстрее...

Тири не мог бежать быстрее. Не привыкшее к нагрузке сердце отчаянно колотилось в груди, горячий и сухой воздух обжигал горло. Он никогда не думал, что можно так бегать. Да в этом и не было нужды.

Гарт вдруг остановился. Перевел дыхание, отбросил в сторону шест-индикатор, скинул рюкзак. Арчи от своего избавился уже давно. Повернулся к Арчи, отрывисто сказал:

– Не уйдем вместе. Никак. Беги с парнем, радиации здесь нет. Я отвлеку.

– Гарт!

– Беги, Арчи, я выпутаюсь. Беги, в Лагере ждут.

5. ФЭТ РЭГЕЛ

Крик раздался откуда-то справа. Страшный, полный боли и ужаса, почти заглушающий ровный, глухой перестук, похожий на дробь печатающего устройства. Дима поперхнулся пищевой плиткой, вскочил с песка. Наступила тишина.

Он бежал, загребая песок, размахивая рукой с тяжелым пистолетом. Наконец, обогнув невысокий холм, Дима остановился.

Перед ним была маленькая долина, прикрытая со всех сторон песчаными холмами. Начавшее клониться к закату солнце заливало ее ярким светом. Первое, что бросилось Диме в глаза, – его недавний «знакомый». Зеленоватое металлическое тело неестественно вы-

гнулось, коленчатые ноги раскинулись в стороны... Совсем как мертвый зверь. А рядом со «зверем» сидели двое людей. Один, темноволосый, хрупкий, в светло-сером комбинезоне, поддерживал другого, широкоплечего, в грязно-желтой куртке. Правая рука у того была залита кровью и плетью свисала вдоль тела. Не обращая на это внимания, парень все пытался левой рукой перехватить поудобнее металлический предмет, здорово смахивающий на автомат.

А с противоположного склона к людям приближался еще один робот. Приближался огромными скачками, вихляясь в разные стороны, и Дима никак не мог поймать его в узкую прорезь пистолетного прицела... Он выстрелил плазменным зарядом, дав небольшое упреждение на прыжок, и робот, уже в воздухе, дернулся, словно увидев несущийся к нему заряд, тщетно пытаясь увернуться...

Тяжелый огненный ком упал на песок, прополз с метр и замер. Дима опустил пистолет и пошел вперед, прямо на растерянные взгляды парней, на танцующее в руках широкоплечего дуло.

Гэл поднялся вместе со всеми. Быстро заправил постель Тири, потом свою, пошел умываться. «Он вернется, вернется... Не может быть, чтобы его не спасли. Дежурный ведь говорил про погоню. Он вернется...» Гэл все повторял и повторял эти слова, пока они не потеряли всякий смысл, не превратились в какой-то бессмысленный рефрен.

– Эй, Гэл! Ты что, не идешь на занятия?

- Он вернется...
- Что? Ты заболел?

Гэл помотал головой, приходя в себя. Попытался улыбнуться Таки:

- Я просто задумался. Конечно, я иду.

Дима встряхнул аэрозольный баллончик и покрыл рану юноши еще одним слоем пленки. Наклонил голову, разглядывая результаты своей работы. Конечно, курс медицины входил в подготовку, но на практике он своих знаний еще не применял.

Спрятав баллон, Дима взглянул на парня, ободряюще улыбнулся. Тот неуверенно улыбнулся в ответ. Совсем как человек. Отбросив колебания, Дима вытащил ампулу полициллина, раздавил ее, положил на ладонь парня. Жидкость зашипела и всосалась под кожу...

- Вот... А то получишь сепсис...

Дима старался придать своему голосу максимальную доброжелательность. Впрочем, раненый оказался молодцом. Сразу позволил осмотреть рану, хладнокровно выдержал перевязку...

Второй парень осторожно тронул Диму за руку и что-то сказал, негромко и словно бы недоуменно. Дима виновато покачал головой:

- Извини, друг, не понимаю.

Раненый поднялся с песка. Ткнул в себя пальцем, сказал:

- Арчи.

«Ага! Молодец! А я-то растерялся...»

– Дима.

– Тири.

Они невольно заулыбались, гордые своей маленькой победой. Арчи заговорил. Оживленно жестулируя (сказывалось действие лекарств), он то и дело показывал в сторону башни.

– Надо уходить? Так? – Дима кивнул в сторону чадающих обломков. – Могут прийти другие?

Парень сделал непонятный жест пальцами, видимо, выражая согласие. Они пошли по горячему песку, удаляясь от башни, от роботов-убийц, от подсохших бурых пятен...

Дима шел первым. Ему, чужому здесь, доверили выбирать дорогу... Но сейчас он не был склонен оценивать комизм ситуации. Где-то рядом рыскала хищная механическая смерть, и хорошо еще, если только механическая... Робота он уничтожил не колеблясь, а вот будь на месте машины пара молодчиков с автоматами... Нужно было как можно быстрее попасть в шлюпку. Там есть вода и пища, лекарства и одежда. Там есть оружие... И, главное, достаточно мощный компьютер с лингвистическим блоком.

Гэл включил дисплей, сел за лабораторный стол. Рядом устроился смуглый полнолицый парень. Новенький. Перевели в группу вместо Тири. Гэл отвернулся, потом не выдержал:

– Тебя как зовут?

– А какая разница?

Правильно. Никакой. Все равны.

* * *

Небо было по-вечернему темным. Догорающее на горизонте солнце светило в спину, и перед Тири болталась его собственная тень. Длинная, неестественно растянутая, но все равно обмякшая и жалкая... Он старался не смотреть вокруг, лишь под ноги, лишь на близкую и надежную землю. Утром страха не было, он пришел с темнотой, подкрался совсем незаметно и вдруг жесткой, холодной рукой тронул сердце. Как будто он был здесь один, беззащитный, растерянный, ничего не умеющий в мире снаружи Города. Как будто со всех сторон на него смотрели чужие, изучающие глаза. Как будто легкий порыв ветра мог подхватить его и унести вдаль, туда, где смыкались земля и небо.

Тири посмотрел вверх. Лишь на мгновение. Но и этого было достаточно. Потемневшее, настороженное небо тянуло его, засасывало, растворяло в наползающем сумраке, слабом ветерке, тихих шорохах пустыни.

Тири почти прыгнул вперед, резко схватился за Арчи. Видимо, задел при этом раненую руку, потому что тот сдавленно охнул от боли.

– Арчи! Ну куда нас ведет твой друг? Я не могу, не могу!

Арчи остановился, посмотрел в его округлившиеся от страха глаза:

– Я не знаю, Тири. Это не наш человек.

– А чей? Он не из наших, не из Равных!

Арчи пожал плечами:

– Может... Дежурный?

И сам улыбнулся своим словам. Подошел Дима. Недоуменно посмотрел на них, потом сказал что-то, непонятно, но настойчиво. Вытянул руку, указывая куда-то вперед. Тири с трудом заставил себя оторвать взгляд от земли и посмотреть вдаль.

Сплюснутая металлическая капля лежала на пологом склоне холма. Она была непонятной, чужой, но Тири вдруг почувствовал облегчение. Холодный серый блеск был знакомым и неопасным, как стены Города, как вся его прошлая жизнь.

– Что ваш ярусный – болван, это я знал! Но тебя всегда считал умным парнем, который здесь торчит по ошибке!

Мэр был разъярен. Рос еще никогда не видел его таким. Меряя кабинет быстрыми шагами, он кидал на Роса ничего хорошего не предвещавшие взгляды.

– Но она мне действительно нравится!

– Ну и что?

– Мой срок кончается, и какая разница...

– Болван! Полный!

«Полный болван» означало высшую степень его гнева. Секторальный, по имени Рос, с трудом сохранял бесстрастное выражение лица. Наконец он не выдержал:

– В чем все-таки дело? Она же в списке к отправке! Я смотрел!

– А в другие списки ты не смотрел? В списки Контрольных, например? – вкрадчиво произнес мэр.

Рос оцепенел. С трудом выдавил:

– Так... что теперь-то?

– Теперь... Теперь ничего! Благодарю наружников, Рос.

– Действительно...

Постепенно мэр успокаивался. Даже ухмыльнулся:

– Тебя должен был предупредить ярусный, но он, похоже, вконец выжил из ума. Нехорошо так говорить о мертвом, но ведь правда... А еще метил... Да. Иди, Рос. Кстати: одного из наружников поймали.

– Мне прийти на опознание?

– Там нечего опознавать...

Дима допил чай и украдкой взглянул на ребят. Арчи уминал уже второй суточный рацион, а Тири еще ковырялся в тарелке с супом. Обрывки ярких пакетов, тоненьких разовых стаканов, куски решительно отвергнутого обоими хлеба валялись по всему полу. Пир в честь первого контакта... Странная это все-таки была пара: оборванный здоровяк Арчи и аккуратно одетый, хрупкий до прозрачности Тири. Как он еще столько прошел вчера! Метнулся в люк шлюпки, растянулся у порога и полчаса пролежал пластом. Ну а Арчи посмотрел на него с сочувствием, но без всякого удивления. Красноречиво махнул рукой: «пусть отлежится». И без перевода было понятно... Но лучше с переводом. Дима повернулся, посмотрел на дисплей. Бешено мелькали цифры; гудели вентиляторы блоков памяти. Машина работала на пределе своих возможностей... Пилот коснулся

клавиши, прочел: «Выделено 769 слов. Идентифицировано 8 слов. Анализ продолжается». Путаясь в транскрипции, Дима стал читать дальше: «рэгел, предположительно, – человек, ло – местоимение ты».

Он протянул руку к Арчи:

– Ло рэгел.

Показал на себя:

– Рэгел.

Арчи странно улыбнулся:

– Фэт рэгел.

Дима взглянул на дисплей. Строчки замигали, изменяясь: «рэгел – предположительно, – *каста* или *нация*. *Ло* – местоимение ты. *Фэт* – отрицание принадлежности». Пилот улыбнулся:

– Бывает... Что ж, поможем машине.

Он указал на пальцы, пошевелил ими:

– Пальцы.

Арчи оживился:

– Мэдо.

Дима посмотрел на экран. Новое слово уже было в памяти.

Ну, теперь дело пойдет быстрее...

И показал на свой пистолет:

– Бластер.

Снаружи Димкино жилище казалось большим. На деле оно простором не отличалось, хотя какой-то уют, обжитость в нем чувствовались. Плавно закругленные стены покрывала ворсистая голубая обивка, два крошечных иллюминатора были забраны тол-

стыми стеклами, перед большим, включенным экраном выдвигался из стены маленький пульт. Единственное кресло перед ним казалось таким хрупким, что когда Дима с размаху уселся в него, Тири невольно зажмурился. Но переплетение тонких стальных трубок, обтянутых прозрачным пластиком, даже не дрогнуло. А сейчас Дима и Арчи умудрились сесть в кресло вдвоем. Тири с любопытством смотрел, как они разговаривали: тыкали в предметы пальцем и называли их...

«Он явно не из Равных. Но и на наружника не похож... С каким удивлением Арчи на него смотрит...» Тири вдруг вспомнил, как на лекции по истории общества им рассказывали о племенах, живших на южных островах. Может быть, он оттуда? Почерневший, оплавленный песок под этим металлическим яйцом... А вдруг эта штука летает, как дисколеты Дежурных?

В сознании мелькнул краешек какой-то мысли. Надо только обдумать ее... Но Тири уже не мог сосредоточиться. Он хотел спать. В Городе все давно улеглись. В Городе давно погасили свет, сняли верхнюю одежду и легли под тонкие серые одеяла... Тири присел на мягкий пол, слегка пружинящий под нажимом. Похоже, спать придется здесь...

Дима неожиданно отвернулся от пульта и нареспев спросил:

– Спа-ать!

– Да! Ты уже научился говорить?

Но Дима лишь непонимающе улыбнулся в ответ. Повторил:

– Спать...

Достал из ящика в стене четыре ярких, оранжевых, почти невесомых одеяла, протянул два одеяла Тири.

– Спать.

– Спасибо. Арчи, а вы?

– Мы посидим... Тири, у него машинка – просто блеск! Не хочешь посмотреть?

«Наружник, а разбирается в компьютерах!»

– Арчи, я не могу. Мы в Городе всегда...

– А, понимаю. Режим... – он снисходительно улыбнулся. – Солнечных снов...

– Солнечных снов...

Одно одеяло Тири постелил на пол, другим укрылся. Куртку он положил в изголовье. Дима подсел к Арчи, нажал что-то на пульте, и свет стал тусклее. Под их тихий шепот Тири и заснул.

6. ПРОБУЖДЕНИЕ

«Что-то долго нет гонга...» Тири потянулся и раскрыл глаза. В спальне еще был полумрак, ровно дышал кто-то рядом. «Гэл... Ну, и сон же мне...»

– Гэл!

Он попытался встать. И не смог. Он спал на полу, а не на постели. В маленькой каплевидной капсуле, а не в спальне своей группы. Почти мгновенно Тири вспомнил все случившееся с ним. Дежурные, наружники, Дима...

Темнота постепенно редела, глаза привыкали. Тири взглянул на лежащих рядом Арчи и Диму. Слабый свет из иллюминаторов падал на их мускулистые, смуглые от загара тела. Дима спал, положив руку под голову, дыша редко и спокойно. Арчи во сне развернулся поперек, лежал, уткнувшись головой в живот Димы, время от времени что-то бормоча.

Тири поморщился и отвернулся. Нет, он не принадлежал к числу тех, кто требовал постоянного ношения верхней одежды. Все равно, атавизмы лица и фигуры одеждой не скроешь. Но смотреть на полуодетых людей было все-таки неудобно. Тири отвернулся, поправил одеяло и попытался заснуть. Но спать больше не хотелось. Это было странно и непривычно – время сна уже кончилось, а делать ничего еще не надо. Тири лежал, и в голову лезли самые разные мысли. О Городе. О Дежурных, о том, что жалко все-таки ярусного... И, конечно, о Гэле. Где он, что сейчас делает. Думает ли о Тири... Разумеется, думает. Если бы он знал, что с ним случилось!

Послышался легкий шорох. Краем глаза Тири увидел, как Дима встал, протер глаза, осторожно перешагнул через Арчи и сел у пульта.

Сложен он был безукоризненно. Даже его мускулистость выглядела не атавизмом, а достоинством. Тири ощутил зависть, совершенно беспричинную и даже бессмысленную, если разобраться...

Дима вдруг удовлетворенно хмыкнул. Достал из-под пульта что-то серебристое, смятое в комок, расправил. Это оказался тонкий шлем, сплетенный из

поблескивающих нитей. Надел его. Закрепил длинный шнур от шлема в гнезде на пульте. Глубоко вдохнул и откинулся в кресле.

Яркая белая вспышка резанула полуприкрытые глаза Тири. Он вскочил и увидел, как Дима медленно оседает на пол, а шлем угасает, чернеет, разбрызгивая короткие яркие искры, рассыпается мелкой, невесомой пылью. Умер... Ужас охватил Тири. «Как же так? Почему?»

Димка дернулся, загребая руками воздух, с трудом открыл глаза, еще затуманенные болью. И негромко сказал:

– Ну, чего смотришь-то? Помогли встать.

Сказал по-человечески, даже без легкого акцента, как у наружников. Лишь чуть-чуть проскальзывала в его речи неестественная правильность слов. Как у машин-лифтеров.

Секторальный стоял у контрольной арки. На нем была новая форма, и лишь подсохшая царапина на щеке напоминала о недавнем происшествии. Секторальный смотрел вверх, но Гэл сразу понял, что Дежурный ждет именно его. Он попытался пройти мимо, но секторальный протянул руку и коснулся его плеча.

– Гэл! Подожди...

Гэл встал перед Дежурным, чуть опустив голову, прижав руки... Как и полагается в таких случаях.

– Гэл, тебя переводят.

Внутри у Гэла что-то оборвалось.

– Куда?

На секунду Дежурный смешался.

– В шестой. У тебя еще есть занятия?

Гэл молча кивнул.

– Хорошо, я зайду за тобой вечером.

Каждый контакт своеобразен. Теоретически Дима это знал, но в одной из аксиом Устава был уверен стопроцентно. «Основной сложностью первого этапа является доказательство своего инопланетного происхождения». Это простенькое правило работало даже на планетах с негуманоидными формами жизни. Психологи придумали красивый термин: «Защитно-психологическая реакция неприятия контакта». В его случае аксиома полетела ко всем чертям. Арчи и Тири удивлялись не его инопланетному происхождению, а тому, как он выучил их язык. Дима начинал говорить об этом уже в третий раз.

– Компьютер провел анализ вашей речи, понятно? Каждому вашему слову был подобран аналог – слово с таким же смыслом в моем языке. А сегодня утром я надел специальный шлем, и весь ваш язык был записан в мой мозг. Я говорю, даже не замечая, что это не мой родной язык.

– И ты навсегда выучил язык? – Арчи с уважением посмотрел та компьютер.

– Нет, на время. Месяца через два я его забуду. Метод как раз для таких случаев, как мои.

Была еще одна причина, по которой метод ускоренной записи информации использовался лишь в

экстренных случаях. Человеческий мозг выдерживал его два-три раза, не больше... Но об этом Дима говорить не стал.

– А как можно записать что-нибудь в память? – спросил Тири.

– Ну, не знаю я! – Дима чуть ли не взмолился. – Ребята, давайте о другом! Лучше объясните снова, кто вы и что... Ты, Тири, Равный?

Тири кивнул.

– Арчи, выходит, наружник. Живет где-то в пустыне...

– Тушканчики живут где-то, – обиделся Арчи. – Я живу в Лагере.

– А почему не в Городе?

Арчи посмотрел на Тири, тот смешался и пробормотал:

– Нам говорят... говорили... в общем, наружники, они – дикари. Мутанты. Вот их и не пускают в Города.

Арчи хмыкнул.

– Это говорят! Я-то понял, что это не так! Наверное, раньше так было...

Арчи захохотал:

– Тири, друг! Ни один нормальный человек... то есть наружник, в Город не пойдет.

Дима взялся за голову.

– Город, наружник, Равный... Ничего не понимаю! Арчи, чем наружник отличается от Равного?

– Если кратко... – Арчи посмотрел куда-то вверх Димы. – Отличается тем, что умеет любить.

Дима даже не понял, переспросил:

– Это в каком плане?

– В плане высших, человеческих эмоций. Им, Равным, незнакомо чувство любви, дружбы. Как следствию – и чувство ненависти.

– Бред, – быстро, не раздумывая, сказал Дима. – С какой такой стати?

– Равным каждый месяц вводят сыворотку равенства. Она лишает их способности любить, способности предпочитать одного человека другому. Разумеется, такими людьми легко управлять...

– Бред... Сыворотка, избирательно лишаящая любви? Тири, да скажи в конце концов!

Тири поднял на него растерянный взгляд:

– А что это такое – любить?..

...Он полз, расталкивая песок, выставив из него лишь узкую, зеленоватую голову. Первый раз патрульно-поисковый робот включил подпрограмму маскировки. Но вот он обогнул очередную скалу и замер. В прозрачных кристаллах телеобъективов отразилась серая округлая капсула.

– У вас проходят медицину? – спросил Арчи.

Тири стоял лицом к стене, и Диме показалось, что он плачет, но когда Тири повернулся, глаза его были сухи.

– У нас проходят медицину, – сказал он. – Не надо больше ничего объяснять. Пожалуйста...

Арчи вздохнул.

– В том-то и беда, что вы прекрасно все знаете. А пользоваться своими знаниями, самостоятельно делать выводы не умеете. Вытащишь Равного из Города, поговоришь с ним полчаса, он и хватается за голову... Сам задуматься не мог! Надо, чтобы кто-то лез под пули, называл белое белым, а черное черным!

Дима спросил, очень осторожно:

– Тири, а как у вас относятся к Дежурным?

Тири ответил не сразу.

– Нормально. В Городе говорят, что Дежурным может стать любой, что их подбирают автоматы случайных чисел... И что это вообще не важно: Дежурный ты или простой инженер...

Арчи вздохнул. А Тири продолжал:

– Мы же их сами утверждаем, своих Дежурных. Объявляют кандидатуру, мы голосуем... Можно проголосовать против, тогда выставят другого кандидата...

Он вытащил из кармана маленький черный кругляш, задумчиво повертел его в пальцах.

– Знак. Служит для голосования, символизирует равенство...

Арчи подскочил как ошпаренный:

– Ты что? Гарт же велел тебе снять Знак!

– Но не выбросить...

– Ой, балбес... Знак служит для слежки, а не для голосования!

Вряд ли тут стоило торопиться, слишком много времени уже прошло. Но это Дима понял потом. А сейчас он взял Знак у растерявшегося Тири (исследовать бы этот кусочек пластика), раскрыл люк,

снял пистолет с предохранителя... В ярком солнечном свете лазерный луч был почти невидим. Подброшенный в воздух, Знак крутанулся, сверкнул, словно кусочек зеркала, и превратился в струйку пара. Дима не заметил, как в отдалении что-то дрогнуло. Маленький песчаный холмик шевельнулся и снова замер.

...Дисколеты готовили вахтенные техники. Обычно на это уходило около часа. Сейчас справились за десять минут. Залили горючее, потом, нацепив противогазы, едкий, вонючий окислитель. В этом полете не предполагалось выходить за пределы атмосферы, но порядок есть порядок... Стали прозванивать блоки управления, когда двери ангара раскрылись и шестеро Дежурных в рельефных противоперегрузочных костюмах вбежали внутрь.

– Отставить полетный контроль!

Три экипажа торопливо запрыгнули под колпаки дисколотов. Один из Дежурных махнул ошарашенным техникам:

– Подвесить контейнеры из особого хранилища!

Они обедали. Дима достал пакеты с пищей, раздал... Какая-то мысль занозой сидела в голове. Он посмотрел на Тири и понял.

– Арчи, но ведь Тири... – он замялся, не решаясь договорить. – Он ведь тоже Равный, а рассказывал про Гэла...

– Про Гэл, – резко, отрывисто сказал Тири. – Она девушка.

– Что же, на вас сыворотка равенства не действовала?

Ответил Арчи. Неуверенно, словно сомневаясь в своих словах:

– Еще Форк удивился...

– Ваш проводник?

– Да. Где он сейчас?.. Форк говорил, что иногда такое бывает. У некоторых людей в организме вырабатывается особый фермент, который расщепляет сыворотку. Ну, а если двое таких людей встретятся...

– Это, наверное, очень маловероятно.

– Очень. Форк раньше считал, что это легенда. – Арчи вздохнул и, подводя итог, добавил: – Тебе повезло, что Гэл – это девчонка, Тири. Здорово повезло... Ну ладно, давайте перекусим.

Дима не хотел есть. Он вдруг подумал, что теперь в учебниках появится новый абзац. Ну, примерно такой:

«Одним из любопытных типов технократических диктатур является цивилизация четвертой планеты звезды ЛК-43. Она основывалась на медикаментозном изменении психики человека, декларируемом равенстве и наличии замаскированной правящей верхушки. Данный тип уродливой, регрессирующей цивилизации возник на планете после ядерной войны, сопровождавшейся полной экологической катастрофой. Первые исследования планеты провел курсант Службы Дальнего Поиска Дмитрий Баталов...»

«Фу ты, черт! – Димка почувствовал, как краснеет. – Может, еще хочешь, чтобы планету назвали твоим именем?» – спросил он себя. Нет, этого он не хотел. Ему хотелось другого. Помочь Тири, разобраться с наружниками. И с Дежурными тоже.

Он посмотрел на Тири.

– А где сейчас Гэл?

– У нас сегодня занятия по математике. Весь день.

– Работаете на компьютерах?

– Конечно...

– Компьютерная сеть Города единая?

В глазах Тири засветилась робкая надежда. Он порывисто кивнул головой.

– Как осуществляется связь между Городами?

– Радиосвязь. УКВ-диапазон...

– Понятно... – Дима подошел к пульту.

– Там же системы контроля... – Тири с сомнением покачал головой.

– Попробуем их обойти...

С дисплеем что-то не ладилось. Вот уже несколько раз формулы исчезали с экрана, а возникала какая-то муть. Гэл хотела было выключить прибор, но тут экран неожиданно ярко засветился и проступили слова:

– *«Ваше имя и номер».*

Растерявшись, Гэл торопливо набрала ряд цифр.

– *«Ждите».*

Экран мерцал тревожным фиолетовым светом. Пробежала бессмысленная строчка букв. Пауза. И слова:

– «Гэл, это ты?»

– «Да».

– «Я Тири».

Гэл окаменела. А пальцы сами собой набирали ответ:

– «Неправда».

– «Я Тири».

– «Он погиб».

– «Я жив».

– «Кто вы?»

– «Я Тири».

– «Тири убили наружники».

– «Гэл, тебя обманули. Наружники – обычные люди. Я жив. Поверь мне».

– «Я... я не знаю. Где вы?»

– «Снаружи. Мне помогли установить связь. Я найду тебя».

– «Меня переводят в шестой!»

– «Я все равно тебя найду. Обязательно!»

– «Тири, не оставляй меня! Мне страшно, я даже верю, что разговариваю сейчас с тобой, так мне страшно, не оставляй меня...»

– «Жди, Гэл. Я найду тебя. Запомни главное...»

По экрану пробежала синяя полоса и смахнула слова. Затем вновь появились формулы. Но Гэл не смотрела на них. Она плакала, уткнувшись в клавиатуру.

В углу пульта вспыхнули красные, пульсирующие сигналы, и Дима мгновенно оказался в пилотском кресле. Коснулся клавиш. На экране локатора, в

матово-белой прозрачности плыли три черные точки, по пологой дуге скользящие от башни к шлюпке.

– Тири, в Городе есть самолеты?

– Есть.

Точки дернулись и расплылись горстью мелких осколков. Экран зарябил от едва различимой сыпи, но вот из нее выскользнули три более крупные точки, повернули куда-то в сторону, медленно огибая шлюпку.

Дима протянул руку к клавиатуре, но передумал. А муть на локаторе становилась все ближе и ближе... Над шлюпкой вдруг раздались резкие, свистящие хлопки, и экран мгновенно побелел. Лишь три пятнышка, торопливо летящие обратно, остались на нем...

– Дима, ты можешь и их сбить? – Арчи жарко задышал над ухом.

– Не могу. Если защитный блок сам их не уничтожил, значит, подозревает наличие экипажа.

– Ну и что?

– Ничего.

До шлюпки, наконец, докатились далекие взрывы.

Вращающаяся платформа медленно пододвинула магнитоплан к устью тоннеля. Станный это был тоннель, весь из прозрачного пластика, лишь широкий серый брус магнитопровода тянулся по дну. Гэл прильнула к стеклу кабины, разглядывая тоннель и маленький кусочек неба, запутавшийся в стеклах. Магнитоплан плавно приподнялся, завис

на долю секунды и резко рванулся вперед. Ускорение откинуло Гэл на спинку кресла, она повернула голову и посмотрела на Дежурного. Они были в кабине вдвоем. Рыжий секторальный улыбнулся и сказал:

– Меня зовут Рос.

Он красиво улыбался. А его рыжие, атаквистические волосы вспыхнули в солнечном свете. Солнце пронизывало прозрачную трубу тоннеля, в кабине было непривычно светло. Рос блаженно зажмурился, запрокинул голову:

– Как я соскучился по солнцу. Если бы ты знала, до чего надоедают электрические лампы...

Арчи переоделся в планетарный костюм. Теперь они с Димой были одинаково яркими, заметными. Тири остался в своем комбинезоне, лишь переобулся в ботинки от легкого скафандра. Дима внимательно осмотрел его, кивнул, потом взял за руку.

– Вот так...

Тири с удивлением рассматривал широкое серое кольцо, охватившее его запястье.

– Что это? Тяжелое...

Дима пробормотал что-то уклончивое. Тири вдруг заметил и на его руке такие же тусклые металлические звенья, и не стал больше допытываться. Пилот тем временем снял с настенных креплений два одинаковых длинноствольных пистолета, закрепил на поясе. Арчи раскрыл рот, но промолчал. Понял, что *это* просить бесполезно. А Дима уже копался в

пульте. Открыл какую-то дверку... Блеснули разноцветные кристаллы, провода, темные запаянные коробочки.

– Это блок защиты, – пояснил Дима, не дожидаясь вопроса.

Встал, отвел ногу и изо всей силы ударил по кристаллам, коробочкам, ломающимся со звоном и хрустом.

Они забрали всю воду и почти всю пищу. Забрали одеяла, палатку, аптечку. Вышли в жаркую предвечернюю тишину... А потом долго стояли на гребне холма и ждали, пока Дима не решился поднять оба пистолета, прицелиться и в упор расстрелять беззащитную шлюпку.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ТРИ ЛИКА ПРАВДЫ

1. ЛАГЕРЬ

Горы тянулись вдоль всего северного побережья. Океан здесь был мелкий, с крепкой, как рассол, водой, ничего живого в нем давным-давно не водилось. Днем из пустыни дул сухой и горячий ветер, жадно вылизывающий ущелья, заставляющий отступать кромку воды. Но по ночам пустыня быстро остывала, к утру с океана начинался робкий, слабый бриз, на камни ложились крошечные капельки росы, а в горах

появлялись бледные, полупрозрачные облака. Иногда из них шел дождь...

В этой маленькой долине дождь не шел никогда, она была слишком высоко, и облака проносились ниже. Острые скалистые пики окружали долину глухим кольцом, и солнце заглядывало сюда лишь на два-три часа в день. Тогда наступала жара, и вся долина затихала, лишь огромные старые деревья жадно поворачивали за солнцем темно-зеленые листья...

Но сейчас была ночь. Тири сидел на полусасыпанном землей дереве, кутаясь в Димкину куртку. Днем в этой куртке было прохладно, а ночью она становилась теплой. Дима пытался объяснить, как это получается, но запутался в объяснении, разозлился и сказал, что ему не хватает словарного запаса. Тири улыбнулся, вспомнив рассерженного Димку, и невольно посмотрел назад. В полной темноте полукруглая пластиковая палатка чуть светилась. Все у Димки было с фокусами. Куртка из непонятной биоткани, фляжка дезинфицировала налитую в нее воду, а пистолет имел четыре вида зарядов...

Тири поднял с земли камень и бросил его вперед. Раздался легкий всплеск. Плавать Тири научился только вчера, и сейчас его здорово тянуло искупаться в озере. Но тогда придется идти в палатку, а то никакая самогреющая куртка не спасет от простуды. Тири еще колебался, когда услышал легкие шаги. Он привстал, вглядываясь в темноту.

– Тири, это ты?

Он даже не удивился.

– Я.

* * *

Свет в комнате для совещаний не был ни слишком тусклым, ни чрезмерно ярким. Так, в самый раз для создания деловой обстановки...

– ...выпущенные по объекту ракеты взорвались, не долетев до цели около семи с половиной километров. Пилот второго дисколета утверждает, что видел вспышки света в направлении объекта перед тем, как ракеты начали взрываться. Однако проверить это сообщение невозможно. Причины, по которым объект взорвался, неизвестны. Однако характер оплавленных обломков позволяет предположить: и объект, и патрульный робот, преследующий наружников, были уничтожены одним и тем же оружием. Характер его действия пока неизвестен. Любопытные результаты дал рентгеноструктурный анализ остатков объекта...

Говоривший не был в традиционной форме Дежурного. Лишь двое офицеров внутренней охраны не успели снять свою черную форму.

– А теперь свои данные сообщит начальник радарной станции второго Города.

Трое людей сидели во главе стола. Они были старше других и почти не говорили. Двое сидели спокойно, а у третьего, с острым, выдающимся вперед лицом, пальцы беззвучно барабанили по столу.

Кэйт сидела совсем рядом. Было темно, но Тири прекрасно помнил, что у нее веселые голубые глаза и светлые, как у Гэл, волосы. Впрочем, этим сходство и исчерпывалось.

– Почему ты не пришел вечером в лагерь?

Тири ответил совершенно искренне:

– Не знаю. Устал... С Димкой заболтались.

– А по лесу бродить не устаешь... По-моему, Тири, ты просто кого-то боишься в лагере...

Кровь прихлынула к лицу. Тири смущенно возразил:

– Ерунда... Никого я не боюсь.

– А меня?

Он, помедлив, ответил:

– И тебя тоже.

Они помолчали несколько секунд. И вдруг Тири спросил, сам не понимая, как вырвались у него эти слова:

– Кэйт, можно, я тебя поцелую?

Тишина показалась ему бесконечной. Незнакомым, задумчивым голосом Кэйт сказала:

– Оказывается, приятно, когда спрашивают разрешения...

Ее губы были мягкими и послушными. Он вдруг понял, что они его, эти губы, что он может сделать все, что захочет, с этими губами, с этим запрокинутым лицом, волосами, рассыпавшимися на плечах. И тогда Тири заставил себя податься назад. Кэйт ничего не заметила, быстро, сбивчиво говорила:

– Ты такой смешной... Я как тебя увидела в первый раз, сразу... Тоненький, большеглазый... Из Городов все такими приходят, но ты чем-то отличаешься, ведь правда? А я похожа на Арчи?

– Нет.

– Глупый, ты людей не умеешь сравнивать... А в общем-то верно, я ему не родная сестра. Меня забрали из Города, когда я была совсем маленькой. Из второго, как и тебя...

– Зачем ты говоришь мне все это?

– Хочу, чтобы ты знал, что я тоже из Города. Ты же еще боишься наружников.

– Нет...

– Поцелуй меня еще, Тири...

Дима проснулся от неясного, но тревожного звука. Он приподнялся, всмотрелся в полутьму. Тири не было. Дима хотел было встать, но передумал. Лежал, слушал слабый плеск воды... За тонкой стенкой палатки прошуршали шаги, донесся сдавленный голос:

– Дурак...

Дима ждал. Наконец, вход раздернулся, с потрескиванием разошлись магнитные застёжки. Тири пробрался на свое место и, стараясь не шуметь, начал раздеваться. Дима негромко спросил:

– Кэйт?

Тири вздрогнул от неожиданности, ответил:

– Угу.

– Что случилось?

– Не знаю.

Он лег, покрутился немного, потом совсем тихо сказал:

– Я только спросил...

– Ну?

– Можно ли любить сразу двоих.

Дима вздохнул:

– И правда, дурак...

Его должность называлась несколько непривычно – Старший Сумматор. Правда, сейчас Димке казалось, что в названии что-то было. Он действительно был *Сумматором*, этот нестарый еще человек, принимающий решения, от которых зависела жизнь всего Лагеря. На нем сходились все нити, десятки, а то и сотни противоречивых мнений, часто таких, которые требовали мгновенного и единственно правильного ответа. И он ни разу не ошибался, может быть, потому, что не мог позволить себе такой роскоши...

Впрочем, он не позволял себе никакой роскоши. Даже хижина его была именно хижинкой, не пытающейся претендовать на звание дома. Только пол здесь был не земляной, а выстланный досками, как в школе или лазарете. Да стульев было побольше, – по вечерам здесь собирались многие... Дима сидел напротив Сумматора, с безнадежной тоской ожидая начала разговора. Вся правая половина лица у предводителя наружников была сплошным шрамом – следом старого ожога. Видимо, он заметил, как взглянул Дима на этот шрам при их первой встрече, потому что теперь старался держаться к нему боком.

Но сейчас Дима смотрел на пальцы Старшего Сумматора. Как у хирурга или пианиста, нашел он вдруг сравнение. Пальцы были длинными и тонкими,

они нежно и бережно ощупывали, поглаживали, покачивали в воздухе Димкин пистолет.

– Значит, в таком положении пистолет стреляет лазерным излучением?

– Да. Импульсным, высокофокусированным лучом...

– И на какую дальность?

...Все это уже говорилось. Старший Сумматор даже не пытался сделать вид, что слушает ответы...

– Я не дам вам оружия. Никогда.

Их глаза встретились.

– Жаль.

Они поверили ему так неправдоподобно быстро... И в Землю поверили, и в погибший корабль, и в спешащих на помощь спасателей. Все полторы тысячи человек, живущих в горной долине, в первый же вечер...

И в тот же вечер Дима почувствовал непродуманный вопрос: «С кем ты, человек, назвавшийся другом?»

Ни с кем. А они все не могут верить в это. Бесмысленность, обреченность их борьбы очевидна каждому. Лагерь существует лишь потому, что Равным лень заняться его поисками, но рано или поздно очередная диверсия или особенно дерзкий налет станут последней каплей. А без налетов наружники существовать не могут. Одежда, оружие, станки в мастерских, немногие приборы – все это добыто на складах Городов. Дима и стоящая за ним Земля стали той третьей силой, которая способна изменить ситуацию. Теоретически способна.

...Дима протянул руку и забрал пистолет. Сказал:

– Если бы не индикатор личности в пистолете...

Сумматор улыбнулся:

– Несомненно.

Они понимали друг друга. И от этого Диме стало легче.

– Я пойду?

– Конечно.

Пилот уже толкнул дверь (здесь не было ручек), когда услышал за спиной изменившийся голос:

– Дима, еще два года назад было три лагеря. Сейчас остался только наш – единственный. Мы долго не выдержим. Когда прилетят твои... может быть, хоть оружие...

Дима смотрел в грязные доски пола. Как трудно доказывать то, во что не веришь!

– Для вмешательства нужно согласие большинства жителей планеты...

– Большинство не имеют никакого представления о происходящем...

– Земля рассмотрит всю ситуацию, и может быть...

Дима обругал себя и следующими же словами погасил вспыхнувшую в глазах Старшего надежду:

– Но на принятие решения уйдут годы.

Старший Сумматор Лагеря обрел прежнее спокойствие. Повторил, уже не глядя на Диму:

– Мы долго не выдержим... Идите, Дима.

Он торопливо вышел.

Здесь всегда было голубое небо. За день материк накалялся так, что возникал почти постоянный ветер, дующий к морю, отгоняющий от берега тучи. Дожди

шли далеко над океаном, сильные, бесконечные дожди. Дима заметил это, еще облетая планету перед посадкой. Материк на экваторе был виден как на ладони, компьютер гудел от напряжения, составляя ту самую карту, что лежала сейчас в его кармане... А океан затягивала почти сплошная белая пелена. Равновесие в атмосфере сломано полностью...

Он забрался в глубь леса, подальше от маленьких, оплетенных кустарником, чтобы нельзя было заметить с воздуха, хижин. Впрочем, «глубь» – это слишком громко. Долина не достигала и десяти километров в самом широком своем месте.

Дима лежал на траве, бездумно, слепо глядя в небо. Почти земная трава, почти земные деревья. Почти земные люди. И нет шансов помочь. Даже если он плюнет на Устав, на печальный опыт доброжелателей-одиночек, даже если поведет наружников на штурм... Один много не навоюет, пусть у него и есть самое совершенное на планете оружие. И революцию одиночка не сделает...

Совсем близко раздался плеск воды, восторженный детский визг. Вот тебе и глубь леса. Озеро-то оказалось совсем рядом. Дима прислушался, ему показалось, что он узнал голоса. С ребятней Дима чувствовал себя легче, в глазах детей еще не читался молчаливый вопрос, можно было просто повалить дурака и не думать о Равных и наружниках. Вот только детей в Лагере было очень мало. Дима заводил разговор об этом, но ему отвечали уклончиво, а потом переводили беседу на другое... Он встал и пошел на голоса.

2. УРАГАН

Гарт вернулся вечером. Он вошел в долину по северному проходу – узенькому, двоим не разойтись, ущелью. Добрел до того места, где его непременно должны были заметить, и сел на землю. Часовые не стали тратить время на проверки. Друг друга здесь все знали в лицо, и что такое триста километров по пустыне в одиночку – знали тоже. Гарту дали воды, посидели немного, потрепались о разном... Это было неизменным ритуалом – ни единого слова о Городах, о Дежурных, о радостях и бедах... Лишь когда Гарта отвели на пост, он спросил:

– Арчи с новеньким дошел?

Расслабился, увидев подтверждающий кивок, на всякий случай спросил и то, о чем знал сам:

– Форк?

В ответ не сказали ни слова. Это тоже было ритуалом... Гарт улегся на койке тут же, в маленькой комнате для отдыха часовых. Но уснуть ему удалось не скоро. Кто-то сообразил, что он еще ничего не знает про Диму, и выложил новость, уже неделю будоражащую Лагерь...

Дима раскрыл глаза и посмотрел на Арчи. Тот стоял, низко склонившись над ним, и быстро, возбужденно говорил. Незнакомые, непривычно звучащие слова скользили мимо сознания. Чужая речь далекой планеты... В голове была полная пустота и хотелось спать...

Он встал резко, рывком, сбрасывая оцепенение. На мгновение Дима постарался полностью отклю-

читься от этого мира. А затем позволил себе вновь вслушаться в речь Арчи:

– Что с тобой, Димка? Тебе плохо?

– Нет, – к мыслям действительно вернулась ясность. – Это я со сна... Ты чего в такую рань?

– Гарт! Гарт вернулся!

Дима не сразу вспомнил это имя. Не потому, что Арчи мало рассказывал о своем приятеле... Просто в голове крутилось другое: «ложная память», созданная в его мозге компьютером, начинала стираться. Еще неделя, от силы две, и он перестанет понимать друзей...

Один за другим просыпались Города. Вставали в спальнях своих профессиональных групп инженеры и врачи, энергетики и техники. В восьмом Городе остановился на профилактику реактор, и соседние теперь делились с ним энергией. В одиннадцатом от ночного перепада температур обвалился участок броневой обшивки, и партия ремонтников в противорадиационных костюмах вышла на поверхность планеты. Стоящие в охране Дежурные боролись с искушением снять противогазы. Они знали, что фоновое заражение давным-давно исчезло, да и искусственно созданный защитный пояс успел потерять активность... Но чем черт не шутит...

В четвертом Городе, где находился эталон времени, ударил гонг, созывая Равных на час Благодарения. И эхом ему отозвались гонги во всех Городах...

* * *

Арчи говорил больше всех. Они сидели на дереве перед палаткой, и первая натянутость уже проходила. Впрочем, Гарт не был особенно расположен к разговорам, лишь улыбался, поглядывая то на Тири, то на Диму. Задумчиво улыбался... Его худощавое тело казалось хрупким и слабым, но иногда неосторожное движение выдавало обманчивость первого впечатления, вырисовывало тренированные мускулы. А когда Арчи начал слишком уж красочно описывать поединок с патрульными роботами, Гарт тихо сказал, ни к кому не обращаясь:

– У меня такого оружия не было. Но двоих я успокоил.

И Арчи сразу замолчал, виновато поглядывая на друга. Потом заговорил про то, какая у Димы техника и какой замечательный компьютер стоял в шлюпке. Гарт взглянул на Диму и вдруг сказал:

– Вы же не будете нам помогать.

На мгновение Дима растерялся:

– Почему ты так решил?

– В Лагере все это знают. Просто боятся сказать вслух, им нравится на что-то надеяться... Пошли, Арчи.

Арчи неуверенно начал:

– Но, Гарт...

– Меня не интересует этот человек. Через неделю он улетит к себе, а мы останемся здесь. Через год он и не вспомнит о нас.

Он поднялся и пошел в сторону Лагеря. Арчи примирительно развел руками, негромко сказал:

– Он устал.

И побежал за Гарттом. Еще с минуту они мелькали между деревьев, затем исчезли. Дима опустил голову на колени и закрыл глаза. Тири подсел ближе, обнял его за плечи:

– Дима, ты на них не обижайся. Я тебя понимаю, честное слово.

Дима невольно улыбнулся:

– Спасибо, Тири.

– Дима, а почему так *гинар*?

– Что? – Дима повернул голову и посмотрел на него: – Как?

– *Гинар*... Ну, ты чего? *Гинар* стало, света то есть меньше!

Дима смотрел на Тири, и улыбка сползала с его лица. Итак, одно слово уже исчезло из его памяти. *Гинар*. Или, проще говоря, темно. А почему потемнело? День только начался! Пилот посмотрел вверх.

Небо, неизменно голубое и ясное небо, было подернуто желтой дымкой. Солнце сквозь нее расплывалось тусклым, неровным диском. А пелена все сгущалась и сгущалась, небо стало оранжевым, с мутными серыми разводами. Дима вдруг понял, что уже с минуту вокруг стоит легкий шорох и листья на деревьях чуть дрожат. Он поднял руку, провел ею по рубашке и взглянул на ладонь.

Пыль. Мелкая желтая пыль пустыни... Дима снова поднял глаза. Спокойная вода озера покрылась рябью, а еще через секунду песок захрустел на зубах. Он вскочил, выбежал на открытый берег, огляделся. Здесь, внизу, пока еще было тихо. А деревья, расту-

щие на горных склонах вокруг долины,гнулись от ветра...

Тири подошел к нему и взял за руку:

– Как красиво, Димка!

Пилот с удивлением посмотрел на Тири. Лицо парня отражало лишь восторг. Он не понимал, что происходит...

– Димка, а такое еще будет? Если когда-нибудь...

Короткий порыв ветра ударил в глаза, растрепал волосы. Браслеты на руках у ребят одновременно вспыхнули желтым и тихонько загудели.

Дима схватил друга за руку, потащил за собой. Они подбежали к палатке, Дима дернул за клапан, и маленький домик мгновенно осел. Не задерживаясь ни на секунду, они побежали к Лагерю.

Все так же, как прежде, шли между ярусами лифты. Все так же, как прежде, работали заводы. Ни один Равный не подозревал о происходящем снаружи.

Только многокилометровые тоннели, удерживаемые в воздухе мощным магнитным полем, задрожали под натиском бури. Но автоматика отреагировала мгновенно, увеличив до предела подачу энергии в соленоиды.

В трех Городах пришлось запустить аварийные реакторы.

До тех пор, пока не начали валиться деревья, Тири не было страшно. Он лежал у большого вросшего в землю камня рядом с какой-то девчонкой в тре-

павшемся на ветру платье. Шагах в пяти вжимался в прибитую ветром траву Дима. Стало совсем темно, солнце исчезло, а в оранжевом, ревушем аду над головой змеились короткие белые молнии. Тири чуть приподнял голову и увидел, как высокое, старое дерево медленно выворачивается из земли. Он снова закрыл глаза и с минуту лежал не двигаясь.

Его оцепенение прервал крик девчонки. Она смотрела вверх, на пологий горный склон, теряющийся в тучах пыли. Тири проследил ее взгляд и почувствовал, как в груди что-то екнуло и мягко оборвалось.

В километре от них, на краю ущелья, бешено крутился толстый серо-желтый столб, широкой воронкой расходящийся в небе. Огромные куски скал легко, словно картонные коробки, подпрыгивали и исчезали в этом столбе. Казалось, что хобот свирепого исполинского чудовища шарит по горам. И этот хобот неторопливо сползал к обрыву, к краю ущелья, к Лагерю...

Тири не помнил, сколько это длилось – минуту или несколько секунд. Впереди вдруг приподнялась человеческая фигура, встала, вжимая голову под напором ветра. В полумраке белый костюм пилота казался оранжевым. Дима двумя руками поднял пистолет, подержал его секунду, прицеливаясь...

Словно тысяча солнц вспыхнули в холодных серых скалах. Огненный шар, казалось, раскидал тучи, и лишь водопад пыли оседал там, где только что был смерч. А еще через секунду ударная волна коснулась людей...

Было тихо, как будто весь мир задержал дыхание. С невольным удивлением Тири понял, что с ним ничего, абсолютно ничего не случилось. Он встал. Словно повернули невидимый выключатель, и ветер навалился снова, но уже как-то вполсилы. А Тири смотрел на девочку, отброшенную к камню, раскрывшую в небо невидящие глаза, и все не мог тронуть ее тонкое запястье, где пульсировала и навеки замерла ниточка, отвечающая на самый важный сейчас вопрос...

Гарт долго топтался на пороге, не решаясь зайти. Наконец разулся, осторожно вышел на середину комнаты. Пожалуй, он был не частым гостем в лазарете...

– На столе лежит иньектор, дай его, пожалуйста – не оборачиваясь попросил Дима.

Гарт взял со стола округлый пластиковый предмет, протянул пилоту. Спросил:

– Ну, как она?

Дима промолчал. Приложил иньектор к руке девушки, тот липко, жадно чавкнул и словно приклеился к коже. Потом он посмотрел на Гарта и сказал:

– Никогда себе не прощу, если не вытяну ее. Мог же дать и меньший разряд – нет, использовал всю мощность... Перестраховался, мальчишка...

Гарт, казалось, обрадовался такому повороту разговора, быстро, убежденно сказал:

– Ты это зря, Дима. Если бы не ты, погиб бы весь Лагерь. Я на смерчи насмотрелся, когда жил в Морском, но такого...

Дима подумал и спросил:

– Морской – это тот Лагерь, который погиб два года назад?

– Да. Дежурные высадили десант с дисколетов... Многие успели уйти, но не все...

Он долго, не отрываясь, смотрел на девушку. Потом сказал:

– Тебе и Тири повезло. Ни царапины...

Дима как-то виновато улыбнулся. Пророботал:

– Да что мы... Нам ничего и не грозило... А где Тири?

– Он у Старшего. Я, собственно, и пришел, чтобы позвать тебя. Там маленькое совещание.

– Угу. Суммация различных мнений...

– Что?

– Нет, ничего. Позови врача, пусть подменит меня.

Похоже, ждали только его. Дима с любопытством посмотрел на Старшего Сумматора, сидящего за столом, на немного смущенного Арчи, на Тири, явно не понимающего происходящего, на Гарта, с довольным лицом расположившегося у двери. А какая роль отведена ему самому? Роль единственного зрителя на отрепетированном спектакле? Скорее всего...

– Садись, Дима, – Старший дружелюбно махнул рукой. – У нас тут свои вопросы, но мы решили, что тебе будет интересно посмотреть... Ты же будешь отчитываться, не так ли?

Дима кивнул. На него потихоньку накатывала злая, почти детская обида. Ну, что они еще придумали? Почему не оставят его в покое...

Старший повернулся к Тири и заговорил, обращаясь подчеркнуто к нему одному:

– Тири, ты не хочешь участвовать в налете?

Наверное, в отличие от Димы, Тири понял все сразу, потому что голос его дрогнул:

– В каком налете?

– На шестой Город.

...Шлюпка. Вцепившийся в край пульта Тири. И беззвучный крик на экране: «Меня переводят в шестой! Тири, не оставляй меня! Мне страшно!», и срывающийся голос Тири: «Дима, передавай: «Я найду тебя, все равно найду...»

А Старший продолжал говорить:

– Конечно, шансов мало. Их почти нет... Но если бы удалось захватить информационный центр Города, то можно было бы обойтись без крови...

Дима поднял голову (Старший мгновенно замолчал) и устало попросил:

– Хватит, пожалуйста... Я пойду, но убивать мое оружие не будет.

У Старшего Сумматора было выражение лица человека, который вдруг нашел что-то дорогое и давным-давно потерянное...

К Городу они шли неделю. Дневали в Димкиной палатке, набирали воду в редких родниках среди скал, которые Гарт знал наперечет. Диме не хотелось ни с кем разговаривать, разве что с Тири. Но за ночь выкладывались так, что, едва проглотив скудную порцию пищи, засыпали... Правда, Диме хватало на сон гораздо меньшего времени, он просыпался задолго до захода солнца и лежал, не двигаясь, глядя в

просвечивающую, белую палаточную ткань. Вспоминал. Почему-то никак не удавалось вспомнить Землю. словно он всю жизнь провел на этой несчастной планете... Зато вставал в памяти их путь в Лагерь. Все было почти так же, только шли они втроем и подолгу разговаривали после ночного перехода. Он рассказывал про Землю, причем не одни только рекомендованные Уставом сведения, а все как есть, и про Первый и Второй мутационные всплески, и про особую биологическую лабораторию, которая сейчас залита стометровым слоем бетона, и про «супермена» Стаса, сбившего чужой пассажирский корабль... Впрочем, и ребята платили ему тем же. Он узнал и про наружников, которые сдавались Дежурным, и про запрещенное движение Равных-специализаторов...

К утру восьмого дня они увидели вдали стальную колонну Города.

3. ОПЕРАЦИЯ «ИСТИНА»

...Полоса радиоактивности опоясывала Город на расстоянии двух-трех километров от основания. Уровень излучения был невысок, но все равно приходилось выбирать менее зараженные участки. Диск, в котором размещались верхние, с девятого по двенадцатый, ярусы Города, нависал над головой чудовищным козырьком. Его опоясывали неяркие оранжевые огни, и нестерпимое, гнетущее ощущение слезки нарастало с каждым мгновением. Казалось

невероятным, чтобы напичканное до предела техникой сооружение не имело никаких наблюдательных устройств, хотя бы простеньких видеокамер на броне. Едва лишь Гарт подал знак остановиться и стал складывать портативный радиометр, Дима заговорил об этом. Но Гарт покачал головой:

– Нападения на самих Дежурных очень редки. На мелкий грабеж складов они не обращают внимания. А при налетах на жилые ярусы гибнет больше людей, чем удастся вывести из Города. Это вполне устраивает Дежурных.

Подошедший Арчи вслушался в разговор, добавил:

– Вокруг некоторых Городов еще есть остатки наблюдательных систем, например, возле девятого... Там приходится быть очень осторожным.

Гарт посмотрел на него с иронией.

– Ты говоришь так, будто сам ходил на девятый Город... Здесь тоже были внешние обзорные станции, только их давно засыпало песком. Ну что, передохнули?

Не сговариваясь, все посмотрели на Тири. Тот вскочил с песка, обиженно произнес:

– Я совсем не устал!

Они невольно засмеялись. Даже Тири неумело улыбнулся... И Дима решился. Повернулся к Гарту, сказал:

– Я передохнул. Но прежде чем пойдем дальше, я должен знать, что вы затеваете.

Гарт заколебался. Потом достал из рюкзака узкую прозрачную коробку.

Внутри темнела свернутая в рулончик лента.

– Что это?

– Видеокассета. Мы передадим по информационной сети Города свое обращение к Равным.

У Димы даже дыхание перехватило. Ну и Гарт, ну и молодчина... А его фантазия не шла дальше диверсии на станции водоснабжения, где подмешивают сыворотку равенства...

– А сумеете?

Гарт отвел глаза:

– Мы думали, что ты pomoжешь.

Дима прикусил губу. Похоже, ему придется поработать всерьез... Он улыбнулся и кивнул:

– Ладно, проводник. Попробую. Веди.

Когда он прожег в стене узкий метровый лаз, в пистолете осталось меньше половины заряда. Что ни говори, а Города были построены на совесть. И зря Старший просил оружие. Ничего тут нельзя было поделывать обычным бластером...

Помещение, куда они проникли, оказалось складом. Деревянные ящики (сколько лет они здесь хранятся, на безлесной, выжженной планете?), проржавелые контейнеры, новенькие стальные бочонки – все это громоздилось на двадцатиметровой высоты стеллажах. Под потолком блекло светили редкие лампы, веренице тоннелей и пустынных залов не было конца. Гарт довольно уверенно шел вперед, временами сверяясь со схемами на мятых листах бумаги. Повернувшись к Диме, он чуть торопливее, чем обычно, сказал:

– Мы сейчас выйдем к запасным лифтовым створкам грузовых перевозок. Но там системы электронного контроля, а Знаков у нас нет. Твои аппараты смогут ответить на запрос?

– Смогут.

Дима машинально потрогал браслет, плотно охватывающий его правую руку. Пилот не знал, каковы возможности этой миниатюрной защитной системы. Но ведь тогда, в пустыне, браслет остановил боевого робота Дежурных...

– Смогут, – повторил он еще раз.

Они оказались перед закрытыми дверьми. Сбоку от нешироких створок слабо светилась узкая клавиша.

– Ну вот... – Гарт свернул свои планы и с каким-то удивлением посмотрел на них. – Пришли!

Зал был округлой формы, с плавно выгнутыми стенами, – большая редкость для Города, в котором экономия площади возводилась в ранг закона. Вдоль одной из стен шел ряд дверей, ведущих к лифтовым шахтам и транспортным коридорам Города. У противоположной стены вокруг низкого пульта сидели трое Дежурных. Сейчас их выдавала лишь матово-черная форма; с лиц исчезли деланное спокойствие и бесстрастность. Это были просто усталые люди, дорабатывающие свою двенадцатичасовую смену...

– Грузопоток перебрасываю с дельты-2 на дельту-4, – скороговоркой сказал один.

Сидящий справа от него мужчина быстро кивнул, переключая что-то на пульте. Потом спросил:

– Энергию второго тоннеля в накопители?

– Да.

Несколько минут они работали в полной тишине. Потом кто-то пробормотал:

– Зачем вызвали грузовой лифт?..

Ему не ответили. Да и сам он уже забыл о своем вопросе: на двенадцатом ярусе возникла транспортная пробка, которую не могли ликвидировать компьютеры. Они так и сидели, склонившись над экранами, когда одна из лифтовых дверей раскрылась и четверо пестро одетых молодых парней вошли в зал...

...Дима выстрелил еще от стены, и разошедшийся веером парализующий луч хлестнул по всем Дежурным сразу. Лишь один нашел в себе силы повернуться и взглянуть на нападавших, прежде чем тело перестало его слушаться. Гарт подбежал к Дежурным, поволок самого рослого мужчину из кресла. Прикрикнул на Арчи с Тири:

– Помогайте!

Лицо Тири побледнело. Но он подошел к замершему телу и осторожно стянул его на пол. Поташил, держа за плечи...

С каким-то безотчетным любопытством Дима посмотрел на лица Дежурных. Люди как люди. Они не казались ни злобными, ни жестокими, да и какой-либо изнеженной вялости в них не было. Странно – они наиболее походили на землян! Им была чужда и болезненная стройность Равных, и огрубленная сила наружников.

Дима глубоко вздохнул, приходя в себя. В любом случае – Дежурные были преступниками. В любом

случае – они обманом и насилием удерживали власть. И затея с предоставлением Равным информации была превосходной...

Гарт возился у пульта. Его кассета уже вращалась в приемном устройстве, но, похоже, этим все и ограничивалось. Дима посмотрел на экран браслета. Тот равномерно пульсировал желтым. Какой-то аппарат непрерывно запрашивал их личные номера, и защитные системы браслета старательно подбирали нужные ответы. Двум браслетам приходилось отвечать за четверых, вот в чем беда...

– Быстрее, ребята!

– Сами знаем!

Дима неожиданно поймал взгляд Тири. Он тоже сидел у пульта, но был занят чем-то своим...

– Как у тебя?

– Посмотри!

На дисплее высвечивалось:

Гэл. N 3276424.

Перемещения: 4-2-3-4-2-6.

6 Город – смерть от несчастного случая.

Служебная информация:

Гэл. ж. генолинии родителей:

м. N 0673981, ж. N 5343380.

*Коэффициент интеллекта –
89% от максимального.*

Перемещения: 4-2-3-4-2-6.

16 лет – 13 Город.

Дом N 375 – 12.

Тири серьезно и вопросительно смотрел на Диму:

– Что это значит?

– А ты не понял?

– Но... тринадцатого Города нет!

– Есть.

Перед глазами у Димы встала та, составленная компьютером, карта планеты. Зеленая мусть посреди-не круга Городов, очень похоже на земной город... Сволочи.

– Есть. Там живут Дежурные, – повторил он.

– Значит... – Тири метнулся от пульта.

– Постой!

Но парнишка уже стоял у лифтовых дверей. Быстро проглядывал надписи на табличках.

– Дима! Тут есть два лифта в транспортный центр! Один «общий», а другой «специальный-13»! Ты понял?

Он понял. Слишком хорошо понял, в чем дело. Но шагнуть в специальный лифт – означало потерять последние шансы на незаметный уход из Города. Не пройдет и получаса, как валяющиеся на полу Дежурные придут в себя. А они, между прочим, не спят, они лишь парализованы, и слышат все их разговоры...

– Есть!

Гарт и Арчи, красные, возбужденные, подошли к ним:

– Теперь им крышка! Передача идет по экстренному каналу, ее обязаны смотреть все!

Гарт говорил взхлеб. Но вдруг осекся:

– Что с тобой, Тири?

* * *

...Когда специальный лифт, набирая скорость, пошел вверх, из дверей другого выходили Дежурные новой смены.

Этот вокзал походил на все земные вокзалы. Вот только вместо окон его освещали мощные лампы, а стоящие на рельсовых путях магнитопланы не имели остекления. Кроме того, возле которого возился Гарт...

Та часть вокзала, куда их доставил специальный лифт, была отгорожена от основного пространства стеклянной стеной. В другой стене, – видимо, это была наружная стена Города, – виднелись два отверстия транспортных тоннелей. Один тоннель был намного шире, наверное, грузовой. А на единственном рельсе пассажирского тоннеля стоял магнитоплан. Небольшой, метров шесть-семь в длину, без прицепных вагонов, со стремительным, чуть сплюснутым силуэтом, выдающим огромную скорость. Двери магнитоплана были открыты, поддерживающее поле убрано, и аппарат стоял на толстых выдвижных опорах.

Дима подошел к замершему возле стены Тири, спросил:

– Мы на какой высоте?

– А?.. Четвертый ярус. Это километра полтора...

В его голосе было что-то незнакомое, и Дима насторожился. За тонкой стеклянной стеной ходили люди, в таких же, как у Тири, свободных серых брюках и куртках, одинаково подстриженные, темноволосые, с торопливыми движениями, безучастными лицами. Не отрывая от них взгляда, Дима спросил:

– Что случилось?

Тири посмотрел на стоящего возле магнитофона Арчи и быстро сказал:

– Информационная сеть имеется во всех помещениях Города. В транспортном центре тоже... А они спокойны.

Дима не сразу понял смысл этих слов. Потом до него дошло.

– Но ведь передача шла, Тири! Гарт не мог ошибиться!

– Передача шла. А экраны информационной сети можно отключить непосредственно из помещения, где они установлены. Здесь полно Дежурных. И везде, где собирается много людей, есть Дежурные...

Его охватила бессильная ярость. Сдерживаясь, Дима спросил:

– Так что же, все впустую?

Тири молча кивнул. Поколебавшись, добавил:

– Тех, кто все-таки видел, изолируют... А потом скажут, что это был отрывок развлекательного фильма...

Дима провел рукой по лицу. Кажется, дергалось веко...

– Тири, не смей говорить это ребятам.

– Сам понимаю, – Тири почти обиженно взглянул на Диму. За прозрачной стеной, разделяющей вокзал, все так же безмолвно скользили люди. Равные...

– Почему они не смотрят на нас? – Дима спросил просто для того, чтобы о чем-то спросить; он догадывался, каким будет ответ...

– На всех вокзалах с той стороны огромное зеркало. Во всю стену...

Серые тени продолжали двигаться безликой покорной стаей, накрытой крепким аквариумом... Равные. Равные в незнании, равные в несвободе, равные в неравенстве.

– Все готово! Стоянка пять минут! – Гарт высунулся из двери магнитоплана и неожиданно улыбнулся. Руки у него потемнели от жирной, лоснящейся смазки – похоже, он вскрывал даже ходовые механизмы. Словно поймав взгляд Димы, Гарт небрежно вытер руки о рубашку. Легко спрыгнул на гладкий вокзальный пол. Дима шагнул к нему... и замер. Гарт вдруг странно подобрался и смотрел теперь мимо пилота. А в следующее мгновение Дима услышал гудение браслета.

Человек стоял у противоположной стены. Он был одет в черный, матово отсвечивающий костюм с белыми отворотами рукавов и высоким белым воротником. В вытянутых далеко вперед руках человек держал короткую и толстую трубку, оканчивающуюся чем-то вроде ребристого шарика размером с маленький апельсин. В «апельсине» чернело круглое отверстие. Дима быстро взглянул на друзей. Тири замер, глядя на Дежурного (в том, что это именно Дежурный, не было никаких сомнений). Пилот осторожно взялся за рукоятку пистолета, и сразу же оружие Дежурного повернулось в его сторону. Затем Дежурный резко мотнул головой и произнес что-то отрывисто-непонятное. Короткие злые слова прошли мимо сознания, но угадать

смысл было нетрудно. Дима вздохнул и шагнул вперед.

Все случилось так быстро, что он не успел среагировать. Гарт, который с первого момента стоял неподвижно, вдруг сделал резкое движение, и автомат оказался в его руках. Но выстрелить он не смог. Трубка Дежурного выплюнула огненную струю, разлетевшуюся оранжевыми языками пламени. Слепленный вспышкой, Дима закрыл глаза и совершенно автоматически бросился на пол.

Сбоку, оттуда, где стоял Арчи, забил автомат. Короткая очередь оборвалась, и Дежурный, сложившись пополам, рухнул на пол. Но Дима не смотрел на это. Он видел лишь почерневший бок магнито-плана и лежавшего под ним Гарта.

Он был еще жив. Ему уже не могла помочь никакая медицина. Пожалуй, даже окажись Гарт в операционной спасательного крейсера, врачи были бы бессильны. Но Дима все же открыл аптечку, достал две ампулы... и остановился, не решаясь прикоснуться к тому, что было недавно человеческой кожей. Наконец он сжал ампулы и быстрым движением ввел Гарту анальгезии. Сведенное судорогой тело шевельнулось, обугленные сучья рук сползли с лица. С кроваво-черной маски на Диму смотрели растерянные, полудетские глаза. Губы шевельнулись:

– Не верил... никогда...

– Гарт! Ты не бойся! Все будет хорошо! – Нет, это сказал не Дима, это сказал кто-то другой, сидя-

щий в его теле, – молодцеватый, подтянутый, уверенный, что именно так и надо говорить. Но Гарт, казалось, собрался с силами после этих слов, во всяком случае, в его глазах кощунственно-невозможно мелькнула усмешка.

– Зачем врать... Дима, из Города не уйти... только через тринадцатый... Машина в порядке... довезет. Скажи им... кто ты... припугни... И не давай Арчи... в обиду...

На его губах выступила красная пена, он перевел ускользающий взгляд на Тири и еще тише сказал:

– А ты найди Гэл... обязательно... Вот у вас все будет... хорошо...

Дима прикрыл его своей курткой. Арчи положил сверху почерневший автомат, поколебавшись, вынул обойму, прошептал:

– Прости...

На убитого Дежурного они так и не посмотрели.

4. ТРИНАДЦАТЫЙ ГОРОД

В низкой, с прозрачными изнутри стенами, кабине магнитоплана стояло с десяток глубоких, похожих на самолетные, кресел. Впереди был отгорожен отсек пилотов – два кресла – и внушительный по размеру пульт управления. Арчи то подходил к пультам, то снова садился возле Димы. Магнитоплан, каза-

лось, замер в воздухе. Лишь желтой пеленой стлалась далеко внизу пустыня... Пилот повернулся к Арчи, сказал:

– Лишь бы они не отключили питание магнитной подвески...

Тири приподнял голову, взглянул на них, проворботал:

– Не отключат. Магнитная подвеска и система стабилизации тоннеля сопряжены. Все рухнет...

– Учили?

– Всему учили. Равенство во всем.

Дима взглянул в его лицо и поежился. Просительно сказал:

– Тири, мы попробуем с ними договориться...

– Да, конечно... – Тири посмотрел вниз, внезапно оживившись, сказал: – Смотри, это Старый Город!

Внизу проносились остовы гигантских, давно заброшенных зданий, полузасыпанные песком дороги, серая чаша циклопической величины стадиона. Тири смотрел не отрываясь, рядом вжимался в остекление кабины пилот. Вот он покачал головой и сказал что-то совершенно непонятное. Слово прозвучало примерно так:

– Потрясающе...

Похоже, Дима забылся и стал говорить на своем языке. Тири лишь вздохнул и ничего не ответил. А развалины уже исчезли позади. Тири подумал, что Старый Город является непременно местом действия телесериалов о наружниках. Хотя какие тут наружники – Старый Город находится внутри огромного правильного круга, образуемого двенадцатью

Городами, внутри этой невидимой радиоактивной стены, прикрывающей тринадцатый...

Тири вспомнил один из таких фильмов, который смотрел за неделю до своего похищения, и слабо улыбнулся. Главарь наружников, четверорукий мутант по кличке Паук, двое похищенных им Равных и отважный Дежурный Стрэн... Они смотрели, затаив дыхание, не отрываясь от экрана... Гэл сидела рядом...

...Магнитоплан чуть качнуло. Одновременно вся блестящая нитка тоннеля, уходящая за горизонт, просела. У Тири перехватило дыхание. Арчи вопросительно посмотрел на него. Здесь, в вагоне магнитоплана, Тири был главным.

– Пугают, сволочи. Отключают энергию на секунду...

Дима удивленно посмотрел на Тири, потом на Арчи. Словно ничего не понял. Прикрыл глаза, его лицо исказилось, как от боли... Тихо попросил:

– Повтори...

Тири повторил. Дима кивнул головой:

– Значит, догадались, где мы...

Он оправил свой костюм – яркий, вызывающий. Белые, не запачкавшиеся даже за неделю похода брюки, алая рубашка. Посмотрел на Тири и сказал:

– Если что-то... – помялся и продолжил: – На твоём браслете три кнопки. Та, где вопросительный знак... ну, крючок такой, та тебе не нужна. Все равно не поймешь. И кнопка с двумя кольцами не нужна – здесь нет устройств сопряжения. А третья...

Дима секунду помолчал, но все же закончил:

– Третью нажмешь, когда все будет совсем трудно.

– А что это за кнопка?

– Активный режим.

Тири не понял. Но переспросить не успел – молчаливый, замерший в кресле Арчи словно взорвался:

– Кнопка, режим! Гарта убили! Его убили, и мы бросили его этим зверям! А вы говорите так, словно ничего не случилось!

В глазах его стояли слезы, а пальцы нервно подергивали предохранитель на автомате. Дима подался к нему, осторожно заглянул в лицо.

– Арчи...

Тот всхлипнул, наклонил голову, прижимаясь к плечу пилота.

– У нас, пилотов, есть неписанный закон: пока ты не вернулся домой, не вспоминай ушедших. Его не зря придумали, верно, Арчи?

– Не зря... У нас такой закон тоже есть... Но я не прощу, никогда им не прощу!

Тири подсел ближе. И они долго сидели, ни о чем не говоря, чтобы не нарушить свой общий закон...

Они сидели в кабине уже второй час, когда скорость стала падать. Когда она снизилась примерно до ста километров в час, магнитоплан с хлопком прошел вакуумный шлюз. Теперь он несся по узкой стальной полосе, висящей в воздухе без всякой опоры. «У них удивительно развитая техника, для общества с полным обезличиванием это нехарактерно...» Мысль мелькнула так быстро, что Дима не успел на ней сосредоточиться. Постепенно высота уменьша-

лась, и вскоре машина двигалась метрах в десяти над землей. Рельс можно было видеть, лишь глядя вперед или назад; смотря по сторонам, казалось, что машина не едет, а летит. На поддержку тоннелей, на откачку из них воздуха наверняка тратилась уйма энергии...

Из задумчивости Диму вывел толчок в плечо. Тири возбужденно показывал вперед:

– Деревья!

Это были не деревья, а настоящий лес. Рельс-магнитопровод шел над самыми верхушками, вокруг раскинулось темно-зеленое, дрожащее на ветру, море.

– А они хорошо устроились!

Арчи произнес это даже не со злостью. Растерянно... Тири спросил:

– Где они-то?

Далеко справа мелькнула белая округлая башенка, чуть выступающая над деревьями. Потом, совсем рядом, под магнитопланом, мелькнула кучка маленьких разноцветных, похожих на трехгранные пирамидки, домиков. Еще через минуту они промчались мимо темного, точно вросшего в землю, стометрового диска, на несколько метров выдающегося над землей.

Дима честно вертел головой, стараясь побольше запомнить. Наконец сказал:

– Ребята, можете не верить, но это дьявольски похоже на Землю! Типичный научный городок!

– Ну-ну. Поговоришь с ними о науке. – Арчи подгонял автоматный ремень. Магнитоплан все замедлял и замедлял свой полет, похоже, их путешествие близилось к концу.

– Поговорю... Арчи, все время держись рядом со мной или Тири!

– Ладно.

Магнитоплан вдруг мягко нырнул вниз, в раскрывшийся под ними пятикилометровый котлован, так же густо поросший лесом и с внушительного размера сооружением в центре. Здание было построено из побуревшего от времени камня в форме многоугольника. В середине каждой грани темнело отверстие, куда уходил рельс магнитоплана. Дима не стал считать, он и так знал, что граней двенадцать. Его вдруг зазнобило, и он неестественно улыбнулся:

– Приехали... – и добавил, вспомнив Гарта: – Стоянка пять минут.

Они действительно приехали. Откуда-то сбоку, не дав доехать до здания с полкилометра, по ним дали залп. И не из каких-нибудь допотопных пушек, а вполне современным плазмометом. Пульсирующее огненное щупальце вынырнуло из зеленой лесной стены и ударило точно в борт магнитоплана. Увидев несущуюся прямо в лицо струю плазмы, Дима невольно отшатнулся. Почувствовал тупой толчок, и мир превратился во что-то клокочущее, дымное, красно-черное...

5. БРАСЛЕТ ЗАЩИТЫ

Вокруг Димы был трехметровый круг травы. А дальше лежала выжженная, черная земля, от леса до двенадцатигранника вокзала... Невдалеке темнела изломанная стальная сигара. Временами по ней пробега-

ли голубые языки пламени, внутри что-то гулко ухало и в сторону отлетали куски обугленной обшивки. Дима старался рассмотреть, есть ли там кто-нибудь. Старался, сознавая всю бесполезность этого занятия...

Он заставил себя перевести взгляд на стоящего рядом. Человек застыл почти на границе травяного круга, его высокие ботинки до половины погрузились в пепел сторевшей земли. Пепел был и на тщательно подогнанной черной форме, он покрывал ее серым, сигаретным налетом, и на лице, придавая ему странный мертвенный оттенок. С тупым упрямством, а может быть, просто с беспредельной яростью, человек поднимал раструб огнемета.

– Защита, – устало и, в общем-то, ненужно сказал Дима.

Ничего не произошло. Лишь мигнул зеленым браслет, да задрожал, вгрызаясь в уши едва заметным свистом, воздух. Дежурный надавил на спуск. Не долетев до Димы каких-нибудь полутора метров, огненная струя разлетелась веером брызг.

– Ну прекрати, идиот, – почти попросил Дима.

Дежурный посмотрел на него прозрачными ненавидящими глазами. Наклонил голову к груди и забормотал что-то в маленький диск передатчика.

Арчи избивали умело и старательно. Когда он снова открыл глаза, то увидел, что лежит в узкой и глубокой черной траншее, а высоко в небе покачивается желтый солнечный диск... Но траншея шевельнулась и распалась на части – вокруг него плотным

кольцом стояли Дежурные в черных мундирах. Один из них занес ногу, целя в лицо... Арчи закрыл глаза. Но удара не последовало.

Тири был единственным, кто не потерял сознания. Магнитоплан взорвался, превращаясь в комок огня и кипящего металла. С хрустом разлетелся колпак кабины, и их, всех вместе, швырнуло в сторону. Инстинктивно Тири сжался, ожидая тот чудовищный удар боли, который сейчас вывернет все его тело. Но боли не было. Воздух вокруг странно дрожал, в ушах стоял режущий свист. Выгнутый спиралью лист стальной обшивки скользнул было к его лицу, но вдруг немислимо развернулся и прошел мимо...

А потом падение кончилось, и он почувствовал под собой землю, ее мягкое, осторожное касание. «Так не падают с десятиметровой высоты», – мелькнула мысль. Мелькнула и исчезла. Он лежал среди деревьев, над ним косо уходил вверх тоннель, пробитый им в листве при падении. Сквозь деревья виднелся густой столб дыма.

Тири вскочил и бросился в глубь леса.

Рядом с Димой собралось уже десятка два Дежурных. То один, то другой пытались подойти к нему. Кто медленно, а кто и с разбега. Результат был один – тихонько щелкал на руке у Димы браслет, и защитное поле отбрасывало Дежурных назад. Пилот молчал, даже не пытаясь остановить их. «Пусть убе-

дятся, – спокойно и холодно думал Дима. – Чем больше их будет здесь, тем больше шансов у ребят скрыться...» Он не мог поверить, что и Арчи и Тири погибли. Даже если Арчи не попал в поле их защиты... Тири должен был уцелеть в любом случае.

Тишина наступила так неожиданно, что он не сразу заметил ее. Один из Дежурных вышел вперед, наткнулся на невидимую преграду и замер, словно перед стеклом... Потом сказал:

– Мы считаем нужным заключить перемирие.

Слова-то какие возвышенные... Дима вопросительно посмотрел на него. Дежурный продолжал:

– Нам необходимо произвести обмен информацией.

Пилот кивнул:

– Хорошо. Но я буду говорить только с тем, кто обладает достаточной властью.

– Разумеется. Но... выключите свою стену.

– Опустите оружие.

Стоящие вокруг Димы медленно опустили огнеметы. Похоже, это был единственный вид оружия, который они признавали.

Дима посмотрел на свою руку. Браслет померцал желтым, мол, меня не проведешь, враждебность чувствуется, потом щелкнул. И слабый свист, висящий в воздухе, исчез.

Тири долго шел через лес. Это был прирученный, игрушечный лес, он казался густым и диким только сверху, из кабины магнитоплана... Тири то и дело

пересекал узкие бетонные дорожки, сворачивал, угадывая впереди какие-то строения. Здесь было негде спрятаться... Он устал, страшно устал, такого с ним не было даже в первые дни после похищения... Каждый шаг требовал не просто чудовищных усилий, а еще и своего обоснования – зачем он, этот шаг... И Тири отвлекся, не заметил двоих, вынырнувших из-за деревьев и сжимавших угловатое, незнакомое оружие...

Защитный браслет на его руке заходиллся в визге. Тири секунду смотрел на его полыхание. Потом посмотрел на Дежурных, на тонкие, почти невидимые лучики, тянущиеся к нему от их оружия.

Тири захлестнуло волной отчаянной, безумной злобы. Двое парней, чуть старше его самого, старательно пытались его убить. Ну, что ж... Пальцы скользнули к браслету и надавили ту, третью, кнопку. «Активный режим», как сказал Дима... Две искорки, бледные в солнечном свете, сорвались с тусклой браслетной грани. Сорвались и исчезли. А двое Дежурных безвольными, обмякшими кулями осели на землю. Лазерные лучи еще стегнули по деревьям, посыпались вниз какие-то сучья, ветки... Но оружие уже вываливалось из их пальцев.

Тири подошел к ним на негнущихся, окаменевших ногах. Опустился перед бледным, нескладным парнем на колени, прижался к груди... Парнишка был его ровесником. Он всхлипнул и открыл глаза, мгновенно сузившиеся от страха.

– Жить хочешь?

Голос был чужой, Тири сам удивился этому спокойному и насмешливому тону. Он знал, что делать

и как говорить, его голос... Парнишка закивал головой, быстро и мелко, не решаясь оторвать от Тири взгляда.

– Где дом номер триста семьдесят пять-двенадцать?

– Я не знаю!

– Врешь!

– Нет! Клянусь, не знаю! Не знаю!

Он вдруг заплакал. Навзрыд, как ребенок. Тири растерялся, почему-то ему казалось, что первый попавшийся Дежурный укажет ему дорогу. Но сказал так же спокойно:

– А где все жилые дома?

– Там! Вдоль реки!

Тири поднялся с земли, отошел на шаг, еще на один... Он неожиданно почувствовал, что сейчас произойдет. Но ни страха, ни жалости, ни желания вмешаться у него не оставалось...

Дежурный так и лежал, воткнув в Тири оцепенелый взгляд. И вдруг перекатился на бок, стремясь дотянуться до оружия...

Ослепительная белая молния ударила с браслета защиты. В воздухе поплыл запах грозы. Шелестели на ветру деревья.

На этих троих не было дурацкой черной формы. На двоих – что-то вроде темных костюмов, а на третьем, помоложе других, остролицем, вполне привычный свитер, какие носили и в Лагере, и на Земле... Они сидели с одной стороны стола, а Дима – с

другой. Он смотрел на них и ждал. Но и эти трое, казалось, чего-то ждали.

– Мы хотим понять вашу цель, – сказал, наконец, мужчина в свитере.

– Вначале я должен знать, верите ли вы.

– Чему?

– Тому, что я с другой планеты.

Трое за столом переглянулись. Потом остролицый взял со стола несколько листков:

– Вот данные радарной станции второго Города. Вот результаты анализов вашего летательного аппарата. Вот анализы уничтоженного вами робота. А вот заключение экспертов по всем этим фактам. Оно сделано еще три недели назад.

Дима прикусил губу. А говоривший продолжил:

– Мы смогли приблизительно оценить мощность вашей техники. И понимаем, что межзвездный корабль способен смести с лица планеты все Города в долю секунды. Мы хотим знать, каковы...

– Простите, как вас зовут?

– Принимающий Решения. Это вроде должно-сти, – Дежурный попытался улыбнуться.

– Я понял. Наша цель – это мир. Взаимная помощь. Сейчас она, конечно, нужна вам. И мы ее предоставим.

Дима увидел, как остолбенели его собеседники.

– Какую помощь? – осторожно спросил Принимающий Решения.

– Любую. Дезактивация зараженных участков. Изменение климата. Конечно, мы не всемогущи, и это займет годы...

– А что вы хотите получить взамен? – медленно произнес остролицый. Дима заколебался. Он должен был сказать «ничего». Должен был... Но...

– Взамен вы должны ликвидировать Города.

Лица у всех троих закаменели. Они словно с самого начала ожидали такого подвоха.

– А что же с людьми? – резко и насмешливо спросил Принимающий Решения. – Убить? Или вы найдете им занятие на своей планете?

– Зачем? – Дима даже остолбенел от такой наглости. – Пусть живут на поверхности, строят нормальные города... Радиации давно уже нет...

– Тысяч пять могут поместиться в долине, где скрываются наружники... – Остролицый увидел, как изменилось Димино лицо, и пояснил: – Вас выследил патрульный робот. Он шел за вами после того, как вы взорвали свой аппарат... Ну, а остальные? Где они выживут на поверхности, в безводной пустыне? Еще тысячу-другую можно принять сюда, в тринадцатый. И все! На планете нет пригодных для жизни территорий!

Он замолчал, словно ожидая возражений, потом продолжил объясняющим, просительным тоном:

– Для большинства населения жизнь возможна лишь в автономных Городах.

Дима открыл рот, чтобы возразить, но сказал совсем другое:

– Дело не в самих Городах, дело в том режиме, который вами установлен. Прекратите подавление эмоций, уничтожьте сыворотку равенства, скажите правду о тринадцатом...

– Какая сыворотка? – Остролицый растерялся. Потом словно вспомнил что-то и улыбнулся увереннее, чем раньше: – Никакой сыворотки нет. Это же легенда наружников... Эмоциональная холодность достигается всем комплексом воспитательных мер, системой тасовки, исключаящей длительный контакт людей. Но мы вынуждены применять все эти меры: в условиях жесткой экономии, нехватки ресурсов эмоции будут неизбежно толкать людей на преступления и протесты. Поводов у них более чем достаточно. А сейчас мы можем контролировать ситуацию. Способность к любви будет неизбежно толкать людей на браки, на бесконтрольное размножение, в конце концов...

– Ну, и...

– А генные заболевания приведут к появлению огромного количества уродов. Что же, убивать их в младенчестве, как делают наружники, гуманнее? Искусственное размножение, тщательный подбор родительских пар позволяют нам постепенно выправлять генотип... Как видите, подавление эмоций необходимо. А рассказать Равным о тринадцатом Городе, куда большинство попасть никогда не сможет, это просто жестоко...

Он смотрел на Диму с видом опытного фехтовальщика, отбившего несколько размашистых, но неумелых ударов. Но у Димы был еще один удар. Неотразимый. Он даже качнулся вперед, к Принимающему Решения...

– А по какому праву вы присвоили себе «опасные эмоции»? Чем вы лучше Равных? Почему вы

дышите чистым воздухом и ходите по живой траве?
Чем вы лучше?

– Умом.

Он смотрел на Диму даже чуть удивленно.
И вдруг заговорил быстро и сбивчиво:

– Да вы ничего не знаете... Дежурными становятся те из Равных, кто имеет наибольший коэффициент интеллекта, наибольшую свободу мышления. Отбор ведется в шестнадцатилетнем возрасте по этим показателям. Иначе в тринадцатый не попасть, поймите! Даже наши дети живут в Городах...

– А если интеллект снизится? – тупо спросил Дима.

– Тогда приходится нести патрульную службу в Городах.

Неотразимый удар пришелся в пустоту. В вакуум. Фехтовальщик уронил шпагу, и теперь сам валился с обрыва. Дима встал с кресла и увидел, как мгновенно напряглись лица троих Дежурных. Нет, остролицый смотрел на пилота спокойно, даже с сочувствием.

– Вы только не учитываете, что в Городах действительно оказывается всякий сброд. Доверять им патрульную службу... этим, с понизившимся интеллектом... Неразумно... – чужим, деревянным голосом упрямяца сказал Дима.

Но никто не возражал. Наоборот, Принимающий Решения кивнул с видом человека, которому напомнили про давнюю и мучительную болезнь.

«Нет никакой диктатуры. Нет. Конечно, для нас было бы привычнее поселить в тринадцатом детей,

сделать из него санаторий, где каждый провел бы несколько дней за всю жизнь, а не устраивать идеальных условий для интеллектуальной элиты... Привычнее? Давно ли мы поняли, что справедливость нельзя отложить на «потом», что дорога, вымощенная благими намерениями, ведет все-таки не в рай, что даже во имя самого прекрасного «завтра» нельзя быть жестоким сегодня... И кто сможет упрекнуть их за ошибки, которые мы сделали давным-давно... Нет диктатуры. Сюда еще спустятся невидимые и неслышимые наблюдательные зонды, целые комиссии будут рыться в архивах. Но я уже сделал свой вывод. Нет диктатуры. Нет. Есть зажатая в тисках нищеты планета, есть Равные, которые оказались умнее других, были выявлены сложной системой тестов и попали в тринадцатый – в научный, да, действительно научный, Город... Есть те, кого вернули в Города, кто, осознанно или нет, вымещает обиду на своих же ничего не подозревающих братьях и сестрах... Смогу ли теперь я их ненавидеть? Я, свалившийся им на головы и гордо творящий добро, которого они не могут себе позволить... Что у тебя осталось, кроме жалости, беспомощности и глупой улыбки боксера, пославшего в нокаут свою тень?.. Господи, они же считают меня завоевателем, вражеским лазутчиком...»

Он словно раздвоился. Один Димка замер в бездонной, черной пустоте, в повисшем вокруг ледяном молчании. А другой говорил:

– Нам очень жалко, что вначале между нами легло непонимание...

...Сбитый им робот падает на песок – тяжелый, дергающийся огненный ком...

– Пути к пониманию сложны. Но отныне...

...Подрубленные парализующим зарядом осели креслах Дежурные...

– Через самое короткое время мы сможем оказать вам конкретную помощь...

...Арчи стреляет. И тот, кто убил Гарта, лежит на полу, а из-под разорванной пулями куртки струится кровь...

– Мы считаем своим долгом...

«...Заученные фразы. Для меня они привычны, бесцветны и безвкусны... Как вода. А Дежурные слушают, затаив дыхание. Они ожидали другого... Странно, я не ощущаю вины...»

Он замолчал. И тут его словно обожгло:

– Что с моими спутниками?

Он встретил непонимающий взгляд.

– Наружник, бывший в магнитоplane, захвачен.

– А... дальше?..

Они молчали.

– Что с ним будет?

– Он убийца. Он признал это сам. Мы не сторонники жестокости, но те, кто приходят с оружием, встречают отпор.

– Вы должны его отпустить.

Тишина. «Не давай Арчи в обиду, Дима. Припугни...»

– Можете считать это нашим условием.

«Что я делаю? И кто дал мне право говорить от имени Земли?»

– Хорошо.

– Это касается всех наружников. Они прекратят набеги, я добьюсь этого.

– Хорошо.

Дима перевел дыхание. И спросил:

– А Тири?

– Вас было трое?

Похоже, они растерялись. Впрочем, Дима тоже. Он взглянул на часы – прошло не больше пятнадцати минут с тех пор, как их сбили.

– Тири был похищен полтора месяца назад из второго Города.

Молчавший до сих пор Дежурный, самый старший из всех, вдруг заговорил:

– Да, я помню этот случай. Тири, из контрольной пары. Там была еще девочка, Гэл...

– Из контрольной пары?

– Да... Это постоянно проводящийся эксперимент, позволяющий не допускать полного уничтожения эмоций. В норме постоянные перемещения населения Городов, мы называем это тасовкой, не позволяют Равным выделить кого-либо из общей массы, и дают необходимые нам ровные, дружеские отношения. Но и пережимать с этим опасно, может возникнуть полная апатия... Контрольные пары служат для проверки того, за какой срок, проведенный вместе, у людей возникают полноценные отношения.

– И вы проводите коррекцию? – очень спокойно сказал Дима.

– Да, мы регулируем время существования коллективов, не допуская зарождения дружбы или люб-

ви. В наших условиях любовь приведет к преступлениям, к смерти...

Дима вздрогнул. Спросил то, что уже давно вертелось на языке:

– Вы регулируете и время существования отдельных людей? Или... они здесь?

Он смутно надеялся на это. Пусть этот старик кивнет и поддакнет...

– Мы не можем разрешить старость. Это касается всех.

Дима взглянул в его глаза и не решился спросить, сколько же ему лет. Сколько ему еще осталось... А тот продолжил как ни в чем не бывало.

– Контрольные пары подбирают из подростков с высоким уровнем интеллекта, которые непременно будут переведены в тринадцатый. Разумеется, их не разлучают...

– Обычно они расстаются сами, – тихо сказал Принимающий Решения. – Я сам был в такой паре.

Жгучее, нестерпимое предчувствие беды обожгло Диму. Он сказал:

– Гэл из этой пары сейчас в тринадцатом...

– Вероятно... Проверить?

– Я знаю и так. Дом триста семьдесят пять-двадцать.

– Ну, и что?

– Ее надо найти... Нет, лучше по-другому... Я сам должен быть там. И быстрее! Это может плохо кончиться!

Кажется, они поняли... Тот, самый пожилой, зашептал что-то в маленький передатчик. Сразу же в

зал вбежали несколько совсем еще молодых ребят в форме. Теперь Дима смотрел на них другими глазами... Выслушали непонятные слова приказа и исчезли, вскинув в знак согласия кисти рук, ответив что-то неразборчивое...

Дима шел за Принимающим Решения, пытаясь разобраться в его жестах, во взволнованной интонации. Он опять потерял знание языка.

6. КОНТРОЛЬНАЯ ПАРА

Дома походили на красочные нагромождения огромных пластиковых пузырей. Они были свободно раскиданы по сторонам неширокой бетонной дороги, тянущейся вдоль такой же неширокой и спокойной речушки.

Тири пробирался от дома к дому, словно его вело шестое чувство. Смотрел номер и шел дальше. Было тихо, его никто не преследовал. Перейдя горячую, гладкую ленту дороги, он оказался перед ярким светло-розовым домом. К нему вела тропинка, поросшая низкой жесткой травой. Тири огляделся и медленно подошел к дому.

Над дверью чернели крупные цифры. Триста семьдесят пять – двенадцать.

– Гэл...

Он подбежал к двери, ударил в нее. Неожиданно легко дверь скользнула в сторону. Внутри была прохладная, безлюдная тишина. Слабо светился

потолок, освещая маленькую комнату с рядами закрытых дверей и низкими, широкими шкафами, разделяющими эти двери. Тири подошел к одной, наугад, створки мягко раскрылись. Просторная комната с огромным, во всю стену, окном, вся заставленная непонятной мебелью. Тири обвел ее взглядом, словно надеясь, что где-то в углу сжалась маленькая, беззащитная фигурка в сером комбине-зоне.

За его спиной послышались шаги. Тири обернулся. Одна из дверей скользнула в сторону, и он увидел девушку. Ей было лет шестнадцать-семнадцать, не больше; в свободной белой блузке, короткой юбке, с длинными каштановыми волосами, свободно падающими на плечи, она казалась совсем незнакомой. И лишь глаза остались прежними...

– Гэл!

– Тири!

Они метнулись друг к другу. Тири обнял ее, попробовал даже приподнять, как делали парни в Лагере, но у него не хватило сил. Они чуть отстранились, замерли неловко, с одной и той же смущенной улыбкой на лицах.

Тири хотел что-то спросить, осторожно коснулся ее щеки, но передумал. «Неважно. Все неважно. Она моя, только моя. Браслет на активном режиме... Будем пробиваться напрямик. Хватило бы энергии... А Дима с Арчи не маленькие, дойдут сами». На всякий случай он еще раз коснулся кнопки активного режима, и браслет послушно мигнул зеленым.

– Идем, Гэл. У нас мало времени.

Она провела ладонью по его лицу, взъерошила волосы, совсем как раньше...

– Какой ты стал взрослый, Тири. А я тебя все вспоминала робким мальчишкой.

– Ты тоже изменилась, Гэл. Но это и правильно. Идем.

– Пстой! – В ее глазах мелькнул испуг. – Ты же был у наружников! А я совсем растерялась... Как ты здесь оказался? Да, правильно, передавали... Налет на шестой, захваченный магнитоплан... Тебя же убьют, Тири! Глупый мальчишка!

Она потянула Тири за руку.

– За тобой гонятся? Что я говорю, конечно... Я тебя спрячу, а потом мы с Росом поможем тебе уйти...

– Гэл! – Тири чуть было не рассмеялся. – Они ничего с нами не сделают, поверь мне. Я сильнее, и у меня есть настоящие друзья. Пошли, Гэл. Через полчаса будем в транспортном центре.

– Тебя убьют!

– Нас никто не сможет остановить. Ты не веришь?

Гэл молчала. Потом тихо произнесла:

– Кажется, уже верю. Если ты пришел сюда... Зачем ты пришел, Тири?

– Зачем я пришел? – Это было словно удар в спину. И никакой браслет не мог его защитить...

– У тебя кровь на щеке.

Он опустил голову, машинально провел ладонью, взглянул:

– Это моя кровь. В лесу, о ветку...

– Но была и чужая?

– Да, – он произносил это слово долго, целую вечность, он успел снова прожить месяц в Лагере, и пройти дважды пустыню, и напасть на шестой Город, и бросить погибшего Гарта, и в тихом, прирученном лесу убить дежурного. Он снова рос в четырнадцатом детском центре и носился по спортивному залу третьего Города, и с любопытством смотрел на своего нового соседа, пока не вспомнил, что его зовут Гэл, и они уже учились вместе. И группу тасовали каждые полгода, а они все оставались вместе, и начали, не сговариваясь, улыбаться друг другу по утрам... И он еще успел первый раз коснуться губами ее лица, не понимая, откуда оно пришло, это движение, и лишь тогда слово было произнесено полностью.

– Да.

И его ударили второй раз, тем же словом, только на этот раз гневно, возмущенно.

– Зачем?!

– Они же обманывали нас! Издевались над нами! Они не давали нам любить!

– Как раз нам они давали это делать. Ты ничего не понимаешь...

– Они разлучали нас!

– Нас никто не разлучал, разве что наружники.

– Гэл! Что с тобой, Гэл? Неужели ты не понимаешь, ведь этот рыжий Дежурный...

– Не говори так о Росе!

– О Росе?

– Да. Он меня любит.

Слова застревали на языке, они были шершавыми и тяжелыми, как бульжники, и такими же ненужными, но Тири все-таки вытолкнул их:

– А... ты? Ты тоже?

– Да.

Тири попытался взять Гэл за руку, но она отстранилась.

– Гэл, неужели ты все забыла? Помнишь, как мы с тобой клялись друг другу, что не забудем, никогда не забудем... А потом появился этот рыжий... Рос... и меня увели. Ведь мы любили друг друга! Неужели все исчезло, Гэл?

На мгновение в ее глазах промелькнуло что-то прежнее. Серые стены и холодный свет второго Города. На мгновение... И снова в ее глазах было солнце, желтое, как волосы Роса, и голубое небо...

– Ты ничего не знаешь, Тири. Нас просто заставили полюбить. Это был эксперимент, Тири. А заставить полюбить нельзя. Ты хороший, и я ничего не забыла. Но ты друг, и не больше. Понимаешь?

– Но я же люблю тебя, при чем тут эксперимент...

– Это тебе кажется. Просто нам некого было больше полюбить. Понимаешь?

– Чушь! – Тири схватил Гэл за плечи, потряс. – Мне было кого полюбить! Но я помнил тебя! Я убил, я бы снес все Города, чтобы увидеть тебя, и расстрелял бы всех Дежурных. Мне было больно и страшно, но я говорил себе: Гэл меня ждет, ей еще хуже, я должен все выдержать. И я выдержал все! Ты даже не представляешь, сколько людей помогли мне найти тебя! Гарт умирал на вокзале шестого, а сам гово-

рил мне, что у нас все будет хорошо. У нас с тобой, понимаешь? А сейчас Дима и Арчи где-то рядом, может быть, им нужна моя помощь, а я не могу сделать шага... Очнись, Гэл!

– Если бы ты вернулся раньше, Тири... – в ее глазах стояли слезы. – Если бы ты вернулся раньше... Я, правда, не виновата. Я хотела бы тебя полюбить снова, но не могу. Рос, он очень хороший...

– Рос – негодяй! Они же нас в животных превращают, они... они... – Тири задохнулся своими словами, замолчал.

– Нет, Тири. Если человек живет в тринадцатом, значит, он заслужил это... Ты же умный, Тири, ты должен попасть сюда по-другому... Сдайся! Я помогу тебе, и Рос поможет! Тебя простят, и...

Тири рванул Гэл, она упала, и он почти потащил ее к выходу.

– Ты больна, Гэл! Тебя обманули... Я все равно тебя не брошу, на воле ты придешь в себя...

Она была ненамного слабее и вырвалась из его рук. С жалостью и тоской посмотрела на Тири.

– Какой ты глупый... Все-таки остался таким же... Никогда мы с Росом не расстанемся.

Тири отступил к стене. Посмотрел на Гэл в упор, покачал головой.

– Это не ты, Гэл. Я, видно, ошибся. Это не ты. Ты не такая.

Гэл вздохнула:

– Я действительно не такая, какой ты меня представлял. Давно уже не такая. Тебе помочь уйти?

– Мне не нужна помощь.

С легким хлопком раскрылась входная дверь. Рыжеволосый молодой мужчина уверенно зашел в дом, щурясь со света, взглянул на Гэл.

– Почему заблокирована дверь? Ты что, не знаешь, что творится в городе? Эти наружники обнаглели до предела. А, черт!

Он торопливо вырвал из-за пояса длинный, тускло отсвечивающий пистолет.

Тири не двигался. «Браслет на активном режиме. Пусть. Пусть...» Ствол смотрел ему прямо в лицо.

– Не надо, Рос! Это же Тири? Ты обещал! – Гэл метнулась к нему. Бывший Дежурный шестнадцатого сектора обнял ее и надавил на спуск.

Здесь все было как прежде. И желтые барханы, и обгорелый остов спасательной шлюпки. И снова они стояли втроем и смотрели в безмятежную голубизну неба.

Дима нажал на кнопку сопряжения браслета еще час назад. И с тех пор компьютер защитной системы вел непрерывную связь со спасательным кораблем. Подавал пеленг, сообщал что-то. И не реагировал на Димкины вопросы. Лишь несколько минут назад высветил на экране обратный отсчет времени.

– Уже скоро. Осталось двенадцать минут, – ни к кому конкретно не обращаясь, сказал Дима.

Арчи потоптался на месте:

– Дима, тебя в Лагере все вспоминают... Тая поправилась...

– Хорошо, – он не сразу понял, что Тая – это девочка, которую задело взрывной волной. Ураган, взрыв... Это было так далеко...

– Старший расспрашивал...

– Как он?

– Ничего, – Арчи пожал плечами. – Говорит, что не верит Дежурным...

– А ты?

– Не знаю, Дима...

– Со вчерашнего дня они прекратили тасовку. Это не так уж мало.

Небо над головой было, как обычно, чистым. Но Дима знал, что где-то там, в высоте, сейчас завершает свой долгий путь к планете спасательный корабль. Интересно, кто прилетит из космошколы? Разумовский? Дима отчетливо, с фотографической ясностью, вспомнил его лицо на посвящении в курсанты. Разумовский тогда поднял над головой маленькую книжечку Устава, подержал секунду, опустил. И сказал совсем тихо: «Не забывайте одного, ребята. Каждая строчка здесь написана кровью. И очень часто – не нашей». Не нашей.

Дима посмотрел на Арчи, на Тири. «Да, убивал не я. Вы стали моими руками. Вы нажимали на спусковые курки. Я лишь чуть-чуть вам помог. Чуть-чуть». И в который уже раз он поразился тому, что не ощущает своей вины. Ни за один шаг. Словно никто не был виновен ни в чем в этой долгой, двухмесячной жизни. Словно каждый был прав.

– Дима...

Он посмотрел на Тири.

– Скажи своим, что это я во всем виноват. Пусть накажут меня. Я хотел, чтобы тот парень умер! И Роса я тоже... хотел...

– Машина никогда не делает неисправимых поступков сразу. Она дает шанс... В виде парализующего заряда...

«А мне шанса не будет. Меня накажут не машины. Да меня и не будут наказывать...»

– Пусть лучше меня...

– Меня не будут наказывать, Тири.

– Не будут?

– Нет.

«Я пойду по плитам космодрома прямо к школе. А из всех окон на меня будут смотреть курсанты. Молча, не двигаясь... У дверей своего корпуса я увижу чемоданчик с вещами, а сверху – диплом инженера. Вот и все. Я еще постою немного, а из окон будут все так же смотреть на меня, и ветер будет гонять по двору сухие листья и обрывки бумаги. Потом я уйду».

Он поднял голову, стараясь разглядеть среди серых скал башню второго Города. Нет, далеко...

«Земля поможет. Пройдет пять, десять лет, и они выйдут наружу. Все. Они никогда не будут равны и одинаковы, они все разные: умные и глупые, красивые и некрасивые, счастливые и несчастные. Они станут просто людьми... Так что же, выходит, Дежурные были правы? Они сохранили цивилизацию... Да, правы. По-своему. И наружники по-своему правы. Наверное, и я тоже...»

Он улыбнулся. И посмотрел в небо, где, обрастая сверлящим уши свистом, росла тусклая, раскинувшая острые крылья точка.

– Вот и все... Арчи, Тири...

Они взглянули друг на друга. Арчи кивнул, отводя глаза, прошептал:

– Ты нас не забывай...

Дима улыбнулся. Крепко сжал протянутые ему руки. И, не оглядываясь, пошел вперед, к маленькому, мягко зависшему над песком кораблю. Старый, многое повидавший трудяга космоса. Обгорелый керамит, потускневшие дюзы... А он видел не только его. Он видел тысячи кораблей, корабли всех планет, большие и маленькие, те, в которых он летал, и те, в которых уже никогда не полетит.

Люк корабля раскрылся перед ним. Широкий, удобный люк. Пассажирский. Но перед тем, как шагнуть в него, он обернулся и вскинул руки. Две фигурки вдали ответили тем же жестом. И он крикнул, крикнул то, последнее, что должен, обязан был им сказать, крикнул, то ли доказывая, то ли напоминая:

– Фэт рэгел! Фэт!

ПРИСТАНЬ ЖЕЛТЫХ КОРАБЛЕЙ

Когда я привез эту повесть на семинар молодых писателей при журнале «Уральский следопыт», один из чуть более маститых «молодых» авторов возмущенно воскликнул: «Да на этой повести надо написать «Дорогому Владиславу Петровичу на память!», подарить Крапивину и забыть о ней!»

Скажем честно – основания для такого заявления были. Как раз в тот период я открыл для себя (повторно – после пионерских времен) писателя Владислава Крапивина. Снискавший известность в первую очередь как детокий писатель, романтик и реалист, он в то же время любил фантастическую сказку, да и просто фантастику. Разумеется, главными героями у него при этом оставались дети, но премии по фантастике Крапивин получал заслуженно.

И вот, начитавшись от души Крапивина, я, пренебрегая близившимися экзаменами, писал свою «фантастическую сказку». Результатом, кстати, стала единственная за время учебы тройка на сессии, впоследствии аукнувшаяся отсутствием красного диплома... Зато повесть была написана в рекордные сроки – едва ли не за неделю!

«Пристань желтых кораблей» интересна для меня несколькими вещами. Во-первых, писал я ее в совершенно неприспособленных условиях – проживая в комнате студенческого общежития вместе с тремя другими студентами. Во-вторых, это единственная моя вещь, где сюжет завязан на путешествиях во

времени. В-третьих, как ни странно, но эту единственную мою вещь похвалил писатель-фантаст и физик-ядерщик, увлеченный проблемами пространства и времени человек, Сергей Снегов: «А знаете, у вас любопытная концепция...» Двадцатилетнему гуманитарию эти слова были просто бальзамом на сердце! В-третьих, судьба этой повести была какая-то удивительно нескладная и трогательная. Снегов порекомендовал ее Булычеву, а Булычев – издательству «Детская литература». «Детлит» взял повесть для публикации в сборнике «Мир приключений» – в те годы, пожалуй, самом главном и престижном отечественном сборнике. Не просто «лучшее за год», а как бы некий официально проитемпелеванный сборник достижений фантастико-приключенческого хозяйства... Мне прислали договор, я его подписал. Мне прислали гранки, я их вычитал. Мне прислали даже гонорар!

А сборник не вышел. Издательство «Детское литературное», владевшее могучими «брэндами», прекрасными кадрами, материальной базой – не выдержало перестройки и развалилось.

До сих пор жалею, что не опубликовался в «Мире приключений»...

Несмотря на всю свою вторичность, повесть все-таки была опубликована в Свердловске, после чего я некоторое время стал числиться в странной должности «наш новый Крапивин». Предполагалось, что я отныне стану писать исключительно добрые романтические вещи о мальчишеской дружбе, приключениях, предательстве, звоне шпага, хлопанье парусов, плеске воли и звоне рынды. Без всякой иронии – я очень люблю книги Крапивина и всю вышеперечисленную атрибути-

ку. Но у нас уже есть прекрасный писатель Крапивин, и дублер ему, я уверен, не нужен. Надеюсь, что и те молодые люди, которым сейчас пророчат роль «нашего нового Лукьяненко» переборют искушение писать о Добре и Зле, Тьме и Свете, Иных и Людях, вампирах и звездолетах, королях и капусте. Каждый автор проходит неизбежный этап подражания своим кумирам (кстати, гораздо более «крапивинскими» и куда более сильными вещами я считаю «Рыцарей сорока островов» и «Мальчика и тьму»), но рано или поздно автор должен становиться самим собой.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПУТЬ

Шлюпка все-таки не выдержала. До поверхности оставалось всего несколько километров, когда по пульту пробежала волна алых аварийных огней, а за стеной взвыла сирена. Индикатор перегрева реактора стремительно прыгнул вверх, и Кирилл понял, что пора уходить. Он задержал дыхание, вжался в кресло и рванул рычаг катапульты. Над головой хлопнул раскрывшийся люк, и его выбросило в поток спрессованного воздуха. Разноцветные ленты стриммер-парашюта выхлестнулись из ранца, одновременно лопнули ремни, и он отделился от кресла. А шлюпка, с виду совершенно невредимая, неслась вверх, стремительно исчезая в голубоватой дымке облаков.

Кирилл проводил взглядом ее трехгранный корпус и взялся за упругие парашютные фалы. Земля надвигалась слишком уж быстро, видимо, здесь была

небольшая разница в давлении или силе тяжести. Он упал удачно, на бок, прокатился по низкой, выгоревшей траве, пытаясь сбить рвущийся на ветру стриммер. А камень, на который его тащило, заметил слишком поздно...

1. ПОЛЕТЫ ДО ЗАКАТА

...Кирилл несли. Несли куда-то с завязанными глазами. Чушь! Просто он никак не мог открыть их. Но покачивание ощущалось явственно. Куда же его могли нести? Он напрягся, вспоминая. Ведь только что было залитое солнцем поле космодрома и двадцать четыре рвущихся в небо корабля. Было лицо Кати и смеющийся Игнат, показывающий ему растопыренные пальцы. «Victoria»!

Да нет же! Это было раньше, а потом была неделя в крошечной рубке яхты, и его хитрый, давно выверенный маневр, после которого он остался в одиночестве. Все шли по трассе, а он... Он свернул.

Кирилл осторожно потянулся, приходя в себя. Ноги уперлись во что-то твердое, а лежал он на ребристом прохладном полу. Полу? Пол слегка качался под ним... Он медленно-медленно раскрыл глаза.

Над ним висел огромный черный шар. Он видел лишь его днище – обвисшее, дряблое, собранное в жгут полотно, откуда торчали какие-то веревки и провода. Еще секунду он не мог ничего понять. А потом чуть не рассмеялся своему секундному удивлению. Воздушный шар.

Кирилл приподнялся, помотал головой, окончательно обретая ясность мысли. Он лежал на дне гондолы огромного воздушного шара, летевшего над землей. Гондола была квадратная, три на три метра, не меньше, сплетенная из золотистых прутьев – то ли настоящих, то ли синтетических, не поймешь. Вдоль невысоких, по грудь, бортов висели маленькие, туго набитые холщовые мешки. Балласт?

Кирилл встал, перегнулся через край. И замер, вглядываясь в раскинувшуюся внизу землю. Под ним плыли густо-зеленые леса, похожие с высоты на аккуратно подстриженные газоны. Иногда мелькали узенькие речушки, прозрачные до самого дна озерца, поляны. Шар летел с неплохой скоростью. Кирилл отчетливо вспомнил, как в детстве катался на воздушном шаре в Подмосковье. Та же картина, только здесь ни малейших следов человека.

Шорох сзади Кирилл услышал даже не ушами, а всей спиной. Он вдруг сразу сообразил, где находится и что в этот странный шар его кто-то затащил. Кирилл обернулся, стараясь не слишком спешить, но чувствуя легкий холодок между лопатками.

Они стояли у противоположного борта, вот почему Кирилл их сразу не заметил. Двое парней, так похожих, что сразу стало ясно: братья. Оба загорелые, темноволосые, но одному было лет двадцать – ровесник Кирилла, а другому не больше двенадцати. Мальчишка смотрел на Кирилла дружелюбно, его большие карие глаза улыбались, а вот старший поглядывал оценивающе и осторожно. Впрочем, без особого страха или, наоборот, угрозы. Он был одет в тонкую, рас-

пахнутую куртку из черной потертой кожи, такие же штаны, заправленные в высокие крепкие ботинки. И сам он был подтянутый, собранный, широкоплечий. Его братишка в измятых светло-синих брюках и свитере казался рядом с ним хрупким и беззащитным. Может быть, как раз из-за этого пушистого голубого свитера, подчеркивающего тонкость загорелых рук...

Ни одна деталь в их одежде не выдавала ступени развития цивилизации. Так могли одеваться и на современной Земле, и сто, и двести лет назад. А ведь от этого зависела та линия поведения, которую ему придется избрать. Впрочем, в следующее мгновение Кирилл уже вспомнил провода. Он посмотрел вверх – действительно, из шара спускались разноцветные пучки проводов, оголенных на конце. Кирилл снова посмотрел на парней. Те, казалось, ждали чего-то...

Начиналось самое трудное. Кирилл миролюбиво вытянул вперед пустые ладони, сказал:

– Здравствуйте!

Парень постарше спокойно протянул ему руку, сказал:

– Здравствуйте! Меня зовут Дин.

Кирилл поперхнулся заготовленной фразой, оцепенело посмотрел на парня. С трудом выдавил:

– Очень рад... познакомиться... Кирилл...

– Кир?

Он сглотнул и покорно кивнул. Можно и Киром, так его звала сестра и иногда мама.

Младший из братьев тоже протянул руку, и Кирилл машинально пожал теплую ладошку.

– Тони.

И имена у них были вполне земные. Кирилл отчаянно вспоминал лоцию – вдруг он просто забыл про какую-нибудь планету?.. Нет... Не было здесь земных колоний, на сотни парсеков вокруг не было! Он хотел что-то спросить, но Тони опередил его:

– А ваш парашют мы собрали и уложили в ранец. Мы когда увидели, что у вас парашют такой, сразу решили снизиться!

Дин осторожно коснулся его плеча. Тони взглянул на брата и замолчал. А Дин заговорил:

– Он прав, мы снизились из-за парашюта. А потом еще смотрим – у вас на груди эмблема.

Кирилл быстро взглянул на свою яркую оранжевую рубашку. Да, на груди и спине чернела эмблема их регаты: тонкая летящая стрела с острым, похожим на нос яхты, концом.

– Я сразу сказал: «Дин, давай спустимся!» – опять вмешался мальчик.

Дин строго посмотрел на него, они переглянулись и вдруг оба заулыбались. Дин сказал, кивая:

– Да, это Тони первым увидел стрелу. Но мы бы и так вас не бросили. Даже с обычным парашютом и...

Он не договорил и серьезно спросил:

– Но все-таки, кто вы?

Кирилл молчал. Он смотрел на то, что лежало у ног парней. Лакированное, изогнутое дерево, черные металлические пружины. Толстые граненые стрелы. Два арбалета, не старинных, а, скорее, под старину. Смертельные игрушки.

– Я – человек.

Дин ответил почти без улыбки:

– Мы это сразу поняли. Почти сразу. Но все-таки... Вы не из линии круга?

– Нет, – абсолютно честно признался Кирилл.

Дин поднял левую руку, до сих пор сжатую в кулак, разжал. На ладони лежал крошечный, меньше сантиметра, зеленый шарик.

– Сказал правду, – восторженно закричал Тони. – Ура! Я же говорил!

Его брат, наконец, тоже улыбнулся и выбросил шарик вниз.

– Зачем? – Тони обиженно посмотрел на брата.

– Он уже кончался. Найдем новый. Да ладно, не хмурься.

Дин подошел к Кириллу, гондола чуть качнулась от его движения, спросил:

– Ты, наверное, хочешь есть? Садись...

– Хочу.

Только сейчас он понял, как голоден.

– Тони, посмотри, что у нас есть.

Кирилл снова взглянул через край гондолы. Лес, земной лес... А там, где грохнулась его шляпка, должна быть порядочная воронка...

Холодное мясо было невкусным, но он съел почти все. А вот хлеб, похоже, пекли совсем недавно. Дин и Тони, сидя рядом с ним на дне гондолы, о чем-то тихо шептались. Затем Тони подошел к борту и быстро, умело высыпал вниз два мешка с балластом. Чистый белый песок веселой струйкой бежал через борт, потом Тони вытряхивал мешки и аккуратно складывал их в углу. Было в мешках килограммов пятнадцать-двадцать.

Кириллу вдруг стало неуютно. Он спросил:

– Ребята, мы что, спускаться не будем?

Дин, похоже, не понял вопроса:

– Постараемся. Балласта много.

– А если не хватит – вещи побросаем, – подхватил Тони. – Кир, а из твоей сумки можно что-нибудь выбросить? Она тяжелая!

У Кирилла что-то замерло в груди. Он осторожно спросил:

– Мою сумку? А где она?

Мальчишка нагнулся и достал из-под сваленных в углу одеял мягкую красную сумку с эмблемой регаты и буквами «НЗ». До Кирилла наконец дошло, что автоматы должны были выбросить вслед за ним неприкосновенный запас. Он молча взял сумку, набрал свой код, раскрыл. О содержании «НЗ» Кирилл знал в самых общих чертах.

Пистолет лежал сверху. Обычный планетарный бластер, со ступенчатой регулировкой мощности, с ребристым от теплоотводов стволом.

Кирилл, словно не веря себе, прикоснулся к металлу, обманчиво холодному, таящему в себе яростное неземное пламя. Он никогда особо не увлекался оружием, ни в детстве, ни на спецкурсе университета. Но сейчас... Он достал бластер, приложил к поясу. Черт его знает, есть ли в обычном полетном костюме фиксирующая площадка... Оказалось, есть. Бластер с негромким щелчком прилип к поясу.

Дальше в сумке лежал абсолютно не нужный на этой планете газовый фильтр, фляга с водой, пакеты с концентрированной пищей (Кирилл сразу выложил

их), фонарик, нож, запечатанный в прозрачный пластик комб, две гранаты с парализующим составом и маленький цилиндрик передатчика. Интересно, кто составлял набор? Даже аптечки... Аптечка лежала в боковом кармане. Кирилл спрятал передатчик в карман и спросил:

– А можно будет это не выбрасывать? Пригодится!

И почувствовал, как дрогнули в голосе уверенные, хозяйские нотки. Словно он не просил, а...

– Это хорошее оружие? – Дин взглядом указал на бластер. Кирилл смешался:

– Да.

– Тогда можно будет выбросить арбалеты.

Он посмотрел на брата:

– Тони, высыпь весь песок. До заката надо подняться выше.

Кирилл почувствовал, как наползает стыд. Пытаясь казаться непринужденным, он спросил:

– А зачем повыше?

– Пока есть солнце, надо набрать тепло.

Кирилл взглянул вверх, на черное брюхо воздушного шара. И понял:

– Гелиостат? Поднимается за счет солнечного тепла?

– Конечно. Обычно его хватает на всю ночь, а сейчас... Не знаю.

Он спокойно посмотрел на Кирилла, потом на бластер.

– Здесь опасности нет. А когда будет, я тебе скажу.

Кирилл сорвал с пояса бластер, торопливо сунул его в сумку. Посмотреть Дину в глаза было стыдно.

Он присел, достал, передатчик, стал копаться с ним, выдвигая антенны. Вскоре цилиндр, ошестинившийся тонкими иглами, стал похож на ежа.

Тони вдруг бухнулся рядом, беззаботно спросил:
– Ой, а что это?

Кирилл поймал его взгляд. Тони чуть заметно подмигнул. И улыбнулся: «Ничего, Кир, бывает»... Придумывать ответ не пришлось – уже через минуту Тони помогал брату ослабить одни веревки и подтянуть другие. Кажется, они пытались изменить форму оболочки гелиостата, чтобы улучшить его нагрев. С минуту Кирилл смотрел на них. Потом вздохнул, надавил крошечную кнопку на цилиндрике передатчика. Внутри что-то предостерегающе зазвенело. Кирилл метнул передатчик за борт, перегнувшись, следя за его стремительным падением.

Цилиндр превратился в точку. И вдруг вспыхнул, разбухая пятном ослепительного фиолетового света. Кирилл зажмурился, а когда снова раскрыл глаза, то передатчика уже не было. Он исчез, превратился в аварийный импульс, несущийся к Земле. Но хватит ли ему мощности, чтобы пробить пространство, чтобы, обогнав световые и гравитационные волны, коснуться антенн Службы Спасения? «Сам виноват, – оборвал себя Кирилл. – Никто тебя не просил уходить с трассы. Теперь и выбираться надо самому...» Но легче от этой правильной мысли не стало. Он посмотрел на Дина и запоздало подумал, чем будет объяснять этот неожиданный фейерверк. Но Дин не сказал ни слова, лишь посмотрел вниз.

2. ПЕРВЫЙ ЗАРЯД

Они поднялись высоко, километров на пять, не меньше. И Кирилл сразу почувствовал разницу с Землей – дыхания едва хватало. Он украдкой влез в аптечку, разжевал таблетку спорамина, сел в углу. Да, самым правильным было сказать: «Ребята, объясните мне толком, кто вы и что здесь делаете?» И самому признаться в том, кто он и откуда. Но что-то останавливало его – может быть, тяжелые арбалеты на дне плетеной гондолы, а может быть, и спокойное доброжелательство ребят. Кто знает, как отреагируют они на его признание.

– Ты чего молчишь, Кир?

Дин склонился над ним, встревоженно вглядываясь в лицо.

– Так... Дышать тяжело.

– Ты же летчик! Должен бы привыкнуть! Мы с Тони не сомневались... Сейчас снизимся.

– Не смей! – Киру вдруг передалась его тревога перед снижением. – Не смей! Сами спустимся – солнце уже заходит.

– Воздух в шаре начнет остывать часа через два. Выдержишь?

– Да.

Дин отошел, шепнул что-то Тони. Тот взял с пола одеяло, набросил Кириллу на плечи, начал укутывать. Кирилл рассмеялся:

– Да бросьте, ребята! Что я, сам шагу не могу сделать?

– Можешь. Только не надо.

Тони произнес это уверенно и серьезно. Потом взял второе одеяло и ловко замотался в него. Кирилл сообразил, что дело не только в нем и посмотрел на Дина. Юноша аккуратно застегнул куртку, вытащил откуда-то из-под воротника тонкий черный капюшон, надел его и замер, стоя у борта.

А еще через несколько минут стало холодно, в узкой щели между бортом гондолы и днищем шара закружились белые хлопья.

– Здесь вечерний снегопад очень сильный, – тихо сказал Тони. Он пристроился рядом с Кириллом и вертелся, усаживаясь поудобнее. – Лучше всего спать, время быстрее пройдет.

Темнело быстро. А через полчаса Кирилл действительно уснул.

Было уже утро. Шар плыл в прозрачной, голубой, словно небо, тишине. Кирилл поежился, больше для порядка: утро оказалось в меру прохладным, от ночного снега не осталось и следа. А когда шар медленно развернулся и на лицо упал солнечный луч, он понял, что день будет даже жарковат. Тони еще спал, прижимаясь к Кириллу, по-детски мягкий и расслабившийся во сне. Кирилл осторожно подsunул под плечо Тони свою сумку, встал, шагнул к Дину. Тот, похоже, и не ложился.

Метрах в двадцати под ними плыли заросли густого кустарника среди разлапистых могучих деревьев. Совсем близко от днища корзины качались тоненькие нежно-зеленые веточки верхушек.

– Не шлепнулись! – Кириллу сразу стало весело.

Дин посмотрел на него усталыми, красными глазами и сказал:

– Шлепнемся. Часа через два. Воздух в шаре слишком остыл, солнце не успеет его прогреть.

На проводах, выходящих из шара, болтался небрежно прикрученный приборчик с круглой шкалой. Электронный термометр.

– А если сбросить... все?

– Не хватит. – Дин покачал головой. – Я посчитал, не хватит. Избыток массы слишком большой.

– Дин! – громко, звеняще крикнул проснувшийся Тони.

– А что Дин? Все равно, сбросим вещи сегодня – упадем завтра. С шаром пора кончать!

Кирилл опустил глаза.

– Это из-за меня. Зря взяли.

– Не могли же мы тебя оставить!

Дин взглянул на него удивленно и недоумевающе. И даже обиженно. Но тут Тони вскочил и с силой пихнул обонх:

– А ну, хватит! Один ноет, что масса большая, другой – что его не бросили умирать! Ничего, это лес, а не саванна! Дойдем и так!

Он стоял между ними – хмурый и растрепанный. Дин долго смотрел на брата, потом сказал:

– Конечно, дойдем. И Кир поможет – вон у него какая пушка спрятана!

Кирилл кивнул. И спросил:

– Куда пойдем, ребята?

Дин дернулся и развернулся в его сторону. У Тони глаза распахнулись на пол-лица.

– В столицу, конечно. В Розу Ветров, – медленно произнес Дин.

Кирилл понял, что допустил какую-то ошибку. Но вот какую и где?

– Нет, я понимаю... Я хотел только спросить, каким путем пойдём?

Дин и Тони мгновенно расслабились, улыбнулись. Тони сказал:

– Ну ты и шутник! Ты бы еще сказал: «Дети мои, куда пойдём?»

Видимо, в этой фразе было что-то смешное. Дин рассмеялся и посмотрел на Кирилла прежними спокойными глазами:

– Посмотрим, Кир. Как получится. Хотелось бы по реке, если дотянем...

Они не дотянули. Внизу мелькнула полянка, и Тони возбужденно крикнул:

– Дин! Скорее! Спускаемся!

Дин не колебался. Он дернул один из тянущихся сверху тросиков, раздался треск рвущейся ткани, и шар стремительно пошел вниз. Гондола скользнула по земле возле самых деревьев, налетела на ствол, от толчка Кирилл прокатился по дну и выпал бы, не сожмись на его руке пальцы Дина.

Шар слегка подпрыгнул, снова опустился на поляну и замер. Оболочка угрожающе быстро оседала, наваливаясь на гондолу.

– Не зевай! – Дин первым выскочил наружу. Кирилл хотел помочь Тони, но тот уже легко перемах-

нул через борт. Тогда он подхватил сумку и прыгнул следом.

Даже освободившись от их веса, шар не смог подняться. Он лежал, приминая мягкую росистую траву, как неуклюжее чудовище с черной, лоснящейся в лучах солнца шкурой. Порывы ветра волнами пробегали по оболочке, и казалось, что чудовище дышит.

Дин осмотрел себя, потом Тони и Кирилла. Спросил:

– Ничего не забыли?

И не дождавшись ответа, добавил:

– Надо бы шар подпалить...

– Правильно, – тихо сказал Тони. – А то достанется какой-нибудь шайке... Только его не зажжешь – он еще сырой с ночи.

– Я могу, – неуверенно начал Кирилл. Ему отчаянно захотелось опробовать бластер. Но Дин взглянул на него строго и недоуменно:

– Ты что, всего-то пятьдесят зарядов...

Кирилл растерялся. А Дин продолжал:

– А перезарядить здесь не удастся.

Он помахивал зажатым в руке арбалетом. Старинный арбалет, абсолютно средневековый. С таким арбалетом и в устройстве воздушного шара не положено разбираться, не то что знать количество зарядов в земном оружии. Чтобы прогнать глупое удивление, Кирилл вспомнил про электронный термометр в шаре. И про биоиндикатор искренности. Помогло. Он пожал плечами, сказал:

– Не надо, так не надо...

– Дин, ну давай, а? Один заряд всего! – Тони взял брата за руку, прижался к нему. Тот чуть поколебался.

– Ладно. Пали.

Кирилл быстро вытащил бластер, снял предохранитель. Почему-то огонек контроля светился красным. Ах да. Он вынул обойму и снял с нее тонкую пластинку нейтрализатора. Снова вщелкнул обойму в рукоять, поставил минимальную мощность (перезарядать, действительно, негде), и выстрелил.

Огненный комок ударил в черное полотно, шар мгновенно вспыхнул. Жарко и празднично, словно облитый бензином.

– Красиво, – оценил Дин. – А теперь пойдём. Только бластер не убирай далеко.

Дин и Кирилл шли рядом. Лес был густой, толстые, обросшие мхом стволы вставали сплошной стеной. Кирилл все пытался определить породу деревьев. Вроде бы получалось: это был дуб, а это явно сосна. И трава земная, и цветы мелькают знакомые... Так что же, он на Земле? А чуть более разреженный воздух? А три огромные материка с очертаниями, совсем не похожими на земные? Колония, это более реально. Но в этом районе не только не было земных поселений, сюда, Кирилл помнил совершенно точно, не залетал еще ни один корабль. Оставалось предположить высокоразвитую цивилизацию, чьим любимым занятием было шутить с одинокими спортсменами...

– Тони! – громко позвала Дин. – А ну, не убегай! Попадешь к людоедам в лапы – доживешь ровно до обеда!

– Так ты меня и отдашь каким-то людоедам!

Голубой свитер Тони уже давно мелькал далеко впереди. И крикнул он весело. Но сразу же сбавил темп, дождался Кирилла, крепко взял его за руку. Дин усмехнулся, снял с плеча арбалет, начал неторопливо его заряжать. Оказывается, в арбалет вкладывалось сразу по три стрелы, и каждая имела свой отдельный спуск. Кирилл невольно покачал головой. Это походило не столько на старинное оружие, сколько на его бутафорскую, стилизованную под средневековые, модель. Еще одна версия...

Он потрепал по голове притихшего Тони, спросил:

– Тони, тут что, действительно есть людоседы?

– Конечно. А где их нет?

– Так мы из-за этого не спускались?

– В лесу – да. В саванне – из-за кочевников. Они хоть и не едят людей, но мучают так... Если бы тот разезд до тебя доскакал раньше нас...

– Какой разезд? – Кирилл почувствовал, как запоздало наплывает страх.

– А ты не помнишь? Ты же вроде в сознании был, мы тебя в корзину тащили, а ты бормотал: «Я не виноват, правила обход не запрещают...» Кир, а это ты про что говорил?

Кирилл вздохнул:

– Про обход и говорил. Я в гонках участвовал, ну и пошел напрямик. Я и в самом деле правил не на-

рушал Вот только шел на форсаже больше трех часов подряд.

Он взглянул на Тони и засмеялся:

- Ты хоть понимаешь, о чем я?

Тони честно ответил:

- Не очень.

И со вздохом добавил:

- А вот Дин поймет. Он за десять лет многое узнал. Хотя и младший, а знает больше меня.

Кирилл не сразу понял его слова.

- Как младший? Тебе сколько лет?

- Скоро двенадцать.

- А... Дину?

- Недавно двадцать исполнилось.

- Но тогда как...

- Вот так. В общем-то мы близнецы.

Чуть пригнувшись, Кирилл заглянул Тони в глаза. Мальчишка улыбался. Кирилл сердито вырвал из его ладони свою руку и ускорил шаги. Услышал:

- Кир, не обижайся!

И замер. Не потому, что простил глупую шутку. Просто лес расступился, и они вышли на дорогу.

3. ПАТРУЛЬ БЕЗВРЕМЕНЬЯ

Такую дорогу трудно было найти и на Земле. Ровная серая лента гладкого, с едва заметным уклоном по краям для стока дождевой воды, бетона стрелой рассекала лес, подступающий к самой обочине.

Машины могли бы идти по ней не меньше чем в шесть рядов. От бетона веяло жаркой, безлюдной тишиной, муравьиная тропка, ветвясь, пересекала дорогу.

– Свежая, – спокойно сказал Дин, и зачем-то попрыгал на бетоне. – Повезло нам – к вечеру дойдем.

– Ага, свежая. – Тони сказал это и виновато посмотрел в сторону Кирилла. Тот не выдержал и улыбнулся – смешно было бы обижаться на мальчишку. Спросил:

– Раньше дороги не было?

– Нет, только тропинка. Мы здесь проходили полгода назад, я уже тогда подумал, что рано или поздно построят дорогу...

Дин сказал это самым небрежным тоном. Подумаешь, дорога в дремучем лесу. Полгода назад не было – теперь есть. И деревья на обочине нетронутые... Бред какой-то. Кирилл уже приготовился задать осторожный вопрос, когда увидел внезапно насторожившееся лицо Дина.

– Гости едут, – пробормотал он. – Точно, Тони?

– Едут...

Дорога была пустынна. Светло-серый, отливающий на солнце черный бетон, дрожащее марево над ним. Но спорить Кирилл не стал. Спросил лишь:

– Может, прождем в лесу? Если действительно кто-то приближается...

– Я никогда не бросал друзей и никогда не прятался от врагов, – Дин перехватил арбалет так, что тот лег на сгиб локтя, и, не оборачиваясь, пошел вперед. Тони за ним. А самым последним, произ-

вольно нащупывая кобуру бластера, – Кирилл. От врагов прятаться ему вообще не приходилось, а вот друзей он тоже никогда не бросал.

Дин не ошибся. Они не прошли и десяти метров, как Кирилл увидел впереди крошечное облачко пыли. А затем услышал ровный, стелющийся по дороге стук.

Кони. Копыта бьют о бетон...

Никто ничего не сказал. Лишь спина у Дина напряглась. Охваченный безотчетной тревогой, Кирилл перехватил сумку поудобнее, чтобы не путалась под рукой.

Их было пятеро. Они сидели на откормленных, лоснящихся от пота лошадях. И сами были такими же откормленными и потными из-за тяжелых металлических доспехов. Странные это были доспехи – матово-серые, шершавые, словно изъеденные временем, сложенные из маленьких, с детскую ладошку, пластин, чешуей наползающих одна на другую. У поясов болтались длинные плоские шпаги, срывающие вниз ошметки неожиданно чистой, белой пены. Лица скрывали решетчатые шлемы, опущенные забрала клювами выдавались вперед. А на груди, на стальной пластине, отполированной до зеркального блеска, темнел аккуратный штриховой рисунок. Два круга, чуть-чуть заходящие один за другой, и в кругах что-то смутно знакомое.

Кирилл уже видел эти круги, видел... На экране корабельного компьютера. Это была карта планеты! Вид на нее из космоса, развернутый на плоскости в старой доброй косоугольной проекции. Кони всхра-

пывали и переступали на горячем бетоне, словно их копыта могли чувствовать жар. Бред, полный бред. Или маскарад.

Кирилл взглянул на Тони – и словно укололся о прищуренные жесткие глаза. Так не играют. Можно устроить грандиозный, всепланетный маскарад и не заметить свалившегося с неба пришельца. Можно размахивать арбалетами, сделанными на современном заводе, и лететь на воздушном шаре, увешанном электронными приборами. Но взгляда с недетской ненавистью и затаенным испугом не сыграешь. Это была жизнь, настоящая жизнь, но вывернутая каким-то непонятным еще Кириллу образом...

Один из всадников тронул поводья, и его конь шагнул вперед, прямо на Дина. Тот не шелохнулся. Конь топтался на месте, задирая голову вверх. Одним движением всадник снял шлем. У него были светлые волосы, нестарое еще лицо с резкими, но спокойными чертами, блестящие бисеринки пота на гладком, не тронутом морщинами лбу.

– Мир вам, дети мои! Куда вы идете?

Кирилл вздрогнул, вспоминая, где он слышал эти слова. А Тони вдруг выступил навстречу всаднику.

– Мир вам, патруль Единения! Мы идем вперед!

В голосе Тони звенела издевка. И не только Кирилл это заметил. Всадник взглянул на Дина, спросил:

– Почему отвечает младший?

– Он здесь старший, – спокойно ответил Дин. Его арбалет как-то случайно оказался нацеленным на всадника.

– Я понял, – не обращая внимания на оружие, сказал тот. – Но в законах говорится о возрасте жизни, а не о возрасте рождения.

– Мы знаем, но старший здесь – он!

Всадник молчал. И четверо за его спиной тоже. Взвешивали силы? Командир патруля задумчиво посмотрел на Кирилла, на его рубашку с эмблемой-стрелой. Неторопливо надел шлем, блеснули из темного провала глаза, твердеющие, принимающие какое-то решение...

– Ну что ж... Дети мои, куда пойдём?

Арбалет в руках Дина щелкнул, лошадь командира взвилась на дыбы и упала, из горла ее ажурным железным цветком выросло оперение стрелы. Но всадник уже стоял на земле, обнажив длинную шпагу. Его спутники мгновенно попрыгали вслед – лишь громынула сталь о бетон. Раздался еще щелчок – это выстрелил Тони. Его стрела ударила в латы одного из патрульных и отлетела в сторону. А тот шатнулся и достал из перевязи шпагу.

В том, как они шли, было что-то зловеще-неотвратимое. Вроде бы и неторопливо, но Кирилл вдруг понял – не убежать. Догонят своей мерной, грохочущей от обилия железа походкой! Все патрульные держали шпаги одинаково, чуть отставив острие в сторону, с той небрежностью, которая обманывает непосвященного. Тонкие, сходящиеся в бритвенную беспощадность концы шпаг дрожали и отблескивали на солнце. Дин быстро схватил Тони за плечи, потянул назад, за Кирилла, прошептал:

– Давай, Летчик!

Кирилл сорвал с пояса бластер. Мелькнула беспомощная мысль: «Вначале в дерево. Может, догадуются, не полезут в драку...»

Они догадались и так. Замерли на месте, а командир свистящим шепотом сказал:

– Это нарушение законов!

Несыгранная трагедия быстро превращалась в фарс. Кирилл аккуратно нацелил бластер на командира и сказал:

– А лезть на нас со шпагами без всякой причины – по закону?

Патрульные остолбенели от такой наглости. А Тони за спиной Кирилла звонко рассмеялся:

– Молодец, Летчик!

И, обращаясь к патрульным, добавил:

– Бросайте шпаги! И проваливайте!

Они не сказали в ответ ни слова. Звякнуло брошенное оружие, всхрапнула лошадь, на которую взгромоздились сразу двое. Дин долго смотрел им вслед. Пробормотал:

– Может, стоило отобрать коней... А, Тони?

Тони стоял, согнувшись, над убитой лошадью. И шептал что-то, словно просил прощения.

Дорога обрывалась прямо в реку. Ее серая бетонная лента опиралась на сложенную из метровых камней опору, обрастала по краям низенькими столбиками ограждения, приседала, готовясь превратиться в мост... Да так и не превращалась – сразу за опорой дорога была срезана как ножом. Кирилл подо-

шел к самому краю, провел рукой по бетонному откосу. Ровный, словно работали лазером. Но не оплавленный. Лазер отпадает...

Метрах в пяти под обрывающейся дорогой лежал покрытый галькой берег. На него накатывались ленивые и, судя по всему, теплые волны.

Кирилл посмотрел на Дина. Но того исчезновение дороги не заинтересовало:

– Пошли искать поваленные деревья. Вдоль берега должны быть.

– А чем вязать? – не выдержал Кирилл.

Дин молча достал из кармана брюк маленькую катушку с блестящей под лучами солнца нитью. Кирилл взял ее. Это была не нить – сверхпрочное стекловолокно. Непременный атрибут снаряжения звездных десантников, пилотов Дальнего Понска, колонистов. И, как теперь оказалось, – средневековых путешественников с чужой планеты.

Течение было медленным, ленивым. И день сразу стал таким же. Они лежали на нагретых бревнах плота, скинув одежду, загорая под теплыми лучами солнца, чувствуя, как липнет к коже выступающая из коры смола, но не желая даже пошевелиться. Дин, кажется, спал, прикрыв лицо скомканной рубашкой. Тони лежал на краю и медленно бултыхал в воде рукой.

– Укусит кто-нибудь...

– Здесь акул нет. А я подгребаю, быстрее доплывем.

На плече у Тони белел, отчетливо выделяясь на загорелой до шоколадного оттенка коже, рваный давнишний шрам. Кирилл хотел было спросить, откуда шрам, но постеснялся, сказал другое:

– Тони, почему они к нам придрались?

– Как почему? Отвечаем не по правилам, смотрим, дерзко. Куда идем – не говорим. Стрела у тебя на рубашке...

– Они против стрелы?

– Черт их знает. Но я не хотел драки, я их даже назвал патрулем Единения!

– А как еще можно было назвать?

– Ты что, Летчик! Патрулем безвременья, Скипальцами, примиристами... Мало ли кличек.

Кириллом постепенно овладевало ощущение человека, который, уютно устроившись в кресле, читает захватывающий детектив. Остывает на столе чашка с кофе, выключен телевизор, придавлен подушкой телефон, отправлена к подруге жена... Мир расплывается и становится нереальным. А со страниц книги, наоборот, медленно тянется окровавленная рука в черной перчатке... И даже то, что он оказался в гуще событий «детектива», воспринималось беззаботно и несерьезно. Нет, не может, никак не может произойти что-то страшное и непоправимое под этим голубым, как на Земле, небом, под замершим в нем желтым диском солнца, над сонной речной водой, рядом с Дином и Тони.

– А зачем ты хотел взять шпаги, Кир?

Шпаги? Он действительно думал взять шпаги, хотя бы одну, с чеканным, серебряным эфесом, с

гибким как тростинка и в то же время крепким клинком. Но Дин неодобрительно покачал головой, и Кирилл не стал спорить. Шпага, при всей своей романтичности, чертовски неудобное в перевозке оружие. А путь им, похоже, предстоял долгий. Кирилл зевнул и ответил:

– Могли пригодиться...

– Кир! Ты умеешь драться на шпагах? Научи!

Тони восторженно навалился на него, из всех силенок прижал к плоту. И не так уж слабо прижал – его по-мальчишески тонкое, не успевшее еще приобрести нескладности подростка тело состояло, казалось, из одних мышц. Кирилл никогда не считал себя слабым, он увлекался спортом, от старинного фехтования до сверхмодного спейсбола. Но сейчас он вдруг подумал, что Дин, если он походит на своего братишку не только лицом, гораздо сильнее его...

– Ну, Кир...

Кирилл осторожно отцепил мальчишку от себя, мягко, стараясь не переборщить, толкнул в сторону. Тони, оказавшийся на краю плота, мгновенно вскочил, чуть пригнулся, замирая в странной и явно боевой стойке. Увы, действия Кирилла он воспринял как приглашение к игре... И вдруг его лицо изменилось, он выпрямился, всматриваясь куда-то.

– Смотри!

Кир поднялся, прослеживая его взгляд.

Вдоль реки неслось десятка три-четыре всадников. Над передними реяли какие-то знамена, вымпелы, на некоторых тускло отсвечивала броня. На не-

давний патруль они не походили, да и ехали, похоже, не замечая маленького плота, плывущего по середине реки, ехали по своим неведомым делам, без криков, без разговоров.

– Кир, у тебя есть бинокль?

Он потянулся к сумке, но рыться в ней не стал.

– Нет, Тони.

Голос у мальчишки задрожал, он быстро и возбужденно попросил:

– Кир, пожалуйста, какое у них знамя? Какое знамя?

Кирилл всмотрелся.

– Белое поле...

Тот, кто скакал впереди и держал знамя, взмахнул рукой, и полотнище развернулось по ветру.

– А на белом поле – какой-то зверь на задних лапах и с мечом в руках... то есть тоже в лапах. Лев, что ли...

Тони странно засмеялся. И попросил:

– Пальни по ним, Кир! Я тебя очень прошу!

– Зачем?

– Он гад, палач!

– Кто?

– Это граф Приозерья! Это его свита!

– Ты откуда знаешь?

Тони возмущенно замотал головой.

– Да флаг же его! Стреляй!

Всадники удалялись по берегу. Слабый, мягкий стук копыт замирал над спокойной водой. Кирилл неуверенно пожал плечами:

– Я разбужу Дина...

Тони как-то резко осел, отошел на другую сторону плота. Бросил через плечо:

– Не надо будить. Он не даст.

Кирилл долго смотрел вслед удаляющимся всадникам. Потом присел рядом с Тони, серьезно сказал:

– Если Дин не даст, то, наверное, действительно не стоит?

– Наверное... – Тони всхлипнул и прижался к Кириллу. – Я его все равно убью! Сам! Раз уж его вынесло сюда...

– Почему? Тони, что он сделал?

Мальчишка встал. Потом прошептал:

– Я потом скажу, ладно...

– Ладно.

Они посидели так немного. Дин продолжал спать. Или делал вид, что спит. Наконец Тони прежним голосом сказал:

– А сейчас ты будешь учить меня фехтованию.

Кирилл вздохнул и смирился:

– Бери ножик и выстругивай себе шпагу. Ясно?

В душе он надеялся, что Тони провозится со «шпагами» до вечера.

4. ПРИОЗЕРЬЕ

Кирилл спал. Ему снился Дин – седой, с длинной бородой, с дрожащим голосом. Он указывал на посапывающего в коляске младенца и нудно уверял, что это его старший брат. Объяснить, почему так полу-

чилось, он не хотел. Кирилл возмущался и говорил, что невежливо так издеваться над представителями иной цивилизации...

Чья-то рука отчаянно затрясла его плечо, и он проснулся. Было темно, но уже как-то по-утреннему, незнакомые созвездия прощально догорали на светлеющем небе. Ночной снег успел растаять, оставив лишь мокрые пятна на куске полиэтиленовой пленки, которой они укрывались поверх одеял. Кирилл с трудом угадал рядом лицо Тони, зачерпнул воды, плеснул на себя, сгоняя остатки сна.

– Что случилось?

– Легчик, ты чувствуешь?

– Что?

– Ну, прислушайся!

Кирилл замер. Над рекой словно повисла легкая дрожь, а звезды... Они не мерцали, они едва заметно покачивались на месте. И еще тишина. Ни дуновения ветерка, ни крика птицы.

– Что это, Тони?

– Значит, не показалось... – Тони вдруг переполз через Кирилла и толкнул брата. Дин мгновенно вскочил, огляделся и довольно спокойно сказал:

– Разрыв. Выбраться не успеем, так что давайте к берегу.

– 3-зачем? – у Тони зуб на зуб не попадал. Слово от холода. Но холодно не было – становилось все теплее и теплее.

– Как зачем? Ты доплывешь отсюда до берега?

– Д-доплыву.

– Герой... Что-то я сомневаюсь.

Они гребли отчаянно и ожесточенно. Даже Кирилл, не понимая, что происходит, налегал изо всех сил. Он греб пластмассовой крышкой от аптечки, которая все время норовила вырваться из пальцев. Но берег становился все ближе и ближе. Вот только и дрожь нарастала, над рекой повис тонкий звенящий звук, зануло в ушах.

Они успели. Выбрались на берег, отбежали на несколько метров от воды. Кирилл хотел было рвануть в лес, но его остановил возглас Дина:

– Ты куда, идиот! К нам!

Кирилл замер, его тут же догнал Дин, волочащий за руку Тони.

– Ложись, Летчик!

Он послушно растянулся на траве, почувствовал, как сверху навалились Дин и Тони. Дин все пытался всунуть братишку между собой, и Кириллом. Укрывал от чего-то? Кирилл не успел додумать. Глаза резанула ослепительная белая вспышка, исходящая, казалось, от каждой травинки, от каждого листика вокруг. И сразу же он ощутил легкость. Дин и Тони исчезли. И звон прекратился.

Кирилл встал на негнущиеся, чужие ноги. Достал из кармана фонарик, осветил вокруг. Он был один, и даже густая трава, которой зарос берег, не была нигде помята. Ледяная змейка страха сжала сердце, отчаянный, произвольный крик вырвался из горла:

– Дин!!! Тони!!!

– Чего кричишь?

Тони стоял за спиной – целый и невредимый. Хмурился, но улыбка все же пробивалась наружу.

– Тони...

Кирилл рванулся к нему, обнял так, что тот вскрикнул, прижал к себе. Мгновенный бешеный страх никак не хотел отпустить...

– Ну что ты, Летчик! – Тони говорил сердито, а сам все прижимался к Кириллу. И руки у мальчишки дрожали. – Ты меня долго ждал?

– Что? Минуту-две.

– Ну, значит, Дин сейчас появится. Я же между вами был, чуть ближе к тебе.

Кирилл замер. Он еще не понял, но чувствовал, что разгадка рядом. А Тони снова заговорил:

– Мы с Дином только однажды не успели. Далеко были, бросились друг к другу – но поздно. Нам было по десять лет, его бросило вперед на сто тридцать, а меня на сто тридцать восемь. Тогда он рассчитал... Примерно, конечно. И целый год жил там, где я должен был появиться. Дождался.

Кирилл долго смотрел на Тони. А потом зачем-то спросил:

– Разрыв – это разрыв во времени?

– Конечно, Кир. – Дин стоял пред ними.

Они собирали вещи, как грибы. Вот только грибы не имеют обыкновения вырастать на уже осмотренном участке. А часть вещей появилась раньше их. Арбалет Дина, полузасыпанный песком, успевший уже подернуться ржой. Тони свой арбалет из рук не выпустил. Аптечка – залитая водой, хорошо, что внутри все было упаковано герметично. Одна из гранат с парализующим газом. Вторую, которую Кирилл уже отчаялся найти, выбросило через час прямо

под ноги Дину. В общем-то они почти ничего не потеряли. Только остатки пищи испортились, а свои концентраты Кирилл не нашел.

– Могло быть хуже, – деловито оценил ситуацию Тони. – Нас недалеко бросило, да, Дин?

– Недалеко. Месяц-полтора.

– Плюс?

– Конечно. Чувствуешь, как тепло?

– Значит, по ночам снега не будет?

– Нет.

– Ура!

Кирилл помялся, но спросил:

– Так это зима была?

Дин посмотрел на него. Потом вздохнул:

– Сильно же ты грохнулся, Кир.

Но сказал не обидно, а с детской подначкой. И Кирилл принял игру, стал неторопливо засучивать рукава, многозначительно поглядывая на Дина. Тони рассмеялся и прыгнул на него сзади, едва не повалив на землю.

– Кто тут обижает моего братишку?

Кирилл осторожно стряхнул его, поставив перед собой, спросил:

– Тони, ты насколько был старше?

– На четыре минуты!

Кирилл расхохотался – с такой гордостью произнес Тони свои «четыре минуты». Но и Дин с Тони хохотали, стоя возле Кирилла. Потом Тони сказал:

– Ну и что! Главное – что Дин обещал маме всегда меня слушаться. Всегда и во всем, в какое бы время нас не забросило!

Он вдруг замолчал, и Кирилл понял, о ком он сейчас думает. И молниеносно среагировал, воскликнув:

– Слушай, защитник маленького братишки, где же твое оружие? Целый день ведь старался!

Дин быстро, с благодарностью взглянул на Кирилла, а Тони завертел головой и обиженно произнес:

– На плоту осталось...

– А плот уплыл месяц назад, – подвел итог Дин. – Вместе с двумя деревянными шпагами! Какая потеря для нас!

Уже серьезным голосом он добавил:

– Кир, а ведь ты действительно хорошо дерешься. Не хуже патрульных.

– Откуда ты знаешь?

– Смотрел, как ты учил Тони.

Вот как он мирно спал на солнышке... Кирилл усмехнулся:

– А эти толстые, неуклюжие рыцари тоже умеют драться?

– Рыцари... Они не рыцари. А дерутся отлично – их носит по всем временам, и они знают и те приемы, которые забыты, и те, которые еще не придуманы. Если бы они пользовались огнестрельным оружием, пришлось бы туго.

– А кто же они тогда?

Дин неуверенно пожал плечами:

– Вроде монашеский орден. Орден Единения. Хотя точно мало кто знает.

– А что они делают?

Уже не удивляясь его вопросам. Дин ответил:

– Порядок поддерживают во всех временах и пространствах. Ну что, пошли?

Кирилл кивнул:

– Пошли.

– Это и называется Приозерьем, – сказал Дин.

Они стояли на вершине холма, поросшего колючей жесткой травой. А впереди, до самого горизонта, тянулось бурое месиво – то ли болото, то ли просто ровный слой грязи с торчащими из него редкими кривыми деревьями.

– Приозерье? – В голосе Кирилла звучало такое удивление, что Дин усмехнулся:

– Да, Летчик. Только озера здесь были давно, еще до начала разрывов. А потом случилось так, что в Приозерье наступила засуха, и все обмелело. Тут разрыв – и в эти обмелевшие озера бухнулось одно полное, из будущего. Потом еще и еще... Понимаешь?

– Да. Озер не стало ни там, ни там. Везде понемногу водички, понемногу ила, понемногу песка...

– Верно, сейчас вот что осталось... А зовется по-прежнему Приозерьем. – Дин замолчал, потом добавил: – Кое-где и кое-когда озера есть и сейчас. Когда мы родились, было шесть озер. – Он неопределенно махнул рукой вправо: – Там было Скалистое, мы жили на его берегу.

– Скалы там и сейчас есть, – тихо сказал Тони.

– Есть...

Они начали спускаться вниз, к болоту. Кирилл небрежно спросил:

– Дин, выходит, когда-то разрывов не было?

– Не было. Когда мы были детьми, разрывы еще были в новинку. Вернувшихся из будущего с другим разрывом было мало. Никто не понимал, что происходит.

– Отец понимал, – негромко сказал Тони.

– Отец сам был из разрыва. – Дин взглянул на Кирилла и разъяснил: – Представляешь, он родился двадцать шесть лет назад. А десять лет назад, незадолго до моего появления в этом времени, был минусовый разрыв, и его бросило в прошлое. Там он стал рыцарем, встретил маму...

– Рыцарем?

– Ну да! А что оставалось делать – тогда было настоящее средневековье, на иновременцев смотрели как на нечистую силу. Это к тому времени, как мы с Тони подросли, немного полегче стало. Скитальцы... ну, патрули Единения... прекратили войны, из будущего несколько заводов выбросило, школы появились...

– Ты же все равно не хотел учиться, – ехидно заметил Тони. – Ты совсем не учил про будущее, не верил, что сюда попадешь. Вот тебе и пришлось трудно!

Дин быстрым движением притянул к себе брата и дал ему подзатыльник. Чисто символический.

– Балда! Тебе пришлось легко, потому что я тебя встретил! А я здесь времени даром не терял!

Кирилл остановился, спросил:

– Дин, а может быть, вы еще вернетесь к себе?

Лицо у Дина закаменело, и Кирилл понял, что сморозил глупость. Наверное, еще два-три часа назад

Дин ответил бы вежливо и спокойно. Но теперь... Что-то изменилось между ними. И Дин сказал грубовато и насмешливо, словно старому другу:

– Кир, что же, мы с Тони последние дураки на свете? Я как попал... сюда, сразу стал узнавать, что случилось в прошлом. Так вот, ни я, ни Тони туда не вернулись. И хватит про это!

Кирилл увидел, как у Тони заблестели глаза, и едва не провалился сквозь землю. Мог же и сам догадаться...

Легкий шлепок сзади заставил его обернуться. У самых ног торчала из земли длинная тонкая стрела. Оперение на конце еще слегка дрожало.

5. БАШНЯ

Так не могло продолжаться долго. Невысокий земляной вал, за которым они укрылись, не был надежной защитой. Неизвестный противник пристрелялся, и стрелы по крутой траектории стали падать рядом. Дин повернулся к Кириллу и недоуменно прошептал:

– Что же ты, Летчик? Стреляй!

Кирилл нерешительно достал бластер, потом гранату с парал-газом. Они были ниже своих врагов, вот в чем беда... И тут он вспомнил. Довольно неосмотрительно привстав, Кирилл вывернул сумку. Вещи полетели в грязь, но он успел подхватить смятую пористую ткань газовой маски. Натянул ее (фильтр

почти не ощущался на лице), взглянул на Дина с Тони и сказал:

– Значит, так, ребята. Ничего не бойтесь. И не пытайтесь встать – раньше, чем через полчаса, это у вас не получится.

Дин кивнул, ничего не спрашивая, подвинулся к брату, обнял его за плечи. Кирилл размахнулся и изо всех сил метнул вперед гранату. Где-то между ними и вершиной холма, где укрывались враги, вспухло на мгновение желтоватое облако. И все.

Кирилл взглянул на братьев. Дин и Тони лежали в тех же позах, но уткнулись лицами в грязь. Он перевернул их поудобнее, как можно тверже и успокоительно сказал:

– Все в порядке.

Встал и неторопливо пошел вверх. Ноги разъезжались в густой траве, скользили по грязи, и Кирилл даже не смотрел вокруг, пока не дошел до вершины холма.

Их было семеро. Грязные, до невообразимости тощие, с босыми, покрытыми ссохшейся коркой ногами, подобием одежды из похожей на мешковину ткани и полысевших от времени шкур. У всех было множество шрамов, а у самого старшего, выглядевшего почти стариком, по спине тянулась ровненькая, похожая на разрез, рана с безобразно вспухшими краями и желтоватой струйкой гноя, лениво сочащейся по коже. Из раны клоками торчала бурая шерсть – видимо, останавливали кровь, и Кирилл с содроганием понял, что старик уже обречен, уже убит бесполой помощью своих спутников. Маска задержива-

ла запах, но он, несомненно, был. Кирилл ощутил отчаянную, неподвластную разуму жалость. Перевязать, накормить... Чем накормить? Нет ничего...

Он заставил себя опомниться. Не поторопись эти с первым выстрелом, подползи поближе, они бы нашли, чем пообедать. Кирилл поднял грубые, тяжелые луки (их было всего два), с хрустом переломил о колено. То же сделал со стрелами. Суковатые дубины трогать не стал, повернулся и пошел вниз.

Газ уже рассеялся, и ампула стимулятора быстро привела Тони в себя. Пока Кирилл возился с Дином, он успел сбежать вверх и вернуться обратно.

Дин ничего не стал спрашивать. Лишь взглянул на Тони, и тот сказал:

– Дикари. Худые как щепки.

Дин кивнул. Потом посмотрел на Кирилла. И тот понял произнесенный вопрос:

– Нет. Не могу.

– А я могу, что ли? – вдруг закричал Дин. – Лучше бы в перестрелке их убили! Все равно ведь умрут с голоду, но перед этим сожрут друг друга!

Он встал, обтер грязь и, не глядя по сторонам, зашагал вдоль кромки болота. Кирилл не спеша подобрал вещи, взял за руку Тони и пошел следом.

По словам Дина, в средневековье, откуда появлялись дикари, людоедство уже давно было забыто. Лишь в неурожайные годы, в очень далеких деревнях, куда не решались соваться даже самые сильные и свирепые феодалы. Но, оказавшись внезапно в чужом для них времени, невежественные крестьяне быстро скатывались до полуживотного существования.

– Граф Приозерья тоже не решался соваться в дальние деревни? – Кирилл искоса поглядел на Дина.

Тот пожал плечами:

– Да от этого недоумка всего можно ожидать... Ты откуда про него знаешь? От Тони?

– От кого же еще.

– Да, конечно. Тони неправ.

– Сам ты неправ! Я знаю!

– Тони... Просто для тебя все это было недавно, вот ты и...

– Не спорь! Помнишь, как клялся кровью?

Дин замолчал. Потом вздохнул:

– Не дай бог, ты бы сейчас был старшим...

– Я и так старший!

Они замолчали. Кирилл тоже не решался что-нибудь вставить. Но молчание длилось недолго. Дин обернулся назад и выругался:

– Черт! Опять кто-то на нашу голову. Если те дикари – хватит с нас...

Точки на фоне вечеряющего неба были едва заметны. Но приближались они слишком быстро.

– Это не пешие, – хмуро сказал Тони.

Догорающее солнце коснулось преследователей, вспыхнуло на броне.

– Я же говорил – надо было забрать коней, – пробормотал Дин и посмотрел на Кирилла. Что-то слишком тревожным был его взгляд. – Кир, если это тот патруль... Не подпускай их!

– Почему? Ты же говорил, что они не пользуются огнестрельным оружием?

Непонятно откуда налетел порыв холодного ветра, ледком прошелся по коже. Тони потер лоб, сказал:

– По-моему, их пятеро... Глаза болят...

– Летчик! Не подпускай их! Стреляй!

Голос Дина задрожал, и Кирилл торопливо поднял руку с оружием. Прицелился в серый валун перед пятью крошечными фигурками всадников, нажал на спуск...

Ничего.

Он надавил на кнопку еще и еще раз, потом догадался взглянуть на индикатор. Тот не светился ни красным, ни зеленым. Кирилл растерянно вертел бластер. А Дин принял решение мгновенно:

– За мной! В болото они не сунутся!

Он прыгнул влево, прямо в мелкую лужицу, и побежал, раскидывая тучи брызг и почти не проваливаясь. А вот Кирилл сразу ухитрился залезть в грязь по пояс.

Наверное, это действительно было лето – ночной снег так и не выпал. Но здесь, посреди топкой трясины, было нестерпимо холодно. Заснуть они не могли – сидели, прижавшись друг к другу на клочке более или менее сухой земли, изредка разговаривали. Сильнее всех мерз Тони. Во время бегства он провалился в яму с ледяной водой и промок до нитки. Кирилл заставил его выпить несколько таблеток из аптечки и теперь был уверен, что мальчишка не заболит. Но развести костер и высушить одежду они не могли.

Кирилл толкнул Дина в плечо:

– Дин, так что с бластером?

Дин завозился и пробормотал:

– Дезактивировали...

– Что?!

– Ну, патруль... энергию снял...

– Они могут?

– Значит, могут... Я думал, легенды, – выходит, что нет. Удивительно, что мы в разрыве от них не оторвались.

– Думаешь, те самые?

– Уверен.

Тони вдруг серьезно, по-взрослому, спросил:

– А что теперь будем делать?

Дин помолчал. Потом ответил:

– Вот если бы рвануть через все Приозерье... Через болота. Сутки – и мы в столице.

– Давай, рванем.

– Давай... Я не знаю, цел ли тайник.

– А без... этого?

– Без – не выйдет. Здесь-то ничего, а дальше в болотах полно всяких тварей. Не отобьемся. Да и пистолета больше нет.

– Так пойдем, или...

– Ты справишься, Тони?

– Я постараюсь.

– Ладно.

Кирилл не вмешивался в разговор. К чему лишний раз показывать незнание их жизни?

Тони и Дин замолчали. Может быть, все-таки заснули? Постепенно рассвело, в небе засыпали

звезды. Было удивительно тихо – ни крика птицы, ни порыва ветра, ни хотя бы уханья вырывающегося из под воды газа, такого привычного для земных болот... А на фоне серовато-сиреневого неба медленно проступало что-то ровное, высокое, похожее на исполинский палец, указывающий в небо, или старинную ракету, изготовленную к старту, – проступало совсем недалеко, метрах в двухстах.

– Дин! – Кирилл осторожно толкнул его. – Смотри!

Дин секунду помолчал. Потом прошептал:

– Когда мы шли вечером, эта штука здесь была?

– Мы шли уже ночью, совсем было темно, – быстро ответил ему Тони.

А рассвет уже вырисовывал очертания огромной, несуразно торчащей среди грязи, каменной башни. Гладкая, выложенная полированным камнем поверхность, узкие, похожие на бойницы окна в самом верху, метрах в двадцати над землей. Диаметр безупречно круглого основания был невелик, метра три от силы, и башня казалась хрупкой, словно ствол молодого деревца. В верхней части, там, где темнели щели окон, башня немного расширялась.

– Пошли, – твердо сказал Дин, вставая.

– Ты видел такие башни?

– Нет, Кир. Похоже, она издалека, из верхних слоев...

– Из будущего?

– Да.

Стены башни блестели, словно облитые маслом, разгорающаяся заря красила их нежно-розовым. Основание башни уходило глубоко в грязь, где-то там

скрывался и вход, но на уровне лица в камне было пробито полукруглое окно, небольшое, но вполне достаточное, чтобы пролезть внутрь. Покрытая толстым слоем ржавчины решетка, когда-то закрывавшая окно, была откинута вбок на широченных, окаменевших от старости петлях...

– Давненько ее забросили, из какого бы времени она ни была, – тихо сказал Дин.

– Я могу пролезть внутрь, – торопливо сказал Тони.

Брат задумчиво посмотрел на него.

– Да, пролезть тут все смогут...

Кирилл заглянул в отверстие... И – словно что-то его подтолкнуло, подтянулся и скользнул внутрь, обдирая руки о шершавый камень. Скользнул с запоздалым страхом – а сколько там, внутри, до пола?

Но там было невысоко. Он оказался на узеньких, покрытых пылью и сором ступеньках винтовой лестницы, крутой, идущей вверх. Сквозь оконце падал жиденький утренний свет.

– Кир, ты обалдел?

Дин встревоженно заглянул в окно, прищурился, ничего не разбирая в темноте, царящей в башне.

– Дин, спокойно.

Лицо Дина чуть расслабилось.

– Ну, герой... Еще Тони мог бы такое... Не мешай! – Это он сказал куда-то вбок. – А от тебя не ожидал. Если бы расшибся?

Кирилл промолчал. Дин просунул в окошко руку:

– Держи.

Машинально он взял тяжелый, почему-то скользкий арбалет.

– Входи, проверь все, раз уж так... Учти – через десять минут мы идем следом.

6. ЧТО ДОЛЖЕН УМЕТЬ КАЖДЫЙ ЛЕТЧИК...

Внизу ступеньки обрывались в липкую грязь – башня была полузатоплена. Кирилл пошел вверх. Бесконечные изгибы лестницы уже через минуту стали бесить. К тому же света было более чем недостаточно – он проникал лишь сверху, сквозь квадратный, кажущийся отсюда совсем маленьким, люк. На ходу Кирилл разбирался с арбалетом. Простенько... Но наводит жуть. Пальнуть, что ли, с верхушки башни, оценить дальнобойность?

Наверное, лишь темнота помешала Кириллу заметить, что сор со ступенек отброшен к краю, словно здесь прошли рядом несколько людей. А тихий разговор он услышал уже остановившись под самым люком, чуть ли не всунув в него голову.

– Посвященные не знают сомнений, говоришь ты, брат мой? – неторопливо, веско произносил мужской голос. – Ты не прав. Чем больше знание, тем тяжелее груз. Вам, простым детям Ордена, ведом покой и отдых, вы знаете, что после ратных трудов останетесь в самом милом для вас городе. А посвященные служат Ордену до самой смерти.

– Но разве... – ему ответил молодой, немного смущенный голос.

– Уже год ты патрульный, брат мой... Пойми, быть начальником патруля – это не благо, а трудный долг. Быть Консультантом Ордена – это труднее в тысячу раз.

– А правда ли, мудрый брат, что есть в Ордене Старшие Консультанты... – Последние слова человек выговорил с трудом, запинаясь, как будто они были для него новыми, непривычными... – И эти Старшие видели самого Командора?

Над головой замершего Кирилла раздался дружный смех. Смеялись не двое, а четверо или пятеро...

– Не надо, братья, – остановил веселье первый голос. – Наш юный брат пришел на смену Давиду всего две недели жизни назад... Я сам Старший Консультант, брат мой.

Что-то бухнулось над головой. Потом в люке мелькнуло восторженно-полубезумное молодое лицо, смотрящее куда-то в сторону. Но мимолетный взгляд вниз парень бросил...

Кирилла втащили в люк почти мгновенно, двое или трое, он даже не сообразил. Он оказался в довольно большой круглой комнате со стенами, испещренными окнами, в которые виднелось далекое, безжизненное болото. На чистом каменном полу были разбросаны темные плащи, сверкающая чешуя металлических доспехов, ножны, шпаги, на отдельном белом куске материи лежали куски хлеба, вареного мяса, какие-то овощи...

А вокруг Кирилла стояли пятеро в свободных, похожих на пижамы, явно подкольчужных одеждах. Он узнал их сразу, даже в таком виде: и светловолового начальника патруля, и самого молодого, который его заметил, – именно в этого патрульного безуспешно стрелял Тони.

– Мир тебе, сын мой. Что привело тебя сюда? – Начальник патруля с любопытством вертел в руках отобранный у Кирилла арбалет. И смотрел на Кирилла равнодушными глазами. Издевается? Или... не узнал? Кирилл, не раздумывая, повинуюсь какому-то древнему, давно забытому, но, похоже, хранящемуся в генах инстинкту, подобострастно улыбнулся и ответил:

– Мы... Мы хотели передохнуть здесь... Мы идем из Столицы.

Начальник патруля одобрительно кивнул. Сказал:

– Похвально. А кто это – мы?

Кирилл оцепенел. Пробормотал:

– Я, мой друг и его маленький брат.

Двое патрульных прижались к забранным решетками окнам, разглядывая топтавшихся внизу братьев. Ну, теперь-то они их узнают... Спина у Кирилла намочла от пота, он чувствовал, как липнет к коже рубашка. Ну, чего они тянут?

Патрульные со скучающими лицами отвернулись от окна. Начальник патруля протянул Кириллу арбалет.

– Возьми свою игрушку, сын мой. И сними рубашку, нехорошо носить такие рисунки... Ты понял?

– П-понял.

Молодой патрульный, отстраненно стоящий у окна, вдруг встрепенулся. Воскликнул:

– Мудрый брат! Там идут еще пятеро! В доспехах, и в поводах ведут коней!

На Кирилла сразу перестали обращать внимание. Начальник шагнул к окну, пробормотал:

– Видимо, патруль брата Кристиана. Но они не успеют до разрыва... Или успеют...

Он вдруг снова заметил Кирилла и дернулся в его сторону:

– Ты еще здесь, сын мой? Пошел вон! Проваливай подальше от башни вместе со своими друзьями, если не хочешь поменять время! И не попадайся мне больше с этой эмблемой!

Он скатился вниз по лестнице, еще не осознав до конца, что свободен, что ушел, вырвался из невыносимой ситуации. Но вот как вырвался, почему его отпустили – понять было невозможно. Дин уже намеревался лезть в окно, когда Кирилл, оттолкнув его, выбрался наружу.

– Назад, назад! Патрульные!..

Они поняли смысл его бессвязных слов. И Дин, и Тони так чесанули от башни, что немного отставший Кирилл уже через секунду был с ног до головы в липкой грязи.

Башня осталась далеко позади, когда Дин остановился, быстро спросил Кирилла:

– Тот самый патруль?

– Да.

– А почему не преследуют?

Безмолвный, словно облитый глазурью нежно-розовый силуэт башни светился на утреннем солнце. Никто не мчался за ними, никто не высовывался из узких окошек на вершине башни. Кирилл охватил нервный смех. Красивая, как игрушка, башня выглядела нелепо на фоне бесконечных серо-бурых равнин. Вся картина напоминала неумелый фотомонтаж или кадр из фантастического фильма. Давя глупый смех, Кирилл сказал:

– Они там что-то говорили про разрыв, вроде бы сейчас будет. И еще увидели сверху другой патруль, пятерых в броне и с конями...

– Другой патруль? – Дин прищурился. Он быстрее ориентировался в таких ситуациях, и это было естественно. – А по-моему, тот патруль, что они увидели, и есть наши преследователи.

– А это кто же?

– Тоже они, но только до встречи на дороге. Не понял? Сейчас будет разрыв, их отбросит в прошлое, там они встретят нас, и завяжется драка!

– Но ведь и нас отбросит вместе с ними!

Дин замер, вслушиваясь во что-то, известное лишь ему. Даже глаза прикрыл... И уверенно сказал:

– Не отбросит. Когда оказываешься внутри разрыва, это чувствуешь минут за десять. Наверное, разрыв совсем маленький, в районе самой башни, и только.

Он оказался прав. Прошло несколько секунд, и Кирилл увидел разрыв времени со стороны.

Башню заволакивало туманом. Воздух словно мутнел, сливаясь вокруг нее в белесый, кажущийся плот-

ным и вещественным, кокон. Овальная, молочно-белая туча скрыла башню, замерла, мелко-мелко пульсируя. Кирилл ожидал вспышки, но, видимо, она происходила лишь внутри облака. Пульсация вдруг прекратилась, и туман стал расплываться, рваться на плывущие по ветру полосы, как самый обыкновенный земной туман. Когда он рассеялся, башни на болоте уже не было...

Зато вдалеке поблескивали пять точек. Дин скривился, явно намереваясь что-то сказать, но, посмотрев на Тони, промолчал. Высказался его братишка:

– Теперь будем драпать по-настоящему.

Драпать по-настоящему означало три часа непрерывной, изматывающей до предела ходьбы по болоту. Кирилл держался разве что на самолюбии да еще на постоянных уговаривающих взглядах Дина. Понять его было нетрудно – он боялся, что Тони короткий отдых только расслабит, считал, что, пока держится мальчишка, надо идти вперед...

И Кирилл шел. Он сосредоточился настолько, что, когда они остановились в чахлой, просматриваемой насквозь рощице – десятка три деревьев на относительно сухом участке, даже не сразу понял – это и есть их цель.

С какой-то торжественностью, а может, и осторожностью одновременно, Дин подошел к виднеющейся среди деревьев яме. Яма была не менее двух метров в глубину и, при здешней сырости, давно уже должна была наполниться водой. Но воды почему-то не было, наоборот, стенки оказались неожиданно сухими и растрескавшимися. А на дне, среди осыпавшегося песка, лежали, тесно прижимаясь друг к

другу, три ярко-голубых прозрачно-опалесцирующих метровых шара. Они напоминали то ли огромные яйца, то ли еще более огромные икринки. Присев на краю, Кирилл дотянулся до верхушки одного из шаров и убедился, что его поверхность мягкая, пористая и... теплая. Не просто теплая, а едва заметно дрожащая под рукой. Живая.

Дин посмотрел на Кирилла торжествующе и сказал:

– Видишь. все целы! Теперь нам и патруль не страшен. Вот только если Тони не подкачает...

– Я? – Тони сердито взглянул на брата, прыгнул вниз, навалившись на один из шаров. Тот качнулся.

– Осторожно! – Дин не на шутку испугался.

– Ничего! – Тони сел перед шаром, прижал к нему ладони, закрыл глаза. Он сидел так минуту, другую. Ничего не происходило. Но Дин вдруг расслабился, облегченно улыбнулся, ткнул Кирилла в плечо:

– Погляди на его руки!

Пальцы Тони погрузились в шар. Нет, не погрузились – вросли. Между пальцами и шаром тянулась какая-то мягкая тестообразная масса телесного цвета.

– Теперь выходи, Тони!

Прошло несколько секунд – и перемычки с шлепающим звуком влипли в шар. Тони встал – мгновенно побледневший, но с гордой улыбкой победителя. Дин помог ему выбраться, прижал к себе...

– Дин, Кир, надо быстрее! Я как бы принял его, – Тони кивнул на шар, – почувствовал опасность. – Подумав, добавил: – Со стороны берега, откуда шли. И близко.

– Полчаса у нас есть?

– Есть... наверное.

– Тогда успеем. Значит, так – слишком сложного тела нам не надо. Здесь наверняка есть геном болотного волка, но мы возьмем выборочно – акцент на мускулы, броню, зубы... Если почувствуете, что можете вылепить еще пару-другую лап, действуйте. А нет, так и не старайтесь, все равно пробьемся. Желудок, кишки – всю эту дребедень не делать. Нам дороги часов на пять-шесть...

Кирилл почувствовал, как у него закружилась голова. Все было ясно, самоубийственно ясно. На дне ямы забыто дремали биоформы – сгустки активированной протоплазмы, способной, подчиняясь воле человека, принимать любые обличья. На всей Земле количество этой голубенькой студнеобразной массы, вырабатываемой сложнейшими заводами, составляло несколько тонн. Соответственно, и обращению с биоформами учили сотрудников службы безопасности, спасателей космофлота, разведчиков, уходящих в Дальний Поиск. А Кирилл был всего лишь будущим журналистом, который, на свое несчастье, увлекся межзвездными гонками... Губы высохли, и разлепить их стоило огромного труда:

– Ребята, я не смогу.

На него смотрели две пары недоумевающих глаз.

– Кир, ты же Летчик!

Кажется, это сказал Тони. Кирилл опять покачал головой:

– Ребята, я не умею...

7. БРОСОК

Дин все смотрел на Кирилла... И вдруг вскрикнул:

– Кир! Ты что, технарь? С этим не умеешь?

Кирилл только кивнул. Дин медленно сел на корточки, обхватил голову руками, коротко рассмеялся:

– Дурак... Ой, какой я дурак! Не мог догадаться... Влипли. Точно влипли.

Он бросил на Кирилла растерянный взгляд – не обиженный или злой, а просто растерянный.

– Хоть бы время было... Тони, ты уверен, что надо удирать?

– Уверен! Ты чего разнылся? А? – Тони присел рядом. Странно – сейчас он казался старше. Правда, лишь на мгновение. Дин яростно мотнул головой и упруго вскочил:

– А что делать будем? – Он почти кричал на брата. – Эти твари, в болотах, человека за километр чувят!

– Понесем Кира! Ты же меня нес!

– Тогда выхода не было!

– А сейчас есть?

Дин молча стал раздеваться. Бросил Кириллу свою куртку.

– Надень, прикроет хоть от царапин...

– Не надо, – Кирилл вспомнил про комб. Его хватит как раз на шесть часов... Пока Дин и Тони раздевались, он вытащил туго скатанный черный рулон, сорвал оболочку. Скользящая поблескивающая ткань развернулась, превращаясь в выполненный по его фигуре комбинезон. Кое-где по нему шли выпуклые ленты, кое-где угадывались ребристые пластинки, корот-

кие эластичные тяжи, непонятные вздутия в толще ткани. Кирилл расстегнул застежку-«репейник» на спине, влез в комб. Тот обхватил тело и словно прилип к нему. Глаза прикрыли выпуклые очки, нос – фильтрующая мембрана, ко рту прижалась пластинка резонатора. Где-то под левой лопаткой ледяным холодом впился в тело автоматический иньектор. Комб был готов к работе – защищать человека в те короткие часы, пока не подоспела спасательная служба... Увы, спасатели теперь слишком далеко...

Кирилл взглянул на Дина с Тони и отвернулся. Они уже начали биотрансформацию, и руки их до половины превратились в рыхлую розоватую массу. Зрелище было жутким. Дин успел еще сказать:

– Тони, говорилку не делай... Сложно, не справишься... Лучше бери третий шар – и броню, зубы...

Он замолчал. Раздался чавкающий звук, второй, наступила тишина. Потом еще смачный шлепок... Кирилл снова скосил глаза вниз.

В яме медленно ворочались два коричневаточерных, неровных, с короткой и редкой щетиной по поверхности, шара. Один был намного больше другого. Меньший шар все замедлял и замедлял движение, наконец замер и вдруг раскрылся – на его поверхности стремительно высунулись длинные, тонкие лапы, покрытые рыжеватой шерстью, с короткими острыми когтями. Потом последние остатки оболочки смялись и исчезли.

Перед Кириллом стоял высокий и длинный зверь, чем-то напоминающий волка, если только можно представить себе волка размером с лошадь, у

которого между четырьмя обычными лапами болтались еще две короткие недоразвитые конечности, а острую, вытянутую морду прикрывали гладкие роговые пластины, угадывающиеся и под светлой шерстью. Шерсть была длинной и грубой, жирно поблескивающей...

Зверь чуть присел и выпрыгнул из ямы, оказавшись рядом с Кириллом. В грациозности его было что-то кошачье. Узкие желтоватые глаза насмешливо взглянули на Кирилла, пасть приоткрылась, обнажая длинные тонкие зубы.

– Быстро, Летчик. Нашу одежду не забудь. Быстрее. Лезь на спину. Выкинь бластер. Зачем он?

Голос был лишен всякой интонации, говоря, зверь делал частые паузы, но понять его было нетрудно. Выкидывать бластер Кирилл не захотел. Он залез на спину зверя (впрочем, какой же это зверь, это – Дин!), уселся поудобнее. Средние лапы вдруг поднялись и мягко прижали его к спине. Так вот они зачем...

– Тони! Не возись! Погоня близко, я чувую!

Второй зверь выпрыгнул из ямы. Он был еще больше, с восемью толстыми мощными лапами, у основания рта торчали кривые клыки. По спине, вылезая из шерсти, тянулся неровный костяной гребень. Кирилл от души позавидовал фантазии Тони.

Когда они длинными прыжками вынеслись из роши, далеко позади показался патруль Единения.

Они мчались в облаке водяных брызг, молниеносно изменяя направление. Тела болотных волков были идеально приспособлены к передвижению в этих странных местах, где полосы почти твердой

земли чередовались с вязкой грязью и котлованами, заполненными водой. Здесь важно было не просто хорошо прыгать, важно было и определить, куда прыгать... Болотные волки это умели.

Кирилл лежал на спине биоформа, цепляясь за жесткую и скользкую шерсть. Их бег через болото длился уже второй час, и патруль теперь остался за многие десятки километров. Постепенно перестали попадаться на пути деревья, лишь кое-где стлался низкий темно-зеленый кустарник. Кирилл заметил, что биоформы старательно обходят кустарник стороной. Наверное, он рос на особенно топких местах...

Бегущий впереди огромный зверь, чье тело несло в себе разум Тони, несколько раз оборачивался, всматриваясь в Кирилла и Дина, но не замедлял бега. Иногда, когда почва становилась потверже, он сжимался и тугой пружиной взлетал в воздух, в долгом, словно в невесомости, прыжке, то ли выбирая дорогу, то ли осматриваясь... И все-таки он прозевал...

Серая тень вынырнула из кустов, метнулась к Тони – неясный, размазанный скоростью силуэт. Уклониться было невозможно, да Тони и не пытался. Он слегка подпрыгнул, не прерывая бега, и его лапы обрушились на врага. Удар был так силен, что с лап сорвались тяжелые комья грязи, казалось бы, намертво присохшие к шерсти, а нападавший – крокодилообразное существо с широкими, как ласты, ногами, распластался в грязи. И тут же со всех сторон рванулись приземистые серые твари, быстрое шлепанье по грязи слилось в сплошной гул. Это было засадой, явной, прекрасно подготовленной засадой.

Дин лишь глухо зарычал, увеличивая скорость (сказывались инстинкты настоящего болотного волка?), потом крикнул что-то Кириллу. Но тот уже не слышал его слов. Два биоформа и сжавшийся на одном из них человек закружились в немыслимой карусели. А вокруг них металась двадцатка «крокодилов», покрытых серой бугристой чешуей. Время от времени одно из чудовищ бросалось на них, но неизменно встречало молниеносный удар лапы. Уже несколько «крокодилов» лежали в стороне, полузатоптаные в раскисшую почву...

Может быть, Дин сделал слишком резкий рывок. А может быть, Кирилл не удержался сам. Не успев еще ничего сообразить, он полетел вниз. Словно дожидаясь этого момента, вся стая рванулась на них. Дин издал странный звук и прыгнул к Кириллу. Но еще в воздухе на нем повисли два длинных серых тела. А третий одним рывком достал Кирилла, сбил его на землю и попытался сомкнуть челюсти на его шее. Попытался...

Стекла очков были залиты грязью, и он не видел, что происходит. Но, похоже, за него взялись всерьез – то в одном, то в другом месте комбинезона ткань каменела, уплотнялась под чьими-то зубами. Потом слышался короткий треск электрического заряда, и ткань медленно расслаблялась. Кирилл высвободил руку и попытался стереть грязь со стекол, но в это мгновение сквозь капюшон комба на его голову обрушился такой удар, что он потерял сознание. Не справилась защита...

* * *

Было темно. «Неужели я провалялся до вечера?» – всплыла вялая мысль. Кирилл приподнялся, стащил с лица защитную маску. Под лопаткой слегка кольнуло, к мыслям вернулась ясность, усталость стала исчезать. Кирилл лежал неподвижно, недалеко от входа в крошечную пещерку. Рядом сидел биоформ Дина и быстро зализывал переднюю лапу, поглядывая вокруг бешеными глазами. А у входа в пещеру прыгал огромный восьмипалый зверь. Земля чуть подрагивала от его движений. По правому боку зверя стекала густая бурая кровь, но он, казалось, не замечал этого. Вот зверь высунулся из пещеры, клацнули его челюсти, и кто-то судорожно взвыл. Дин кончил зализывать рану, посмотрел на Кирилла, спросил своим механическим бесцветным голосом:

– Лучше, Летчик?

– Да.

Биоформ повернул голову и так же безучастно сказал:

– Тони, уже можно пройти?

Восьмипалый зверь повернулся к ним и коротко мотнул головой.

Болота кончились так же внезапно, как и начались. Вначале среди бурой грязи зазеленели маленькие лужайки, а потом как-то сразу они слились в сплошной изумрудный ковер. По горизонту тянулась неровная темная полоска леса. А под ногами, впер-

вые за шестичасовой бег, оказалась твердая и настоящая земля.

Дин постоял немного, потряс зачем-то тяжелой звериной головой, сел, по-собачьи, на задние лапы, закрыл глаза. Тони лег рядом. Кирилл сполз со спины биоформа, расстегнул ворот комба, стащил капюшон. Остро, пронзительно пахло мокрой шерстью, нашатырем, чем-то еще. Слишком уж быстро лепили братья своих биоформов, тут было не до тонкостей в регуляции обмена веществ.

Биоформ Дина дрогнул. Раздался жутковатый рвущийся звук, и он осел на землю безжизненной грудой шерсти и кровавых обрывков мускулов. Из этой кучи, пошатываясь, выбирался Дин. Кирилл помог ему дойти до края болота, умыться в какой-то луже, потом одеться. Дин приходил в себя медленно, и стимуляторы из аптечки ему помогали мало. А на Тони, казалось, и не подействовало пребывание в биоформе. Едва закончив ретрансформацию, он забрал у Кирилла флягу с водой, заставил Дина напиться и лечь неподвижно. Тому действительно стало лучше. Потом Тони взглянул на Кирилла, стягивающего с себя комб, и удивленно воскликнул:

– Зачем, Кир? Не снимай! Мало ли что случится!

– Комбинезон теперь не поможет. Он выработался до предела. – На всякий случай Кирилл достал из сумки уцелевшую гранату, засунул ее в карман. Спросил:

– Тони, где можно будет устроить ночлег?

Дин приподнялся, посмотрел на них, неожиданно рассмеялся:

– А ведь выбрались! Выбрались!

– Скоро вечер, Дин.

Тот лишь махнул рукой. К нему снова вернулась уверенность:

– Об этом не беспокойтесь!

Хозяйке было далеко за сорок. Она была выше Кирилла или Дина, а весила, наверное, больше чем они, вместе взятые. Когда она встала из-за стола, в стенном шкафу задребезжала посуда.

– Гром-баба, – тихонько щепнул Кирилл. Дин вначале не понял. Потом рассмеялся:

– Здесь другие не удержатся. Приозерье... Из болот каждый день какая-нибудь тварь лезет...

Это было невыразимо приятно – чувствовать себя сытым, чистым, спокойно сидеть на огромных, жестких деревянных стульях, в просторном, надежном как крепость, бревенчатом доме. Хотелось шутить и улыбаться, хотелось забыть, что ты не на Земле, у одного из любителей старины, а на дурацкой планете, где все времена и эпохи перемешаны в диковинном коктейле, да еще и проткнуты гибкой, как шпага, коктейльной трубочкой – патрулями Единения...

Гром-баба вернулась, неся перед собой здоровенную почерневшую сковороду. Метнула ее на стол, обдав горячей волной вкусного пара. Дин принюхался и с деланной тревогой спросил:

– Это, случайно, не болотный волк? А то я буду чувствовать себя каннибалом!

Хозяйка мягким, напевным голосом, так не вязавшимся с ее внешностью, сказала:

– Нет, это не волк. Это крокодилье филе...

Кирилл отложил вилку. Дин рассмеялся и сказал:

– Кир, имей чувство юмора. Крокодилов никто не ест, они ядовиты...

Хозяйка присела за стол и вполголоса спросила:

– Дин... а как там, в Верхних городах... Ты встречался с...

– Нет, – быстро и жестко сказал Дин. – Он же за линию Круга. Но я слышал, он живет хорошо.

– Это правда?

– Да.

– Спасибо, Дин. Я всегда знала, что ты хороший мальчик...

Дин смутился. Хозяйка быстро вышла из комнаты. Дин посмотрел на Кирилла и пояснил, хотя тот ничего и не спрашивал:

– Ее первый муж. Его забросило вниз, в прошлое. Теперь он дряхлый старик. Возвращаться к ней не хочет, чтобы не портить ей жизнь. Он знал, что попадет в большой разрыв, заранее сказал, чтобы не ждала, а снова выходила замуж... Вот так, Кир...

На столе нагло и уверенно стояла электрическая лампа. Кирилл молча смотрел на нее, на тонкий белый шнур, закрученный вокруг основания, на прозрачную колбу лампочки. Спросил совсем не то, что хотелось спросить:

– Зачем тут лампа?

– Для красоты. Электричества почти нигде нет, даже в Столице, лет на сто вверх и вниз... – рассеянно сказал Дин. Он достал свой арбалет и что-то подкручивал в механизме лезвием ножа.

Дверь открылась, и вошел Тони. С мокрыми после купания волосами, босиком, в одних плавках. Обиженно спросил:

– Не могли подождать?

– Не могли. Тебя из воды не вытащишь. А плавать не умеешь...

– Я умею! – Тони возмущенно повернулся к брату. Тот кончил возиться с арбалетом, отложил его, невозмутимо сказал:

– Ладно, не кричи на весь дом. Умеешь. Герой Приозерья, гроза серых крокодилов...

Тони хмыкнул и стал есть.

– Дин, а где сейчас ее муж? Второй?

– В лесу. Он же королевский лесничий. – Как-то странно усмехнувшись, Дин добавил: – Официально – ярый сторонник Круга...

Звякнули чашки, хрустнули половицы, и в комнату вошла хозяйка. Свалила прямо на стол ворох одежды, положила рядом несколько ножей в потертых кожаных чехлах и длинную плоскую тонкую стальную шпагу.

– Берите, что подойдет.

Кирилл осторожно взял шпагу. Рукоять в серебряной насечке, ажурный эфес... Он согнул клинок, отпустил, тот гневно и сильно взвизгнул, рассекая воздух. В руке оружие казалось невесомым, обманчиво хрупким...

– Шпага-то как у патрульных, – задумчиво сказал Дин. – Как достали, тетя Элеонора?

На лице у Кирилла выплыла невольная улыбка. Свое имя, как и голос, хозяйка дома явно взяла на-

прокат у кого-то другого, у юной улыбчивой девчонки, гибкой и стройной, нежной и мечтательной...

– Достать – это моя забота, – твердо сказала хозяйка. – А обращаться умеете?

– Кир умеет, – быстро сказал Дин. – Он издалека, из верхних слоев будущего. В нашей жизни еще не разобрался.

Кирилл отвел глаза. Вот, оказывается, за кого его принимают... Но поправлять Дина, конечно, не стал.

– А еще Кир летчик! Технарь. Только его самолет разбился, а с биоформами он обращаться не умеет! – Тони выпалил это одним залпом. – И еще он за линию Стрелы!

– Вижу... – Хозяйка неодобрительно посмотрела на Кирилла, решительно сказала: – Рубашку наденешь другую. Не знаю, как в вашем времени, а у нас с ней можно попасть в беду.

Далась им эта рубашка... Но Кирилл не спорил. Он действительно ничего не знал об этом времени...

Времени? Его кольнул страх. Что же получается, он уже внутренне свыкся с мыслью о том, что этот мир – его родной мир, что он лишь немного заплутал во времени... Нельзя принимать эту планету за Землю! Это не Земля, это что-то другое, она лишь усыпляет внешней похожестью. Он не должен поддаваться!

Дорога шла через поле. Зеленоватые незрелые колосья тихо покачивались от ветра. На ходу Кирилл сорвал колосок, растер в руках. Пшеница... В груди тоскливо заныло, он ускорил шаги.

– Кир, ты бывал в Столице?

– Нет.

Тони явно удивился. Огорченно сказал:

– Я думал, все летчики живут в Столице... Кир, знаешь, какой это замечательный город! Он самый красивый в мире! Самый необыкновенный!

– Почему?

– Он никогда не меняется.

Кирилл не сразу его понял, и Дин разъяснил:

– С тех пор, как начались разрывы времени, город запрещено переустраивать, там нет ни одного нового здания. И поэтому он всегда один и тот же. Во все времена. Понимаешь? Даже если целую улицу бросит в прошлое, город остается прежним...

– Понимаю.

Он вдруг действительно понял, что это такое – неизменный город в дрожащем, меняющемся на глазах мире...

– А почему его называют Роза Ветров?

Ответил Тони:

– Потому что это самый большой порт в мире.

И тогда Кирилл понял, почему так солоно и влажно пахнет воздух, несмотря на пыльную проселочную дорогу. Столица стояла на берегу моря, и море было уже рядом.

– Мы дойдем к вечеру, Дин?

Дин улыбнулся:

– Сейчас поднимемся на пригорок и увидишь город.

* * *

И они увидели город. Вернее, его северную стену – серый гранитный откос с встающими над стеной куполами и башнями домов, упорно тянущимися вверх, словно протестующими против этой стены, увидели улицы – и узкие, и широкие, с пестрыми точками людей, едва различимых отсюда... Наверное, Кирилл ожидал увидеть что-то другое, более «средневековое», а не такой красивый, как картинка, город на фоне светло-голубого, видимо, совсем мелкого моря. Хотя нет, море здесь не могло быть мелким, это же «самый большой в мире порт».

– Это построено полтора столетия назад?!

С ошутимым усилием Дин оторвался от замершего на горизонте города:

– Знаешь, в основном его построили еще раньше. Никто и не знает, когда это было...

Кирилл кивнул и внезапно заметил еще одну башню – самую высокую, она вставала в центре Столицы. Странная это была башня – верхушку венчал решетчатый купол, поблескивающий на солнце.

– И эту башню построили в те времена? – Он вытянул вперед руку.

– Да. Это дозорная башня королевского дворца. Правда, у нее красивый купол?

– Это не купол, – Кириллу вдруг вспомнилась электрическая лампа в рубленной из бревен избе. – Это фазированная антенна дальнего космического обнаружения.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. РОЗА ВЕТРОВ

1. ЛЕГЕНДА О ЖЕЛТЫХ КОРАБЛЯХ

Кирилл стоял у окна. На улице шел дождь, начало темнеть. Вдали смутно угадывалась громада королевского дворца, над угловыми башенками лениво мигали красные сигнальные огни. Сквозь щели рамы поддувало холодком, доносился громкий, особенно неприятный на фоне шелеста дождевых капель, стук. Кто-то колотил в дверь рукояткой шпаги, а может быть, и автоматным прикладом... Затем раздался скрип ржавых петель, до Кирилла долетел поток брани, и наступила тишина. В общем-то улица была спокойной, им повезло, что удалось здесь поселиться. В старом полупустом доме, где когда-то жил командир королевской стражи, они заняли два верхних этажа в сторожевой башне. Проще говоря, это были две квадратные комнаты, расположенные одна над другой и соединенные винтовой лестницей. Под ними, на первом этаже башни, давно никто не жил. Там лежали груды самого разного хлама, но зато имелся отдельный выход на улицу, что делало жизнь в башне вполне удобной. Дин и Тони жили в верхней комнате, Кирилл ниже. В комнатах были остатки мебели и целая коллекция красивых, тяжелых – но никуда не годных мечей на стенах.

Вечер был прохладный, как и все вечера в Столице. Кирилл отошел к камину, посидел, грея руки. Потом услышал, как внизу загремел замок, застучали по железной лестнице торопливые шаги.

Тони был в ученической форме. Длинные серые брюки, серая курточка, такого же цвета берет. Даже пуговицы были темно-серого цвета. При взгляде на эту форму Кирилл невольно морщился.

– Привет, Кир! – Тони торопливо снял мокрую куртку и берет, сел рядом с Кириллом. – Дождь сегодня льет – просто ужас! Не помню такого жуткого дождя за сто пятьдесят лет...

– Подожди, долгожитель! – Кирилл привлек его к себе. – Ты где болтался весь день?

– Ой, Летчик, это так получилось... – Тони смотрел огорченно, но ничуть не виновато. – Меня оставили после занятий! До вечера, пока школа не закрылась!

– Ты что натворил?

– Ерунда, Кир... Эмблему спорол.

– Какую?

– Школьную. Черный круг на рукаве.

– Ну и зачем?

– Кир! Это же круг! Администрация не должна поощрять ни одну из линий! Я так им и сказал! А они говорят, что линия круга тут ни при чем, что круг – это символ знаний. Только я все равно такой знак носить не буду!

Кирилл невольно улыбнулся, закрыл глаза. Хорошо было так сидеть перед жарким огнем, слушая беспечную болтовню Тони и ни о чем, совсем ни о чем не думать...

– Летчик, ты почему такой грустный?

Он промолчал. Не объяснять же мальчишке, что он находится здесь уже сорок четыре дня, включая

тот месячный скачок во времени, в который они попали на реке. Не объяснять же, что аварийный сигнал гиперсвязи уже давно должен был прийти к Земле. И если сегодня-завтра к планете не прилетит спасательный корабль, то он не прилетит никогда...

– Ну что с тобой, Кир?

Он лишь крепче прижал к себе Тони. И бодро спросил:

– А где твой младший брат?

Тони досадливо мотнул головой.

– Он днем заходил в школу, сказал, что ночевать не придет. Опять куда-то пошел...

– По делам линии Стрелы?

Плечо Тони ощутимо напряглось. Он буркнул:

– Не знаю...

– Тони, – очень осторожно спросил Кирилл, – ты что, не веришь мне?

Тони отвернулся, глядя куда-то в огонь. Потом твердо сказал:

– Кирилл, я тебе верю. Ты вместе с нами прошел разрыв, значит, ты мне теперь тоже как брат. Но я клялся Желтыми Кораблями, что буду молчать. И Дин клялся.

Кириллу сразу сделалось немного неловко. Братьев вполне можно было понять. Чтобы разбить повисшую в комнате тишину, он нарочито громко спросил:

– А что это еще за Желтые Корабли?

Тони крутанулся у него под рукой и уставился на Кирилла широко раскрытыми глазами. Никогда еще он не смотрел на Кирилла с таким удивлением.

– Летчик! Ну кто же не знает Желтых Кораблей!

– Я, – честно ответил Кирилл. – Расскажи.

Тони смешался.

– Не знаю, как и рассказывать. Это же и так все знают... Ну, в общем...

Он на секунду задумался.

– Бывает так, что приходится делать выбор. Очень трудный выбор, может быть, последний в жизни. Решиться на какой-нибудь поступок... или наоборот, его не делать. Только это должно быть что-то такое, очень важное для многих людей, а не для тебя одного. И вот тогда человек видит Желтые Корабли. Они появляются из ниоткуда и плывут иногда даже в небе. Это большая удача – увидеть Желтые Корабли. Если про человека говорят, что он никогда не увидит Желтых Кораблей, то это... это хуже, чем трус, хуже, чем предатель. Хотя, даже если ты смелый и честный человек, то можешь прожить всю жизнь и умереть сам, не увидев их.

– Умереть сам?

Тони быстро и убежденно кивнул.

– Говорят, что если увидишь корабли, то непременно умрешь. Даже если нет никакой причины. Просто жизнь уже прошла свой главный миг. А зачем после этого жить?

Он замолчал. Кирилл попробовал улыбнуться:

– Красивая легенда, Тони.

Тони странно посмотрел на него. Сказал шепотом:

– Говорят, это не совсем легенда... Кир, а как ты думаешь, я бы мог увидеть Желтые Корабли?

У Кирилла заняло в груди.

– Брось это, Тони!

– Нет, ты скажи!

Кирилл посмотрел ему в глаза и очень серьезно сказал:

– Мог бы, Тони. Только давай лучше обойдемся без кораблей. Какого бы они ни были цвета...

– Иногда не обойдешься, – Тони резко покачал головой. Глаза его возбужденно блестели.

– А ну-ка... – Кирилл потрогал его лоб. Тони попробовал увернуться, но не успел. – Все понятно. И Желтые Корабли, и черный круг на споротой эмблеме. Ты где сидел за свои прегрешения?

Тони отвел взгляд.

– В подвале...

Школа в Столице была прекрасно оборудована попавшим в нее из будущего инвентарем. Вот только учителя там были местные, средневековые, если не по знаниям, то по морали.

– Так. Марш в постель.

Он заставил Тони выпить полимицин, помог раздеться, укрыл одеялом. Щеки у мальчишки покраснелись, а пальцы, наоборот, были холодными.

– Я скоро все лекарства на тебя переведу. Завтра же загляну в твою школу, побеседую с учителями.

– Кир! – Тони приподнялся и заискивающе улыбнулся ему. – Только брату ничего не говори!

Кирилл понял, молча кивнул Тони. Осторожно коснулся пальцами старого шрама на плече мальчишка. Спросил:

– А откуда это? Крокодил в болоте цапнул?

– Что ты? Я же в биоформе был! Раны носителя человеку не передаются...

– Да знаю я. Откуда шрам?

Улегшись поудобнее, Тони неохотно произнес:

– Это собака. Охотничья. Давно уже...

Кирилл внимательно посмотрел на него, пробормотал: «Ну-ну» и поднялся.

– Ты куда-то собирался, Кир?

– Я?

Он заколебался.

– Вообще-то в порт. Но теперь...

– Ты иди, Кир. Я все равно спать буду. Иди.

Кирилл молча потрепал Тони волосы. Он тоже не любил, чтобы кто-то видел, как он болеет.

2. ВРАГ ТВОЕГО ДРУГА...

Кирилл любил море. Если бы он жил на побережье, то наверняка стал бы моряком. Но море было далеко, а Космошкола совсем рядом. Каждый вечер, засыпая, он слышал далекий гул стартующих кораблей, а по стенкам спальни пробегали таинственные и манящие блики света. Незаметно для самого себя Кирилл стал вкладывать в слово «корабль» совсем другой смысл. В космошколу его не приняли, к безмерной радости родителей. Нет, ни у кого не оказалось претензий к его здоровью, да и экзамены он сдал хорошо. Но надо было сдать отлично. И мечта о небе, казалось, исчезла, стала забываться. Пока в университете не открылась новая спортивная секция...

И вот теперь, стоя на мокрой набережной, глядя на замершие невдалеке ажурные силуэты кораблей, Кирилл вспоминал и свою первую мечту. Да и трудно было ее не вспомнить! Перед ним стояли корабли, словно приплывшие из детских снов, сошедшие со страниц увлекательных книжек. Здесь не было неуклюжих стальных судов или неповоротливых рыбацких баркасов. Тяжело свисали с мачт мокрые, свернутые паруса, тоскливо поскрипывали блоки, пьяняще пахло влажным деревом и незнакомыми пряностями. Кирилл медленно прошел вдоль причала, сочувственно поглядывая на мокнувших под дождем вахтенных. Он вдруг вспомнил рассказ про Желтые Корабли. Они наверняка такие, эти странные Корабли. Со звонкими от ветра парусами, стремительными обводами корпуса. Корабли мечты. А может, не мечты, а совести, чести? На Земле такой легенды никогда не было. Кирилл был в этом уверен.

Ему ужасно захотелось подняться на какой-нибудь корабль. Но времени было в обрез, он и так опаздывал. По узкой тропинке, между огромных складов, мимо догнивающих остатков шлюпок, он пересек весь порт. Напротив сумрачного высокого здания – администрации порта, ночью всегда пустующего, Кирилл увидел желтый свет фонаря, выхватывающий из темноты непритязательную вывеску: «Таверна «Пристань». Он толкнул широкую, поджатую пружиной дверь, вошел внутрь.

Его встретила волна теплого, сперттого воздуха, неяркий свет прикрученных керосиновых ламп,

крепкий запах дешевого табака, патефонный хрип заигранной пластинки. По стенам висели спасательные круги с самыми неожиданными названиями, за низкими круглыми столиками сидели люди. Народу было немного – пять-шесть матросов, уже изрядно подгулявших, двое молчаливых подтянутых курсантов в темно-синей форме, похоже, с одного из королевских корветов, и подкрашенная девица, скучающая в углу. Увидев Кирилла, она на мгновение ожилилась, мазнула по нему липким, оценивающим взглядом. И снова отвернулась к окну, утратив к Кириллу всякий интерес.

Среди всех этих примелькавшихся фигур Кирилл с любопытством увидел юношу лет двадцати, в дорогой, из багрового бархата одежде, с тонким, первым лицом, показавшимся Кириллу смутно знакомым. Рядом с ним сидели двое мужчин постарше, застывших в небрежно-напряженных позах, безошибочно выдающих охрану. Но того, ради кого Кирилл пришел сюда, не было.

Он постоял секунду у входа и подошел к стойке. Хозяин – немолодой мужчина с широким, добродушным лицом – взглянул на него, напрягся, вспоминая. Потом приветливо улыбнулся:

– Кир! Хорошо, что заглянул. Пиво?

Кирилл кивнул и вопросительно посмотрел на хозяина. Тот сокрушенно пожал плечами:

– Антонио сегодня не было. Ты не огорчайся, посиди! Когда он будет возвращаться, непременно заглянет в «Пристань».

– Хорошо.

Кирилл выбрал себе столик у стены. Сидел, медленно потягивая пиво, слушал негромкий гомон матросов. То ли задремал, то ли просто отвлекся...

Его заставила вскинуть голову повисшая вдруг в зале мертвая тишина. У входа стояли пятеро. С тяжелыми шпагами у поясов. В стальных доспехах, на которых не было ни дождевики, ни пятнышка грязи. С чуть приоткрытыми забралами шлемов.

– Мир вам, дети мои.

Сердце стучало так часто, что Кириллу казалось: его слышно на всю таверну. Но патрульные неторопливо подошли к стойке. Побледневший хозяин быстро налил им пива, с заискивающей улыбкой взял новенькую серебряную монетку. Аккуратно обходя столики с притихшими моряками, патрульные прошли через зал, сели напротив Кирилла. Сняли шлемы, привычно поставили их на столе.

Кирилл очень внимательно смотрел в залитое дождем окно. «Не может быть. Это другой патруль. Другой». Он повернулся и посмотрел на «примиристов». На груди одного из патрульных угадывалась вмятина. Хорошие все-таки у них латы! Тяжелая арбалетная стрела, выпущенная Тони, не смогла пробить их с пяти шагов.

Кирилл допил пиво и встал. Сделал шаг к выходу.

– Мир тебе, сын мой!

Начальник патруля дружески улыбнулся Кириллу:

– Посиди с нами...

– Я спешу.

Он отступил назад, машинально берясь за эфес шпаги. Запоздало вспомнил, что шпага из тех, какие носят патрульные, и это тоже не в его пользу...

Таверна замерла. Молчаливые испуганные взгляды скрестились на них. Начальник патруля удовлетворенно кивнул и сказал:

– Очень жаль... Куда пойдём, сын мой?

Кирилл ударил первым. Ударил плашмя – он не хотел убивать патрульного, а отразить удар у того не было ни малейших шансов.

Удар пришелся в пустоту. Начальник патруля Единения увернулся от его удара. И тут же ударил сам, целя в грудь. Кирилла спасло чудо. Он только еще поднимал шпагу после своего неудачного замаха. И, сам того не заметив, отбил удар врага...

Он проигрывал в реакции. В технике боя они были почти равны, это Кирилл понял сразу. Да, несколько раз начальник патруля проводил такие приемы, что от Кирилла требовались все его силы. Но и Кирилл едва не поймал врага на «Полет стрижа», проведенный из правой нижней позиции. После этого патрульный сразу стал более осмотрительным. Краем глаза Кирилл поглядывал на остальных. Но те пока не вмешивались, лишь молча смотрели на поединок.

Начальник патруля отступил на шаг, замер, переводя дыхание. Все-таки он был намного старше, чем Кирилл, и уступал ему в выносливости. Кирилл тоже остановился.

– Брось шпагу, сын мой, – почти ласково произнес патрульный. – Мы сохраним тебе жизнь!

Кирилл молча покачал головой.

– Жаль...

Остальные патрульные словно ждали этого момента. Их рывок к Кириллу был почти синхронным. Ударом ноги Кирилл опрокинул стол, сбив одного из врагов, и отпрыгнул в угол.

Кое-что из его арсенала все-таки не было знакомо нападавшим. Он мог минуту продержаться даже против пятерых, применяя веерную защиту. Минуту, но не больше...

Блеск его шпаги слился в спящий стальной круг, и патрульные замерли. Но в следующее мгновение один из них просто шагнул вперед, под удар.

С глухим стуком шпага отскочила от металла доспехов. Кирилл размахнулся снова, но было уже поздно: тяжелый удар сбросил его на пол. Он лежал, уткнувшись головой в стену, а начальник патруля шагнул к нему и со спокойным бесстрастным лицом отвел руку для удара. На тонко граненом острие шпаги дрожал желтоватый отсвет. Было как-то нереально тихо, и он успел заметить и оцепенелые, сжатые лица моряков, и четкий полукруг патрульных...

Лицо патрульного, стоявшего крайним справа, вдруг исказилось. В нем мелькнуло жалобное недоумение, он подался вперед и стал заваливаться набок. Начальник патруля обернулся. И Кирилл поймал этот миг. Он вскочил и ударил врага. Шпага скользнула по пластинкам брони и вошла в плечо в промежутке между ними.

Но Кирилл уже не смотрел на противника. Он увидел своего спасителя. За спинами патрульных,

сжимая обеими руками короткий, широкий меч, стоял тот самый парень, который показался Кириллу чем-то знакомым. Взгляд его темных прищуренных глаз быстро обегал патрульных.

Кирилл перепрыгнул через убитого и встал рядом с юношей. Теперь их было двое – против трех «примиристов» и их раненного начальника, замершего у стены. Один из патрульных прыгнул вперед, стараясь достать Кирилла шпагой, – клацнули щитки доспехов, мотнулись назад длинные волосы. Но стоящий рядом с Кириллом незнакомец умелым, сильным движением рубанул по эфесу шпаги. Клинок со звоном отлетел в угол, а сам патрульный растянулся на полу.

Несколько секунд юноша выжидал, продолжая крепко сжимать свой меч. А потом расслабился, спокойно опустил его в ножны, и, поворачиваясь к врагам спиной, бросил Кириллу:

– Пошли!

В полной растерянности Кирилл шагнул за ним. И увидел, наконец, что двое спутников юноши стоят напротив патрульных, держа их под прицелами коротких, тупорылых автоматов.

Начался ветер, и частые, крупные капли дождя теперь неслись почти горизонтально. Они остановились у слабо освещенной аптечной витрины, стали, укрывшись от ветра, за выступом здания. Кирилл посмотрел в лицо юноши. И опять поразился чему-то знакомому в нем.

– Спасибо!

Тот мотнул головой.

– Чушь. Ты здорово дрался, а этих патрульных собак... Как тебя звать?

Он говорил резким, отрывистым тоном человека, привыкшего командовать.

– Кирилл.

– Давно в этом слое?

Кирилл уже свыкся с местным жаргоном.

– Недавно.

– Сверху?

– Да.

– Я тоже недавно, только снизу... Ничего, привыкнуть можно... Где ты живешь?

– В Северном квартале. Улица Королевской стражи.

– Неподалеку от дворца?

– Да.

– Прекрасно. Пойдешь со мной.

Варварски роскошный камзол юноши намок и растянулся почти до колен, но он словно не замечал этого.

– Куда?

– Во дворец.

Он, видимо, заметил недоуменный и настороженный взгляд Кирилла и коротко рассмеялся:

– Не бойся! Просто ты мне понравился! А этих наглых монахов из Ордена Единения я бил еще сотню лет назад...

– Сотню лет назад? – Кирилл вспомнил, что еще совсем недавно слышал что-то похожее...

– Ну да! Попадись они мне там, я бы их затравил псами. А сейчас нельзя... Союзнички, опора трона... – Юноша сплюнул.

Странная, неосознанная мысль кольнула Кирилла.

– Охотничьими?

– Что?

– Псами? Охотничьими?

– Да...

– Ваша светлость?

Юноша резко вскинул голову.

– Откуда ты меня знаешь?

– Граф... Приозерья?

Он что-то увидел в лице Кирилла и отступил назад. Потом рассмеялся:

– Я начинаю жалеть, что помог тебе!

– Нет, – бесцветным голосом сказал Кирилл. – Вам повезло, что вы спасли меня, Ваша светлость.

Даже в прошитой дождевыми струями темноте Кирилл чувствовал растерянный взгляд графа Приозерья.

3. СТРЕЛА И КРУГ

Рассвет наступал медленно и неохотно. С побледневшего неба сползали последние обрывки туч, темные силуэты домов обретали объем. По мокрому камню мостовой застучали шаги первых прохожих. Дин сидел на подоконнике, поглядывая то вниз, то на Кирилла. Выслушав его, он не задал ни одного

вопроса. Вообще ничего не сказал. Лишь на лбу выступили капельки пота.

– Тебе повезло, Кир!

– Я знаю.

– Нет, ты не знаешь! Патруль Единения не прощает сопротивляющихся. Они могли прирезать тебя на месте, никто бы и не пикнул. Я знаю лишь одного человека, способного ввязаться с ними в драку.

– Граф...

– Да.

– Я думал, он старше.

Дин усмехнулся, презрительно сказал:

– Мальчишка... С двенадцати лет был хозяином Приозерья. Делал что хотел. Попал сюда – а его род у власти в Столице. Король приходится ему внучатым племянником.

– Вот оно что... Постой! Так ты знал, что граф в Розе Ветров?

– Знал. Нам с ним, похоже, не расстаться. Мало того, что попали в будущее в одном разрыве, так еще и в одном городе оказались. Кир, не вздумай говорить Тони, что видел графа. Будет очень скверно.

– Хорошо.

Кирилл помедлил и спросил:

– Дин, а все-таки... Что у вас было с ним?

– С графом?

Дин молчал так долго, что Кирилл уже перестал ждать ответа. Но Дин заговорил:

– Он наш сеньор. А когда-то его отец был сеньором нашего рода...

– Ну?

– Что «ну»? Знаешь про право сеньора?

Он снова посмотрел в окно, и Кирилл был рад этому.

– Знаю.

– В общем... Отец был из будущего, он не выдержал. Однажды, когда нашелся повод... Это очень редко бывает, чтобы у вассала нашелся законный повод вызвать сеньора на дуэль... Бой был честным, это все говорили. Даже брат старого графа, который стал опекуном его сыну, не требовал мести. А вот патрули безвременья...

Он опять замолчал. И на этот раз, похоже, мог не заговорить. Кирилл не выдержал:

– Дин, а при чем тут патрули?

– При чем? Дуэль – это нарушение порядка. Убийство тем более...

– А то, что творил этот... граф?

– То, что он делал, для того времени является вполне естественным. Это сейчас патрули не дали бы ему так безобразничать. Зато теперь разрешены дуэли. Прогресс...

– А что было дальше?

Дин не обиделся на невольную резкость вопроса.

– Дальше... Дальше мы остались с мамой. На нас наказание не распространялось, патрули не преследуют родных. Три года все было в порядке... Почти. Но когда нам с Тони исполнилось восемь, а нынешнему графу было двенадцать, его опекун умер. Он стал править сам.

Кирилл с сомнением покачал головой.

– Так уж и сам... Наверняка его советники...

– Советников он повесил на стенах замка ровно через год. Отметил юбилей смерти дяди... Пойми, Кир, главное было угодить стражникам. А охранники, вся солдатня была от него без ума. Он был очень развит, по-детски смел... И по-детски жесток. Только эта детскость у него прошла быстро. Тогда он вспомнил, как погиб его отец, и пообещал истребить наш род.

Дин говорил так спокойно, словно речь шла совсем не о нем.

– Мы скрывались по всему Приозерью. А потом разрыв. Граф попал в него вместе с нами, вынырнул через четыре года после меня. Мы с ним теперь ровесники.

– Он знает, что вы здесь?

– Нет! – Дин резко мотнул головой. Помолчав, добавил: – Вот и вся история про графа Приозерья.

– Но почему он мне помог?

Пожав плечами Дин произнес:

– От скуки. От привычки делать, что вздумается.

– От скуки – убивать своих союзников?!

– Ерунда! – Дин досадливо поморщился. – Патрули сами по себе. Они не за короля и не за знать, не за Стрелу и не за Круг.

Кирилл не стал спорить. А Дин помолчал и спросил:

– У Тони был жар?

Кирилл кивнул.

– Однажды Тони переплыл речку, чтобы уйти от людей графа. Дело было зимой, шел снег. Тони тогда не было и десяти лет. С тех пор он часто болеет.

Очень старательным голосом Кирилл произнес:

– На. Месте. Тони. Я бы его. Тоже. Ненавидел. А...

– Кир!

В лице Дина была такая тоска, что Кир замолчал.

– Тони еще маленький, для него отец тот, кто нас воспитывал. Но ты-то уже мог понять...

Кирилл остолбенел.

– Так он...

– Наш брат. По отцу...

Было совсем светло. Из-за домов всплывал желтый разлохмаченный диск солнца. Дин резко спрыгнул на пол. Подошел к Кириллу. И тот, наконец, понял, на кого похож граф Приозерья.

Те, кто составлял набор лекарств в аптечке, знали свое дело. Наутро у Тони не было ни малейших следов лихорадки. Взбудораженный рассказом о ночном приключении Кирилла, мальчишка говорил без умолку.

– Кир, а как ты отбилась от патрульных?

Кирилл отвел глаза. Рассказывать о том, что его выручил граф, он не мог. Дин пришел ему на помощь:

– Кир владеет шпагой лучше любого патрульного. А ты лентяй и не хочешь у него учиться!

– Я учусь! Летчик меня каждый день учит!

Тони искренне возмутился, и вопрос о чудесном спасении Кирилла был забыт. Зато нашелся новый вопрос:

– А зачем ты ходил ночью в порт?

Кирилл смутился:

– Я искал одного человека. Моряка по имени Антонио. Он плавал на «Одинокой звезде».

– Это на той ржавой коробке, что затоплена в устье Оранжевой? – оживился Дин.

– Да. Я хотел расспросить его о будущем.

– Зачем? Ты же сам оттуда.

Кирилл пробормотал что-то себе под нос. Слишком долго он поддерживал это заблуждение, чтобы теперь сказать правду. А тут еще спохватился Тони:

– А может, этот Антонио – сторонник Круга?

– Ну и что? – не подумав, буркнул Кирилл.

– Ничего бы он тогда тебе не рассказал. Еще сообщил бы в полицию!

Это было верно. Все различие между двумя «линиями» состояло в том, что линия Круга призывала к полной автономии каждого времени. Если уж тебя занесло в чужой слой, так и сиди там и не вспоминай о родном времени. И, разумеется, не ходи по средневековью с плазменным оружием... Линия Круга представлялась Кириллу непоследовательной и просто нереальной. Ведь даже король, самый ярый сторонник этой линии, вооружал своих солдат автоматами и пользовался электричеством. Впрочем, и реальность линии Стрелы, требующей объединения всех слоев, изучения и обуздания разрывов, вызывала у Кирилла сомнения.

Дин снял со стены свой арбалет, закинул его за спину.

– Опять ночевать не будешь? – сердито спросил Тони.

– Буду. Но вы меня не ждите. Я приду поздно.

Уже спустившись на этаж ниже, Дин крикнул:

– Тони, не вздумай сегодня идти в школу! Да и Киру лучше отсидеться!

– Хорошо.

Кирилл и не собирался куда-то уходить...

4. ВОССТАНИЕ

Тони не было второй час. Он пошел купить хлеба в лавке на соседней улице. И не возвращался. Кирилл то спускался к двери, то стоял у окна, чувствуя, как нарастает тревога.

«Там могла оказаться очередь. Или нигде нет хлеба... Чушь». Он пристегнул шпагу, порывлся в сумке, на дне которой притаился цилиндрик гранаты. Зачем-то покрутил разряженный бластер. «Мальчишка. У него уже полно новых друзей. Мог встретить кого-нибудь...» Кирилл раскрыл окно и уселся на подоконник, как утром Дин. «Вот пробьет семь на дворцовой башне, и пойду...» Он вдруг поймал себя на том, что как замороженный смотрит на пустынную улицу. Район, конечно, тихий. Но не до такой же степени!

И словно в ответ на его мысли где-то совсем рядом застучал, заходясь в торопливом лае, автомат. Лишь королевская полиция имела право на оружие много времени!..

Он скатился по лестнице, вылетел на улицу. Предостерегающе скрипнула незапертая дверь. Но Кирилл уже бежал по направлению к выстрелам.

Выскочил на узкую и кривую улочку. И замер перед распластанным на мостовой человеком.

Это был мужчина лет тридцати, хорошо одетый, в фабричном темно-сером костюме. Он лежал, уткнувшись лицом в булыжник, раскинув руки, в одной из которых была зажата полуметровая деревянная дубинка. Пиджак на спине был порван и уже почернел от крови. Несколько секунд Кирилл смотрел на убитого, абсолютно бесстрастно пытаясь определить какую-то неправильность в его позе. Наконец, понял – мужчина держал оружие в левой руке. Видимо, левша... И тут Кирилла пробрало. Руки начали мелко трястись, а на лицо все лезла и лезла кошунственная, болезненная, как ожог, улыбка. Он с трудом заставил себя опуститься перед убитым, осторожно, словно это еще имело какое-то значение, перевернуть его на спину. Лицо было мертвое, незнакомое... И вдруг сердце застучало гулко и часто. На лацкане серого пиджака был приколот крупный значок из золотистого металла – летящая стрела.

Кирилл медленно обернулся. Пошарил взглядом по окнам домншек. В одной из скособоченных развалюх дрогнули под мутными зеленоватыми стеклами шторы...

Он дернул рамы так, что хрустнули петли. Рывком вытащил наружу щуплого старичка.

– За что, добрый юноша?! – прохрипел тот.

Испуганный взгляд. Одежда из домотканой шерсти. Робкие движения рукой в попытке отстраниться.

Кирилл отпустил старика, сел прямо на землю. Старик бухнулся рядом.

– Простите...

Старик совсем обалдел. Часто-часто заморгал, спросил:

– Я могу уйти, господин?

Коренной житель этого времени. Уж к нему-то ни патрули, ни полиция претензий не имеют, это точно. Его не коснулись случайно заброшенные в это время фабрики и вольнодумные идеи приверженцев Стрелы.

– Иди... Нет, стой!

Старик послушно замер.

– Что тут было?

– Господин полицейский застрелил этого господина.

– За что?

– Говорят, в городе неспокойно. Бунтуют...

– Давно?

– С обеда, как полдень пробило. Студенты, мастеровые...

Он чуть ли не ползал перед Кириллом. Никогда еще Кирилл не думал, что в этом гигантском временном коктейле должны были уцелеть, словно осколки льда, и такие вот люди, полностью соответствующие своему веку.

На портовой улице он увидел толпу, громящую чей-то дом, и инстинктивно обошел ее – на груди у людей чернели матерчатые круги. Перед Соборной площадью его остановили двое полицейских и велели проваливать. Кирилл подчинился, тем более, что площадь была пуста.

Странно, как беззвучно может произойти побоище в мире, где властвует холодное оружие. То здесь, то там он натыкался на убитых. Драки шли не с обеда, они шли с самого утра. Они шли еще до того, как Дин ушел по своим делам!

У хозяина ювелирной мастерской, прикрывающего окна огромными деревянными щитами, он наконец-то узнал подробности. Беспорядки начались рано утром, после того, как полиция попыталась арестовать одного из ярких сторонников Стрелы, университетского профессора истории. Беспорядочная потасовка неожиданно перешла в перестрелку – у студентов оказалось огнестрельное оружие. Еще через пару часов стычки шли по всему городу.

То, что готовится переворот, Кирилл чувствовал. Случайные реплики Дина и Тони позволяли об этом догадываться. Но выступление произошло явно преждевременно.

Кирилл быстро шел по замершим безлюдным улицам. Жители попрятались... Вот что обрекало мятеж на поражение. В любой революции, в любой междоусобице есть колеблющиеся и равнодушные. Это неизбежно. Но только сейчас Кирилл понял, что равнодушные составляют большинство. Им наплевать как на линию Круга, так и на линию Стрелы. И, пожалуй, на линию Стрелы в большей степени. Да, здесь бывали временные разрывы, бросающие людей на сотни лет вперед и назад. Но, как правило, разрывы ограничивались днями и даже часами. К ним

привыкли, к ним относились как к неизбежному, но терпимому злу.

Линия Стрелы... Использовать информацию из прошлого и будущего. Причем не только техническую. Можно узнать, где и когда произойдет очередной временной сдвиг.

У Кирилла от напряжения застучало в висках. Патрули безвременья имели такую информацию! Недаром они странствовали по всем временам! Недаром тогда, в странной башне на болотах, знали заранее о предстоящем разрыве времени! Впрочем, своей целью они ставят поддержание порядка, соответствия поведения людей и времени, в котором те оказались. Это уже типичная тактика Круга.

Что-то не вязалось в схеме. Линия Круга – это интересы феодальных, монархических и прочих властей планеты. Линия Стрелы – это интересы «разрывников»... Ну, и наиболее образованной, заинтересованной в прогрессе части местного населения. А патрули? За или против кого они борются?

У них цели Круга, но методы Стрелы. Граф назвал их союзниками. Дин уверен, что патрули не будут вмешиваться в борьбу за власть. Кто прав?

Задумавшись, он налетел прямо на полицейских. Двое рослых мужчин, в более или менее современной форме, но со шпагами в руках, выглядели идиотски. Впрочем, Кирилл понимал, что и его вид не лучше.

Один из полицейских поднял шпагу и вопросительно кивнул:

– Стрела?

Кирилл вдруг прорвало:

– Стрела!

Нет, местным блюстителям порядка было далеко до патрулей Единения... Они махали шпагами, словно дубинками, и в результате через минуту оказались безоружными. Кирилл загнал их в узкий тупик между домами, заставил поднять руки над головой. Угрожающе сказал:

– Теперь будем говорить!

Полицейские не возражали.

– Что с мятежом? Подавлен?

– Нет, – выдавил из себя полицейский.

Они занимались чем-то вроде прочесывания Столицы в относительно тихих, не затронутых стычками кварталах: Северном и Восточном. Рассказать полицейские могли немного, но и это немногое загло в сердце Кирилла надежду.

С первых же минут мятежа король поспешил укрыться во дворце, полагаясь на многочисленную охрану. А полицию бросили на разгон восставших, словно это было в ее силах... Единственное, что смогли сделать полицейские – это блокировать всех восставших в районе университета. Университет окружили еще в полдень, и с тех пор длилось шаткое равновесие. Моряки военных кораблей, стоящих в порту, на которых всегда рассчитывала полиция, неожиданно заняли выжидательную позицию.

Больше они ничего не знали. Сказали лишь, что еще час назад от университета доносились выстрелы, а теперь там тихо. Но, может быть, просто кончились патроны...

Кирилл слушал их, не перебивая. Потом кивнул:

– Так. А сейчас снимайте свои ремни, вяжите друг друга.

5. ПРАВО ЛЕТАТЬ

Университет был целой улицей соединенных переходами зданий. Здесь обучали и медицине и технике, в той мере, в какой это позволялось, конечно. Построенные в самых разных стилях – и низкие, приземистые, похожие на казармы, и пышные, с башенками и колоннами, дома были облицованы темно-розовой мраморной плиткой, и это делало их похожими друг на друга.

Кирилл подходил к университету осторожно, прячась за углами, подолгу осматривая дорогу. Но все было спокойно. Слепо глядели задвинутые ставнями окна в домах, далеко-далеко дышало море, словно удивленное неожиданной тишиной. Даже на баррикаде, перегородившей улицу между двумя роскошными особняками, не было признаков жизни. Лишь несколько полицейских, густо утыканных стрелами, лежали перед ней. Стараясь не глядеть на убитых, Кирилл перелез через баррикаду, довольно остроумно сооруженную из пустых винных бочек, трех-четырех бревен и содранных с ближайших лавок вывесок. Баррикада была пуста. Кирилл сделал несколько шагов и вышел из переулка на самую Университетскую улицу...

Вот теперь тишина вокруг стала понятной. Сплошным ковром брусчатку устлали убитые. Синие мундиры полиции, серая ткань студенческой формы, пестрые пятна плащей... Кирилл перевернул одного, другого... пощупал пульс... Мертвы... Все.

Все!

Перебили друг друга?

Кирилл представил себе, как на покрытой трупами улице закалывают друг друга последний полицейский и последний мятежник. Его затрясло от исторического хохота.

Все!

Специально рассчитали!

Он сжал зубы, приходя в себя. Ладно, вот лежит заколотый полицейский. Вот худощавый парень с разmozженной о камни головой. А этот юноша? У него же ни царапины! А эти полицейские?

Из-под одного из убитых выглядывал однозарядный пистолет с длинным чеканным стволом абсолютно средневекового типа. Кирилл потянулся за ним. Потом заметил валяющийся рядом автомат. Поднял его, проверил обойму. Патроны еще были...

И, сам не понимая своих действий, вскинул дуло вверх. Глухо щелкнул о капсюль боек. Осечка? Он передернул затвор – в воздухе крутанулся длинный желтый патрон. Попытался выстрелить еще раз. Отбросил бесполезное оружие.

В каком-то тупом оцепенении Кирилл побрел вдоль улицы, старательно обходя убитых. Простые, бездумные движения приносили облегчение, хотелось так и идти, пока не остановят или пока не кон-

чатся все силы... Но он остановился, когда с тротуара на него глянуло мертвое, полуприкрытое полой бархатного плаща лицо.

Граф Приозерья.

Кирилл долго смотрел на три короткие толстые стрелы, треугольником торчащие из груди юноши. Сглотнул, пробормотал:

– Тони...

У него не осталось сил ни удивляться, ни плакать. И тут он поднял взгляд и словно наткнулся на лежащего рядом парнишку в серой форме... Остались, оказывается, силы. Кирилл одним рывком подлетел к мальчишке, перевернул его.

Это был не Тони. Совсем другое лицо, побледневшее, с широко раскрытыми глазами... Опять никаких ран.

Кирилл поднялся, обвел взглядом те десятки, сотни убитых, что лежали вокруг. Тони все равно здесь. Потому что Дин должен быть именно тут. А Дин всегда дрался до конца.

Сколько ему нужно времени, чтобы осмотреть всех? Час? Два? А через сколько минут он сойдет с ума от ужаса, осознает, что все эти люди действительно мертвы? Он же не разведчик, не специалист по древней истории, не навидавшийся всякого прогрессор. Он не выдержит здесь один, в этом чудовищном, нереальном мире, в этой карикатурной копии Земли...

– Я знал, что ты придешь сюда.

Кирилл медленно повернулся на голос. Спросил:

– А почему же вы не добавляете «сын мой»?

Забрало шлема было опущено, но правая рука, повисшая на перевязи, выдавала начальника патруля с головой.

– Это формальности. Надоело.

В левой руке патрульный держал что-то вроде пистолета с конусовидным расширением на конце. Кирилл посмотрел на этот пистолет, потом спросил, почти утверждающе:

– Это вы их убили?

– Да.

Он говорил совершенно спокойно.

– И ты сейчас умрешь. Три раза тебе удавалось уйти от нас. Все. Хватит.

Рука Кирилла нашарила в кармане ребристый баллончик гранаты. Интересно, сможет ли он задержать дыхание на три минуты, пока улетучится газ?

– Почему вы так ненавидите меня? За что? Вы же не фанатик Круга, не невежественный дикарь?..

– Ты сам дикарь! – Голос патрульного вдруг взвился. – Чуть умнее других, но тоже дикарь!

Кирилл сдернул предохранитель и почувствовал, как шелестит, обтекая плотно сжатые пальцы, парал-газ.

– Из какого бы слоя ты ни пришел сюда, все равно тебе не дано понять! Время уже тысячу раз могло захлестнуться петлей, мир стоит на краю, а нас все меньше и меньше, даже некоторые начальники патрулей выбраны из непосвященных! – Патрульный говорил взахлеб, не стремясь что-то объяснить, а просто выговариваясь. – Ну, скажи, из какого ты времени? Из последнего века разрывов? А что за

ним? Пустота? Или повтор, бесконечный круг? Ты не знаешь, а из-за таких, как ты...

Его лицо вдруг исказилось, заостенело с широко открытым ртом. Он пошатнулся. Но и в падении пальцы патрульного сжались на спусковой кнопке.

Кирилл почувствовал ветер. Именно ветер, ледяной, холодный удар куда-то вбок. Он успел еще сообразить, что патрульный стрелял не целясь, что основной заряд прошел мимо. А потом с размаху сел на колени. Ноги не хотели его держать.

Он посидел так с минуту, собираясь с силами, потом вдруг потемнело в глазах, в груди возникла жгучая боль, и Кирилл понял, что до сих пор сдерживает дыхание, дуря уже не столько от выстрела, сколько от удушья... Отчаянно, со всхлипом втянул в себя воздух, инстинктивно ожидая, что мышцы мгновенно откажутся повиноваться. Но, видимо, он выдержал время, газ уже рассеялся. Воздух с клеточкой входил в легкие, стало чуть легче. Вот только левая половина тела окаменела... Он с трудом поднялся, медленно переставляя негнущиеся ноги, подошел к патрульному. Взял его оружие. Постоял, вспоминая, что говорил этот человек и вообще, кто он такой. Так и не вспомнив, побрел прочь.

Странно, откуда-то вдруг наплыл туман. Дома подернулись белесой дымкой, звуки стали тише. А потом вернулась слабость...

Слабость охватывала его огромной и мягкой рукой. На мгновение все тело становилось ватным и безвольным. Нет, ноги уже не подкашивались, просто Кирилл вдруг зависал в звенящей легкости, а мир

вокруг замирал, как на фотоснимке. Это не было неприятно, наоборот, Кирилл ждал каждого такого момента с наслаждением, как отдыха. Действительно, слабость приходила вместе с легкостью, и то, что тело становилось ватным, совсем не пугало. А потом это проходило, и он снова шел вперед, по темнеющим улицам, мимо осторожно выглядывающих из окон людей, мимо темных пятен на камнях...

Было утро. По длинной травинке полз муравей. Остановившись и снова продолжал путь. Кирилл долго смотрел на муравья, потом привстал, выглядывая из высокой травы. С удивлением посмотрел на развалины какого-то здания, на осыпавшиеся стены вокруг. Рыжел на солнце выщербленный временем кирпич, темнели упавшие вниз и оплетенные травой глыбы камня.

Кирилл, наконец, вспомнил это место. Старый, давно разрушенный замок на окраине Столицы. Восстанавливать его не полагалось – он был разрушен еще до разрывов... Вот куда он забрел в бреду...

И сразу вернулась память. Вчерашний вечер на Университетской улице, начальник патруля... Дин и Тони...

Он уже пришел в себя. Встал (трава смахнула на него тысячу сверкающих росинок), огляделся.

В метре от него лежали Дин и Тони; Кирилл сел рядом, потрогал Дина за рукав рубашки. Во сне братья были еще больше похожи друг на друга. Тони повернулся и лег на бок, отворачиваясь от пригревшего солнца.

Кирилл поднял лежащую у их ног сумку, достал несколько черствых, высохших кусков хлеба. И сразу в желудке засосало. Отламывая по кусочку, он съел почти весь хлеб. Потом толкнул Дина в плечо, но тот упорно не хотел просыпаться. Кирилл растянулся между братьями, легко и бездумно взглянул вверх. В выкрашенном голубом небе парила черной точкой какая-то птица. Кирилл мимоходом отметил, что за все предыдущие дни он не видел здесь ни одной птицы. Но думать об этом не хотелось. Голубое небо. Просыпающаяся под солнцем трава. Древние развалины. Утро.

Утро. Контрольный срок кончился. Спасатели не прилетели. Он принял эту мысль спокойно, принял одним разумом. Миг, когда ошутит он свое одиночество сердцем, еще не пришел. Может быть, потому что друзья были живы. Или...

Он вытянул из кармана трофейный пистолет, перевернул рукоятку к себе. На ребристом пистолетном боку чернел рельефный четырехзначный номер и буквы: «ЗКТИ». В секундном оцепенении, впрочем, не таком уж и неожиданном, Кирилл смотрел на них, потом сказал вслух:

– Завод Космической Техники города Ижевска.

Выщелкнул обойму – стандартный изотопный аккумулятор, годный и для фонарика, и для лазера.

А в данном случае – для энтропера. С невольным страхом Кирилл повертел в руках оружие, знакомое лишь по телефильмам. Против энтропийного поля, излучаемого этим пистолетом, не существовало защиты. Под его ударом мгновенно разрядились аккумуляторы.

муляторы, распадалась запасенная в крови глюкоза, невидимой пылью рассыпался металл. Энтропер уничтожал энергию, в каком бы виде она ни находилась, рассеивал ее в пространстве – равномерно и бесполезно... Это было именное оружие, со встроенным индикатором личности, способное работать лишь в руках хозяина – высшего офицера Космофлота.

Кирилл переставил аккумулятор в свой бластер. Отошел в угол старого замка. И там, среди замшелых валунов, расплавил энтропер.

Площадка перед ангаром напоминала футбольное поле. Вот только разметка густой зеленой травы была другая – какие-то линии, треугольники... Тень от двухэтажного здания ангара падала на край поля, где дремали несколько человек в синей форме. Дин тронул Кирилла за плечо:

– Гляди!

Птица, все утро парившая в небе над городом, теперь стремительно шла вниз. Больше всего она напоминала орла с двухметровыми крыльями и темно-коричневым оперением. Неожиданно большая для птицы голова венчала толстую лихую шею. Птица опустилась возле дремавших у ангара охранников – те даже не шелохнулись – и мелким, неуверенным шагом вошла в распахнутую железную дверь. Кирилл напряженно всматривался в темный проем, затем спросил:

– А если там только биоформы?

Дин пожал плечами.

– Тогда... как на болотах. Другого выхода нет, по городу еще идут облавы. Мы зайдем внутрь, а Тони придержит полицейских. Их как раз трое.

– Я придержу, только дай свой арбалет! Я с двумя!

– Обойдешься! – Дин взглянул на брата непривычно твердо. – Сейчас не до игры и не до пижонства!

...Их спасло то, что они не смогли пробраться на оцепленную Университетскую улицу. Они кружили вокруг до вечера, потом увидели идущий патруль и поняли, что все проиграно. Но что-то, может быть предчувствие, удерживало их поблизости до той минуты, пока они не увидели Кирилла... Про смерть графа Приозерья они даже не знали.

...Внутри было прохладно и тихо. У стены, в темных дощатых ящиках с сырым песком лежали бугристые шары биоплазмы. Под потолком болтались слепяще-яркие лампы, бросающие вниз узкие, кинжальные пучки света. В центре ангара стоял серебристый, похожий на старинный истребитель, самолет. Кирилл вскочил на крыло, прилип к прозрачному колпаку кабины. Из утыканного циферблатами пульта торчал круглый, похожий на автомобильную баранку, штурвал. Руки противно взмокли, и Кирилл машинально вытер их о стекло. Чужая схема управления. Самолет явно местной модели, откуда-то из будущего... С управлением не справиться... Он тоскливо оглядел ангар. И в самом дальнем углу увидел то, что и хотел, и боялся тут найти.

Два легких вертолета. Десантный вертолет колонистов, модель, которую с полгода как начали выпускать земные заводы. Оба вертолета были исправны, лишь на блестящие клинки лопастей набросили длинные, грубые чехлы, отчего машины приобрели абсолютно нерабочий вид. Кирилл выбрал тот, приборы которого показывали большой запас энергии. Они с Динем налегли на полупрозрачный пузырь кабины и выкатили из ангара. Лопасты задрожали, свисая почти до земли.

У входа стоял Тони, держа под прицелом двух полицейских. Третий со стрелой в животе лежал рядом, кривя рот в беззвучном крике. Лицо у Тони было белым как снег, а голос утратил беззаботность и стал очень спокойным.

– Он пытался достать пистолет.

Кирилл повернулся и молча вскинул бластер. В ангаре ухнуло, в двери выплеснулось оранжевое пламя. Губы у полицейских зашевелились – кажется, они начали молиться.

Дин встал в открытый люк кабины, поглядывая на полицейских. Тони бухнулся в штурманское кресло, по правую руку от Кирилла, и закрыл глаза. Кирилл взглянул на него, но времени сказать что-нибудь ободряющее не было. Пальцы его скользили по разноцветному от клавиш пульту. Питание, контроль стабилизации, контроль винта.

Лопасты дрогнули, распрямились и начали медленно вращаться.

Вход в рабочий режим, поддув амортизаторов...

– Дин, в кресло!

Реверс мотора, ускорители... Автопилот? К черту! Старт!

Еще никогда охрана ангара королевских летчиков не видела такого старта. Вертолет словно присел, придавленный блестящим диском лопастей. А потом в роторе что-то щелкнуло, лопасти ярко блеснули на солнце, и целый ураган обрушился на охранников. Они еще катились по траве, сбитые с ног, отброшенные в сторону, а крошечная точка вертолета уже исчезла в небе...

6. СТАРШИЙ БРАТ

Они летели невысоко. Лишь над Столицей, опасаясь выстрелов вдогонку, Кирилл поднял вертолет на предельную высоту. Сейчас до земли было не больше сотни метров, и от скорости перехватывало дух.

– Ты молодец, Кир! – Дин хлопнул его по плечу и приткнулся к стеклу кабины. – Здорово водишь!

Кирилл заложил крутой вираж, бросив машину почти к верхушкам сосен. Солнце сверкающим болидом мазнуло по небу, оказалось под ногами, потом вернулось на место. В надежной земной машине Кирилл чувствовал себя уверенно.

– Тони!

Мальчишка взглянул на него почти равнодушно. От этого взгляда Кириллу стало нехорошо.

– Тони, на пульте в правом углу должна быть табличка. Прочти, я не дотянусь.

Тони повернул голову, медленно прочел:

– Номер тридцать два. Борт десантного крейсера «Эвридика».

Помолчал и спросил, слава богу, с искоркой интереса:

– Летчик, а что это? Ты понял?

Кирилл молчал. Лишь двинул тангенту скорости до предела. Рев ротора над головой стал почти нестерпимым, и Тони крикнул снова:

– Ты что-нибудь понял, Кир?

Да. Он понял...

Под вертолетом блеснула голубая гладь реки. Той самой? Кирилл повертел головой и увидел вдаль, на горизонте, серый край болота. Да, то самое место. Он почему-то развернул машину, направляя ее вдоль реки. Дин наклонился к нему, крикнул:

– Ты что, оглох? В чем дело?

Вдали дрогнул синий отсвет. Море... Кирилл сбавил скорость, обрывая бессмысленную гонку, в кабине сразу стало тише. Повернулся к Дину:

– Сейчас объясню. Понимаешь...

Он не успел закончить. Сквозь ослабевший гул мотора до него доплыл знакомый звенящий звук. И прежде чем Дин или Тони успели что-то сказать, Кирилл пошел на посадку. Колеса еще не коснулись песка на речной излучине, а отстреленные люки уже шлепнулись вниз. Один в воду, другой на землю.

Они отбежали от машины – время еще было, воздух лишь начал дрожать. Дин, кривясь от боли, посмотрел вверх:

– Черт! Отрицательный разрыв. И с порядочным градиентом... Кир, не вздумай подходить к вертолету!

Сделавший шаг к машине Кирилл замер.

– Почему?

– Потом. Ложимся!

Кирилл оказался между Дином и Тони. Тони повозился и сказал:

– Я перелягу, Кир...

Его локоть, вжавшийся в плечо Кирилла, исчез. Но Кирилл не поднял головы: звон в ушах стал уже нестерпимым...

И вот, наконец, по глазам полоснуло слепящее холодное пламя. Сразу стало тихо. Так тихо, что Кирилл услышал, как падают снежинки.

Он встал, поморгал, привыкая к темноте. Была ночь, и в прозрачном звездном свете струился с неба снег. Таял, едва долетев до земли. Опять зима...

Кирилл подошел к тихо плещущей речной глади, напился. Вернулся к вертолету, который, похоже, стоял здесь уже месяца полтора. Дожди и ветер исхлестали открытую настежь кабину, часть приборов была снята. Именно снята, а не содрана, не вырвана из пульта. Кирилл сел на качнувшийся под ним порожек кабины. И увидел Дина.

Он возник там, где только что был Кирилл. Сразу же поднялся, подошел к вертолету, наощупь пожал Кириллу руку.

– Надо же, Кир... вернулись примерно на месяц назад! Слово и не было разрыва на реке...

– Как ты определяешь время переноса? – не с любой ытством, а так, по инерции, спросил Кирилл.

– По интенсивности вспышки.

– А когда вас бросило на полтора года?

– Тогда я ослеп на несколько дней. – Дин присел рядом. Рассмеялся. – Теперь можно опять в Столицу! Самих себя увидим!

– Не надо в Столицу, Дин. – Кирилл с трудом выдавил эти слова. – Все равно не выйдет.

– Почему? Да что с тобой, брось эти загадки!

Кирилл молчал.

– А где Тони? – Дин вдруг ловко заглянул в кабину. – Не прячься!

Кирилл пожал плечами.

– Появится...

– Как это «появится»? Он же лежал справа от тебя, разрыв шел с той стороны! Вот и вертолет здесь давно стоит... Тони должен был появиться первым!

– Он же перелег! – с проснувшимся страхом сказал Кирилл.

– Куда?!

– К тебе... наверное. Не хотел быть первым, скорее всего!

Дин словно оцепенел. Потом глухо сказал:

– Младшим он быть не хотел, скорее всего... Фонарик есть?

– Сейчас.

Кирилл порывлся в аварийном гнезде на пульте вертолета. И с удивлением нашарил тонкий цилиндр.

Лучик света забежал по мертвому пульту, вздрогнул и замер на листке картона. Большие ровные буквы покрывали его сплошным узором:

«Дин, Кир! Простите! Сейчас я уже жалею... Не мог иначе. Я живу в поселке, в пяти километрах к северу, на берегу моря. Каждое утро прихожу сюда. Ждите. Дин, а все-таки я старше!»

– Это он снял приборы, – бесцветным голосом сказал Дин.

Посмотрел на Кирилла, с жалкой улыбкой пояснил:

– Он к вертолету побежал. Металл усиливает временной скачок. Его бросило на десять лет назад.

И с каким-то всхлипом добавил:

– А может быть, и на сорок.

7. ПОСЛЕДНЯЯ ПРИСТАНЬ

Дин сразу начал собираться. Нашел свой арбалет, спрятанный под вертолетное кресло. Стал деловито подкручивать пружины. Он очень быстро пришел в себя, смирился с неизбежным. Кирилл молча смотрел на него и не сразу почувствовал легкий укол боли, возникший в висках. словно тонкие иглы с двух сторон пронзали мозг... Встретились, и боль исчезла. А вместо нее в сознании родился тонкий печальный звон. Знакомые каждому космонавту позывные телепатической связи.

«Кирилл».

Он забыл даже ответить, остолбенел, шалея от дикой, необузданной радости, пытаюсь понять, отку-

да взялись спасатели. Наконец, до него дошло, что он ведь вернулся в прошлое. Здесь вообще не существует понятия «поздно»... Его нашли... А сигнал все усиливался, в голове словно забухали тяжелые молоты, перед глазами поплыли светящиеся буквы:

«Мы близко. Дайте пеленг. Мы идем к вам. Дайте пеленг, Кирилл».

Он закрыл глаза, сосредоточился. Почти сразу уловил ответ:

«Приняли пеленг. Ждите. Мы близко».

Ничего не подозревавший Дин подошел к Кириллу.

– Идем, Кир. Высыплем этому мальчишке, как следует...

– Дин, я... ногу подвернул.

– Сильно? – в голосе Дина прозвучала тревога.

– Нет, но... Я быстро идти не смогу.

Дин растерянно пожал плечами.

– Кир, я не могу ждать! Пойми!

– Ты иди, Дин. Я вас здесь подожду.

Мерзко это было. Мерзко и подло. Но Кирилл слишком хорошо знал, почему Дина не должно быть рядом с ним. Вовсе не из-за спасателей...

Утро наступило быстро, без какого-либо перехода. Может быть, это был крошечный временной разрыв, но скорее Кирилл просто задремал. А когда поднял голову, увидел встающее из моря солнце. Море было совсем рядом. Спокойная зеленая вода, голубеющая на мелководье, темнеющая вдали от

берега. Из гальки и песка проступали серые бетонные плиты, под ногами попадались ржавые железки непонятной формы. Похоже, здесь когда-то был порт. Или будет? Какая разница... Кирилл не спеша направился к берегу. Сел на выступающую из земли бетонную глыбу – похоже, остаток причала. Плиты вокруг растрескались, проросли бледной, тонкой травой; торчащие из них толстые причальные трубы покрылись осыпающейся от прикосновения коркой. В море, среди ленивых волн, угадывался контур волнореза. Действительно, порт. Стало уже не просто тепло, а даже жарко. Странные здесь зимы...

– Добрый день, сын мой.

Кирилл оглянулся, сказал:

– Садитесь, начальник. Я ждал вас. Кстати – это странно звучит: «начальник патруля». Командир гораздо лучше.

– Не учли.

Доспехи заскрипели, забренчали, когда он сел рядом и стянул свой дурацкий шлем. Кирилл постукал пальцем по латам:

– Пластолит?

– Металлокерамика.

– Ого. Но щели между пластинками брони вы оставили зря.

Начальник патруля подцепил неуклюжей металлической перчаткой пластинку лат, покачал ее, словно шатающийся зуб. Потом скривился, как будто действительно почувствовал боль от шатающегося зуба. Согласно кивнул:

– Щели нас действительно здорово подводят...

И поднял глаза на Кирилла:

– Но кто же ты такой, черт побери?

– Кирилл. Гонщик. Неудачный гонщик... Землянин.

Он достал из кармана бластер, чуть поколебался и бросил его в воду. Начальник патруля проводил оружие зачарованным взглядом, даже вздрогнул от всплеска. Спросил:

– А где энтропер?

– Расплавил. Он был вам нужен?

– Выдали новый... – Начальник патруля вдруг потянулся к Кириллу, схватил его за рубашку: – Чего же ты молчал, мальчишка!

– А вы спросили? Или я должен был исповедаться перед плохо выбритым монахом средневекового ордена? – Кирилл с ожесточением оторвал от себя его руки. – Вы-то кто такой?

Лицо патрульного напряглось, он словно подтянулся:

– Простите. Меня зовут... Впрочем, зовите меня Консультантом. Я старший Консультант.

– Ордена Единения?

– Да. А раньше был вторым пилотом.

– Крейсера «Эвридика»?

Консультант замолчал. Потом спросил:

– Я могу вам что-то рассказать? Или же вы все знаете?

Кирилл через силу улыбнулся.

– Я сам расскажу. А вы будете меня поправлять. Хорошо?

– Говорите.

Волна разбилась у их ног струей мелких брызг, тут же скатившихся с лат патрульного.

– Когда я стартовал... То есть примерно в это время... Крейсер «Эвридика» только строился. Я думаю, он стартует через два-три года.

– Мы стартовали в мае девяносто третьего.

– Значит, через четыре... Я слышал, что командиром крейсера будет Вальтер Ясенски. Его выступление о праве колоний на самоопределение, о диктаторских полномочиях, якобы присвоенных Землей, хорошо известны... Кстати, где он?

– Он Командор Ордена.

– Понятно. На пост начальника колонии, которую должна была основать «Эвридика», неожиданно для всех был назначен Артур Рен, физик.

– Его назначили... Назначат.

– Рен – крупнейший специалист в области физики времени. И друг Вальтера... А он где?

– Он погиб. Вскоре после основания колонии.

– «Эвридика» выбрала для колонизации абсолютно неизученную планету. Для предотвращения временных парадоксов вы, наверное, специально не исследовали ее сегодняшний облик...

– Только состав атмосферы. Мы понимали, что не следует знать свое будущее.

– При полете к планете крейсер, не совсем понятным мне образом, переместился в прошлое. Лет так на пятьсот.

– На тысячу. Рен смог создать инвертор временного поля.

– Машину времени?

– Ну, если вульгарно... – Консультант слегка поморщился, – то можно сказать и так.

– Тысяча лет... С запасом! Если бы вы колонизировали планету в то время, то сейчас она оказалась бы сильнее Земли.

– Это и было нашей целью! – взгляд Старшего Консультанта Ордена Единения стал жестким и колочим. – Вмешиваться в уже случившееся прошлое Земли, как нам этого ни хотелось, мы не могли. Рен неоднократно предупреждал нас об опасности временной петли, способной раз и навсегда погубить всю Вселенную. Думаю, объяснять сущность временной петли не стоит?

– Не надо, – серьезно ответил Кирилл. – Итак, изменить что-то в прошлом вы не могли, решили пойти обходным путем. Создать свою Землю... Да ничего не вышло.

– Вышло! Планета была безжизненной, голой, ничего, кроме водорослей в океанах. Мы посадили на ней леса, выпустили животных и птиц! Птицы, правда, не прижились...

– А вы стали дичать.

Консультант осекся, опустил голову. Теперь он казался почти стариком. Даже проглядывала седина.

– Да, мы стали дичать. Конечно, некоторой деградации мы ожидали, но... Если первый город, который мы построили, Столица, был лишь стилизацией под средневековье, то другие стали такими вынужденно. Машины ломались, для реакторов не хватало топлива. Электроника давала сбои, биоформы, на которые мы возлагали столько надежд, так и не вошли в нашу

жизнь. Разве что дали новые породы животных, приспособленных к условиям планеты, всех этих болотных волков, песчаных черепах... А самое страшное было в другом. – Консультант вскинул голову, взглянул упрямо и твердо. – Мы утрачивали знания. Видимо, нас было слишком мало, и это действовало. Одно сознание того, что на Земле сейчас эра крестовых походов, прогоняло желание строить космические корабли и вести научные исследования. Колонисты становились рыцарями, графами, баронами... Вначале это была игра, шутка. Потом все стало серьезно. Антенны над крышами дворцов становились просто традиционным украшением. На нас, руководителей колонии, смотрели с иронией... и со страхом. Все шло так быстро...

– Сколько вы меня искали? После той встречи, на Университетской улице? – спросил вдруг Кирилл.

– Девять лет. – Седина в волосах Старшего Консультанта светлела подтверждающе.

– Для меня прошел один день... Ну так что же предприняли отважные руководители колонистов, когда увидели, что их многотысячная армия скоро возьмется за копьё? Побежали к своему инвертору?

На лице Консультанта боролись тысячи чувств.

– Да. Мы прыгнули на пятьсот лет вперед. И обнаружили на всей планете феодальный строй, правда, уже с тенденцией к развитию...

– А дальше вы сделали ошибку.

Консультант нахмурился.

– Какую?

– Наверное, решили ускорить развитие своих одичавших потомков.

– Да...

– А своей техники уже почти не осталось. Перенесли еще на тысячу лет вперед...

– На пятьсот!

– Взяли там оружие, машины...

– В основном машины. И сразу же вернулись. Правда, мы уже поняли, что с планетой что-то творится...

Кириллу захотелось ударить по этому недоуменному лицу. Он с трудом заставил себя говорить спокойно:

– Вы благополучно раздали оружие, плуги, лекарства... Что еще?

Он не удержался, голос сорвался на крик, и ошеломленный Консультант посмотрел на него с испугом.

– Развитие ускорилось, но начались разрывы... Так?

– Да! Видимо, это как-то связано с нашими действиями. Разрывы идут в течение пятисот лет, как раз между двумя нашими появлениями. И каждый разрыв времени может погубить весь мир. Стоит человеку попасть в прошлое и там, совершенно случайно, убить собственного предка... Возникает временной парадокс, и время замыкается в кольцо. Вся Вселенная будет вечно повторять свое развитие! И мы, немногие, кто знает правду о происходящем, стали бороться. Основали Орден Единения. Составили схему всех известных разрывов, и научились ими пользоваться. Стали бороться с наиболее явными анахронизмами, расселять людей, не даем развернуться этим линиям... Кругу и Стреле... Ввели зако-

ны, практически не позволяющие контактировать со своими прямыми предками. И мы добились своего! Временная петля не замыкается! Внуки не убивают своих дедов, а правнуки...

– Потому что вы их убиваете!

– Но иначе замкнется временная петля! И жизнь будет вечно повторяться...

Кирилл сделал такое движение, словно стирал с лица грязь. В каком-то смысле так оно и было...

– Скажите, – медленно произнес он. – Вы верите в то, что говорите?

По лицу патрульного пробежала ярость:

– Как ты смеешь...

Кирилл вздохнул и поднялся. Спросил почти ласково:

– Вы думаете, что разрывы – это нарушение временного течения?

– Да...

– Все наоборот. Это исправление временного потока! Это исправление той единственной ошибки, которую вы допустили, привезя в прошлое еще непостроенные машины и оружие!

Он вздохнул и продолжил, уже увидев в лице Консультанта тень понимания:

– Как же вы не поймете... Чтобы двух пацанов, Тони и Дина, не застрелили из автомата, который еще должен придумать их внук, возникает разрыв! Когда человек рискует попасть под автомобиль, который он же еще не придумал, возникает разрыв! Чтобы...

Кирилл замолчал. Его собеседник все понял. Он не кричал, не ругался. Он корчился на земле в исте-

рической судороге, а пальцы его все скребли и скребли песок. Кирилл увидел его лицо, и ему стало жутко.

– Можете назвать это законом самосохранения времени. Время само выправляло вашу ошибку... Но как же вы не поняли?!

Медленно-медленно Консультант Ордена Единения встал с земли.

– Мы слишком стремились к своей цели...

– Но зачем?

– Ты не поймешь... – Консультант опять перешел на «ты». – Основать новую Землю... Ты не знаешь, это такое – чувствовать себя основателем цивилизации. Почти богом... И еще – иметь возможность увидеть эту цивилизацию в расцвете сил и могущества...

– Неужели вы думаете, что в будущем этой планеты вас встретили бы цветами? Вами двигал не научный интерес, не идея лучшего общественного устройства. Просто жажда власти и славы. Отрывая людей от Земли, от родины, вы заранее обрекли их проходить уже пройденный путь. Мучительный путь...

– Ты... ты ошибаешься... – Консультант попытался улыбнуться. – И с разрывами... тоже. Тебе лучше вернуться на Землю.

Кирилл пожал плечами. Безразлично, устало...

– Я жду здесь спасателей, но... Закон самосохранения времени...

– Что?

– Если я вернусь, то сделаю все, чтобы остановить вас, помешать вылету «Эвридики». А ведь она стартовала...

Лицо Старшего Консультанта одеревенело. Кирилл увидел это, но не обратил внимания на то, как шарит по поясу его рука...

– Помешать? Почему?

– Я ненавижу вас, – просто сказал Кирилл. – Именно вас. Для Рена происходящее на планете было экспериментом, для Вальтера – осуществлением его идеи, глупой, демагогичной, но по крайней мере, честной. Для тысяч колонистов временной скачок был лишь дополнением к романтическому покорению безжизненной планеты. Но для вас и для десятка-другого таких, как вы, была и другая цель – власть.

С железным хрустом пальцы Старшего Консультанта сжались в кулаки.

– Не смейте так говорить! Не смейте! Это неправда!

– Правда. Вы не хотите в нее поверить. Вы не хотите, потому что тогда превратитесь из бесстрашного героя, спасителя Вселенной, в того, кто вы и есть на самом деле, – рвущегося к власти убийцу. Вы давно могли понять, что происходит на планете. Но не хотели. И сейчас ненавидите меня за то, что я все-таки заставил понять...

Кирилл отвернулся от Старшего Консультанта. Постоял немного, глядя на бьющиеся о берег волны. По темно-синей воде плыли белые хлопья пены, шипела, расплескиваясь на волнорезах, очередная волна.

«Я ведь могу вернуться, – вдруг подумал он. – Стоит только решить для себя одну вещь – не вмешиваться на Земле в подготовку старта «Эвридики». Не пытаться изменять то, что неизбежно... И неумо-

лимый закон самосохранения времени отпустит... А Служба Безопасности еще не скоро разберется, что тут происходит. Планету объявят запретной зоной, пока на ней не прекратятся временные разрывы. А потом помогут...» Это было так просто... Но почему-то Кирилл не мог этого сделать. Может быть, потому что тогда он не посмеет посмотреть в глаза ни Тони, ни Дину. Ни одному человеку на этой несчастной, измученной планете. Потому что тогда ему «не увидеть Желтых Кораблей», как говорит Тони...

Он сбросил с плеч куртку и пошел вперед. Кириллу неудержимо захотелось войти в воду, почувствовать тугие, теплые удары прибоя, закричать что-то в беспричинной радости, взлетая на гребне волны...

Острая, сверлящая боль вдруг возникла в груди. Дыхание перехватило, и он замер, неловко опустив занесенную в шаг ногу. Почему-то мгновенно ослабело тело, зазвенело в ушах. А сквозь этот звон медленно-медленно донесся сзади запоздалый хлопок. Но это было уже неважно, совсем неважно... Потому что в странно задрожавшем море он увидел Желтые Корабли. Их было три или четыре, они шли круто против ветра, и огромные, цвета темного золота паруса раскинулись над водой. Словно тусклый блеск меди и отсветы старой бронзы смешались в их тонких, стремительных силуэтах. Но вот передний корабль сделал разворот, и Кирилл понял, что он идет прямо к нему. Море вдруг качнулось и стало запрокидываться к небу. И корабли тоже дрогнули, внезапно расплываясь в мутные пятна...

Он лежал, уткнувшись в теплый влажный песок. А Старший Консультант Ордена Единения медленно брел вдоль широкой кромки прибоя, словно не замечая ни опускающейся рядом шлюпки, ни забытого подле Кирилла энтропера.

Люк шлюпки откинулся. Люди в оранжевой форме спасателей прыгнули на песок. Но, опережая их, к Кириллу подбежали двое парней, удивительно похожих друг на друга. Один перевернул Кирилла на спину, приподнял его голову. Тихо и растерянно позвал:

– Летчик! Ну очнись, Летчик!

Но Кирилл лежал неподвижно. Лицо его было мокрым от соленых морских брызг, а глаза широко открыты. Казалось, он всматривается в даль. И Тони невольно проследил его взгляд. Но море было пустынным. Лишь катились белые барашки волн, да где-то далеко впереди садилось солнце, заливая море струями расплавленного золота.

ВОСЬМОЙ ЦВЕТ РАДУГИ

Вот эта повесть, которую мне искренне жаль!

Я писал ее вскоре после «Пристани», и мне хотелось нацупать какой-то новый, очень страшный в ту пору гибридный жанр – «технофэнтези». Слов-то таких еще толком не было, но я хотел, чтобы у меня колдовали маги, творились в замках интриги, а рядом летали космические корабли и «турбокондеры» – если вы хотите знать, как выглядел в моем представлении этот летательный аппарат, то посмотрите на фото американского конвертоплана «Оспри». Реальность догнала фантастику...

По всем задумкам «Восьмой цвет радуги» должен был получиться большой (ну, по моим меркам в то время) повестью – пять-шесть, а может быть и больше авторских листов. То есть, как половина книги, которую вы сейчас держите в руках.

Увы. Меня подвел звонок одного товарища, который в ту пору планировал издавать книжки. Экономика по всей стране уже летела в пропасть, было выгодно торговать «сникерсами» и спиртом «Роял», а не издавать книжки. Но товарищ заявил, что с удовольствием издаст «детскую повесть на два-три авторских листа». С большими красивыми цветными картинками!

На картинках меня и купили. Я тут же стал подгонять повесть под большую «детскость», а также обрезать едва расправивший крылья сюжет. Что при этом произошло с текстом – можете себе представить...

Книжка так и не вышла. Но реанимировать искореженный первоначальный замысел мне уже не хотелось. Я порывался... но снова и снова отказывался от этого шага. Позже «Восьмой цвет радуги» вошел в состав моей первой авторской книжки «Атомный сон», вышедшей в Красноярске. И когда я открыл книжку, то прочитал первую строчку: «Меч сломался».

Честное слово, это была не моя ошибка! Но этот анекдотический ляп наборщика или корректора был последней соломинкой, сломавшей спину верблюда. Верблюд сломался.

Я даже перечитывать эту повесть с тех пор не могу. Стыдно первоначального, не исполненного замысла...

С другой стороны – вот вышла бы из «Восьмого цвета радуги» удачная книжка, и писал бы я с тех пор исключительно о волшебниках, действующих в современном антураже!

Кхм. Что-то я не то говорю...

1. БРАТЯ ПО СМЕРТИ

Меч сломался. Беспомощно озираясь, Родэк отбежал к стене. Противник, здоровенный темнокожий наемник, неторопливо пошел к нему, заноса для удара оружие – нечто среднее между дубиной и мечом: толстую свинцовую трубу, из которой выступали тонкие режущие кромки. На одном из лезвий, в черном пятне крови, присохла прядь длинных светлых волос. Лицо врага не выражало абсолютно никаких

чувств, но глаза неотрывно смотрели на опрометчиво надетый Родэком бриллиантовый медальон.

Быстро взглянув по сторонам, Родэк понял, что обречен. Справа и слева громоздились непроходимыми завалами дымно, неохотно горящие лестницы, сброшенные с крепостной стены. Кое-где на этих рукотворных деревянных холмах серели глыбы камня, обрушенные на головы осаждавших. Время от времени, когда перекладыны лестниц прогорали, камни тяжело падали вниз, и земля под ногами чуть вздрагивала. Родэк взглянул вверх – там, над обрезами стены, плыли растянутые полосами облака, обтекая сторожевые башни, скрывая от глаз их вершины. Между облаками покачивался лохматый, густо-желтый солнечный диск. Ни одного стражника видно не было. А для того, чтобы вскарабкаться по стене вверх, хотя бы до первого ряда амбразур, нужно время и силы. Ни того, ни другого у Родэка не оставалось. Он закрыл глаза. Кончено. Смерть приходит ко всем, но погибнуть в восемнадцать лет, при первом же выходе из Крепости... Как глупо...

Камень за спиной внезапно утратил твердость, стал трухлявым как сгнившее дерево, жидким, как кисель. Родэк почувствовал, как его схватили за плечи, и потащили *внутрь* стены. Наемник с воплем обрушил меч-дубину и, исчезая в теплой мягкости, Родэк еще услышал этот сокрушительный и беспомощный удар о непоколебимую стену Крепости.

Начальник стражи и Желтый Рыцарь стояли на второй обзорной площадке. Выше их была только площадка дозорных, где, спина к спине, замерли чет-

веро дежурных стражей, по одному на каждую сторону света. А еще выше было прозрачное, до голубизны, летнее небо, в котором упруго дрожал снежно-белый флаг Крепости.

– Ты чем-то обеспокоен? – Желтый Рыцарь говорил в своем обычном, язвительно-вопрошающем тоне. Золотые пластины брони лежали на нем тяжелой, тусклой чешуей. Длинный и тонкий меч удивительно подходил к его лицу – острому, вытянутому, привычно желчному. Желтый Рыцарь не был чем-то раздражен. Просто он был Желтым.

– Нет, Рыцарь, – начальник стражи рассеянно оглядывал горизонт. Стены Крепости, почти равные по высоте главной дозорной башне, заключали в себя целый мир: озерцо, посреди которого алел замок Правителя, город с редкими клочками леса, запутавшимися между кварталами, пышно заросший зеленью холм, на котором стояла низкая и широкая башня Рыцарей.

– Нет, Рыцарь, – повторил он. – Я не обеспокоен. Но моему сыну сегодня исполнилось восемнадцать, он первый раз дерется вне Крепости.

– Это опасно, – Рыцарь понимающе кивнул. Но даже эти сочувственные слова вышли у него насмешливыми, *желтыми*.

– Не слишком. Ему не грозит ничего, кроме собственного страха.

На этот раз голос Рыцаря действительно был возмущенным и неприятным:

– Ну, уж это напрасно. Кого ты вырастишь, если с первого выхода...

– Успокойся, он ничего не знает.

Они замолчали. Рыцарь в золотой броне и начальник стражи в темно-багровом бархате давно знали друг друга. Они были одинаково могущественны и одиноки. Но у начальника стражи был сын, а у Рыцаря его не было и не могло быть.

Из круглого люка в полу вынырнула голова одного из стражников:

– Лейтенант Арт к начальнику стражи.

– Пусть поднимется.

Произнося эти слова, начальник стражи невольно скользнул взглядом в сторону Каменной Плещи. С башни Каменная Плесь выглядела ровной белесой площадкой, зажатой между озером и городскими окраинами. На камнях отчетливо выделялись три длинные металлические сигары, исполинские даже с такого расстояния.

По лестнице застучали шаги, и на площадку поднялся офицер стражи, в таком же багровом костюме, как рядовые стражники и начальник, с единственным знаком отличия – серебряным значком на лацкане куртки. Начальник стражи не носил никаких эмблем, его и так знали в лицо.

Быстро почтительно кивнув Желтому Рыцарю, офицер подошел к начальнику стражи.

– Ну?

Лейтенант склонил голову.

– Они согласны продать нам три-четыре «бабочки», с прежним ресурсом и по прежней цене, но...

Начальник стражи взглянул на Каменную Плесь, где дремали стальные сигары, и странно улыбнулся:

– Летучий народ не продаст нам турбокондеры?

- Да.
- Ни за какую цену?
- Ни за какую.
- Я так и думал.

Начальник стражи с любопытством посмотрел в лицо лейтенанта – в меру спокойное, в меру огорченное. Посмотрел на Желтого Рыцаря, перегнувшегося через гранитные перила площадки, что-то рассматривающего внизу. И быстро чиркнул взглядом по пространствам за стенами Крепости, где, скрывая оранжевый песок пустыни, серым ковром стлались до самого горизонта шатры кочевников. Сейчас они казались совсем не страшными, но ночью, когда у каждого шатра зажигали костры, зрелище делалось жутким.

С Каменной Плеши донесся нарастающий гул. Сверкающие сигары медленно поднимались в воздух и низко, без всякого страха, летели и над Крепостью, и над кочевниками. Казалось, что дозорная башня слегка вибрирует в унисон могучему гулу.

– Что ж, – сказал еще раз начальник стражи. – Я так и думал.

Стремительный полет сквозь камень кончился. Родэк сидел в сырой, холодной полутьме. Высоко вверху дрожал тонкий лучик света, совсем рядом часто и звонко разбивались о пол капли. Родэк встал со скользких плиток пола, пошарил вокруг рукой. Пальцы коснулись влажной, заросшей плесенью стены. Подвал одной из малых дозорных башен?

– Эй! – негромко позвал он. – Кто здесь?

Тишина. Звон разлетающейся капли. И – мгновенный проблеск света в стороне. Или показалось?

– Ты кто? – Родэк проглотил застрявший в горле комок. – Ответь! Ты человек? Маг? Сгусток энергии? Ты добрый или злой?

Опять дрожащая, тусклая вспышка, не высветившая ничего вокруг. Теперь уже точно не показалось...

– Где я? Ответь!

Свет мелькнул немного дальше. Родэк вытащил из ножен кинжал, осторожно пошел вперед. Огонек замерцал чаще, он явно звал за собой. Нашаривая путь левой рукой, держа правую с кинжалом наготове для удара, Родэк шел вперед. Путь длился недолго. Он споткнулся о ступеньку, едва не упал, стал подниматься по крутой и узкой лестнице, как-то очень быстро перейдя на четвереньки и вернув кинжал на место. По пальцам тянуло сквознячком. Здесь был проход для воздуха, это уже неплохо...

Очередная ступенька переходила прямо в узенький каменный порог. Родэк оказался перед высокой железной дверью. Он толкнул раз, другой, та не поддавалась. Лишь на пальцах осталась какая-то мокрая каша, с резким запахом ржавчины и гнили. Родэк ощупал дверь – огромные массивные петли, давным-давно не открывавшийся замок... Его охватил страх. Он поводит пальцами вокруг замка, еще рассчитывая на обыкновенное колдовство. Но на двери не лежало заклятие, она была просто закрыта.

– Эй, кто ты! Я же не выберусь! Не уходи!

Прошла секунда, и что-то оглушительное грохнуло. По глазам резанул свет, и дверь стала с гулом

вываливаться наружу. Щурясь от солнечных лучей, Родэк прошел по двери, огляделся. Он стоял с внутренней стороны крепостной стены, за одной из сторожевых башен. Метрах в ста над ним, на узкой площадке, опоясывающей стену на уровне первого ряда амбразур, хрипло перекликались стражники. Ругались наверняка и на двух верхних площадках, и на гребне стены, но оттуда, разумеется, ничего не долетало. Родэк постоял, покусывая губы, прикидывая, сколько же метров сквозь камень он преодолел. Выходило что-то абсолютно невероятное – двадцать метров сквозь основание стены и еще метра два на стену башни, которая внизу прилегала к стене, а выше, по мере того как стена сужалась, отходящей от нее метров на восемь.

Потом Родэка затрясла нервная дрожь. Да, он спасся. На время. Ибо не позже, чем завтра утром, ему придется снова выходить за стену Крепости. На этот раз – не в обычный дозор, в котором Родэк едва не ухитрился погибнуть.

Лейтенант спустился было в люк, но через мгновение вынырнул обратно.

– Подъемник вниз, – ответил он на произнесенный вопрос начальника стражи. – Кто-то поднимается к нам. А... где Желтый Рыцарь?

Начальник стражи рассеянно оглянулся. Пожал плечами.

– Ушел.

– Как?! – лейтенант подбежал к краю площадки, с невольным страхом взглянул вниз, в километровую пропасть.

Даже для многих офицеров стражи возможности Рыцарей оставались в тайне. И этот лейтенант, отвечающий за связь с Летучим Народом, не был исключением. Но начальник стражи не собирался ему что-либо объяснять.

– Арт, с запада идут четыре турбокондера.

Лейтенант вскинул голову, вглядываясь в небо.
Кивнул:

– Да, Дэктор.

Обращение начальника стражи по имени давало лейтенанту право на такую же вольность. И лейтенант не преминул им воспользоваться, хотя его голос и оставался таким же почтительным, как минуту назад.

– Должно быть, даже пять турбокондеров. Соглашение номер триста четыре тысячи семнадцать ноль три. Три турбокондера с полным грузом мяса и два с зерном.

– А наша плата?

– За каждую тушу по заговоренному мечу. За мешок зерна – талисман удачи.

Начальник стражи улыбнулся:

– Хорошее соглашение. Кто готовил?

– Я.

– Молодец. Кстати, о мечех... Они опять требуют четырежды заговоренное оружие?

– Да.

– Ты объяснял, что металл будет нестабильным?

– Конечно, но они...

– Хорошо. Попросят еще раз – давайте им то, что они хотят, хоть с десятикратным заговором. Только цену поднимите.

Лейтенант согласно кивнул. На Каменную Плешь уже опускались четыре турбокондера, вдали показался пятый.

– Сколько человек сейчас сопровождает каждую машину?

– Пять.

– Не ссоритесь?

Арт развел руками – всякое бывает. Но на всякий случай осторожно сказал:

– Они не из драчливых...

Внизу грохнула клеть подъемника. В люк заглянул стражник:

– Курсант Родэк Тор к начальнику стра...

– Впустить.

Кивком отпустив Арта, начальник стражи отошел к краю площадки. Услышал сзади знакомые шаги, обернулся, пытаясь сохранить солидность, оглядел сына. Отрывисто спросил:

– Почему без меча?

– Сломался.

На лице Дэктора появилось что-то вроде удовлетворения.

– Я же предупреждал. Тройной заговор металла допускается лишь теоретически, на деле оружие станет ненадежным... Ладно, не стоит об этом. Ты жив, а опыт к тебе еще придет.

– Отец...

Дэктор вздрогнул.

– Что случилось, Родэк? – он подошел к юноше, опустил руку ему на плечо. – Сломался меч? Ерунда, со всеми такое бывает...

– Наш дозор вступил в бой у северных ворот. Там пытались поставить осадную башню... Мы разогнали грязнорожих, сожгли башню, но тут подошел наемный отряд. Знаешь, эти темнокожие, с южных островов... Они, оказывается, здорово дерутся.

Родэк попробовал неловко улыбнуться. Но Дэктор жестко произнес:

– Дальше!

– Нас прижали к стене. Ну... и чтобы пробиться, пришлось оставлять отряд заграждения.

– И ты, конечно, попросился в него?

– Многие были ранены...

– Понятно. Но ты же спасся?

– Подожди, отец. Нас было четверо: я, Динк из оранжевых, и двое стражников.

– Стражники были из красной полосы?

– Конечно.

– Стражникам бог велел оставаться, да и этот оранжевый Динк... Но ты-то чего полез? Твой цвет зеленый, ты не воин! Ты целитель, ты мог отказаться оставаться в заграждении...

– Отец!

Дэктор замолчал.

– Дело не в этом. Перед схваткой у нас была минута затишья, и мы поклялись в братстве до смерти. Потом был бой. Стражники погибли, а Динка утащили в плен. Я спасся чудом, сам не пойму, как...

– Братство по смерти... – Дэктор быстро подошел к люку, заглянул вниз. Стражники дремали возле клетки подъемника, никто не подслушивал. – И ты

считаешь себя обязанным идти выручать этого Динка? Которого знаешь пару часов?

– Да, – Родэк теперь смотрел так же твердо, как и его отец. – Я сделаю это, пускай мой цвет и зеленый.

2. ЛЕТУЧИЙ НАРОД

Он шел по узким улочкам, мимо полуразрушенных домов – центр города, где стояла главная дозорная башня, давно был заброшен – и пытался сдерживать слезы. В клетке подъемника Родэк, кажется, все-таки заплакал, но набегающий ветер высушил слезы. Мимо дежуривших внизу стражников он прошел со спокойным лицом, как и полагается курсанту Стражи, сыну их командира, только что вернувшемуся из вылазки за стены Крепости. Но сейчас самообладание вновь оставляло его. Никогда, даже в самых фантастических снах, Родэк не мог представить такого разговора, который произошел у него с отцом на второй обзорной площадке...

Но скоро отчаяние и боль стали исчезать, уступая свое место злости. Родэк остановился у какого-то дома, пострадавшего от времени меньше других, посмотрел вверх. На фоне неба плыл коричнево-красный силуэт главной дозорной башни. На отполированных гранитных блоках, из которых была сложена башня, дрожали блики клонящегося к закату солнца. Несколько минут Родэк разглядывал вершину башни, потом шепотом произнес формулу От-

ражения. Теперь он был недоступен для слезки, даже если отец и решится воспользоваться сверхзрением. Простые, заученные действия к тому же помогли собраться с мыслями. В конце концов, какое значение имеет для него ссора с отцом? Запретить ему что-либо отец уже не вправе, даже у его могущества есть границы. В своей правоте Родэк был абсолютно уверен, а с завтрашнего утра его не будут волновать никакие события прошлого.

Он уже собирался идти дальше, когда до сознания дошел какой-то звук. То ли шаги, то ли тихая возня, когда человек пытается не шуметь, и от этого все начинает валиться у него из рук. У Родэка даже мелькнула сумасшедшая мысль, что за ним кто-то следит. Но звук шел из дома, возле которого он стоял.

Это был самый обычный дом, давно заброшенный, но неплохо сохранившийся. В узких высоких окнах остались цветные стекла витражей, толстая дубовая дверь не была сорвана с петель, а лишь тихонько покачивалась от ветра. Над входом выгибалась дуга из оранжевого полупрозрачного камня — когда-то здесь жили правители. Но эти следы недавнего прошлого не могли скрыть ни сор, скопившийся возле порога, ни холодную темноту, проглядывающую сквозь уцелевшие окна.

Все, что случилось с Родэком, и все, что должно было случиться, отошло в сторону. Он подошел к двери, вслушался. Звук повторился. Там, в глубине дома, что-то упало, раздался звон бьющегося стекла. Родэк вытащил кинжал, крепче стиснул ребристую костяную рукоятку. Никто из жителей Крепо-

сти не стал бы входить в заброшенный дом, да еще и хозяйничать там. Значит, в доме – чужой. Мягкими движениями, не касаясь двери, Родэк скользнул в узкую щель. Он оказался в просторной полутемной комнате, из распахнутых шкафов свешивалась забытая одежда. Пол покрывал толстый слой наметаемого сюда годами мусора. И по этому ковру из ломких желтых листьев, дремавших здесь с прошлой или позапрошлой осени, истлевшей ткани и рассыпающихся бумаг, сброшенного со стен оружия и осыпавшихся с потолка фресок шли четкие и явно свежие следы.

Из-за одной из дверей послышался неразборчивый голос. Родэк бесшумно подкрался к двери, выждал секунду и сильным ударом распахнул ее. Едва державшаяся дверь с грохотом упала на пол.

Это была маленькая круглая комната, освещенная потолочным окном, с завешенными темными коврами стенами. Посредине комнаты, на мраморном постаменте, стоял знак Радуги – семь цветных полос из стекла и прозрачного камня. Оранжевая полоса слабо светилась. За постаментом виднелась скорчившаяся фигура в странном серебристом одеянии. Такую цельнокроенную одежду из тончайших металлических нитей носили люди Летучего Народа. Сдерживая ярость, Родэк шагнул вперед. В какой-то мере это было нарушением неписаных законов Крепости – в комнату Уединения запрещалось входить сразу двоим, но Родэка оправдывал поступок чужака. А тот, видя, что спрятаться не удастся, выпрямился и медленно вытянул правую руку к юноше...

Родэка швырнуло на пол. Словно подножку дали... Но он не успел испугаться – из руки чужака вдруг с тихим шелчком вырвалось белое сияние. Воздух над Родэком прошила светящаяся игла, спину обдало жаром. Там, где игла коснулась стены, мрамор с густым звоном покрылся трещинами. Игла чиркнула по стене, на пол осела половина ковра, перерезанного или пережженного ею. Видимо, пережженного: по комнате поплыл запах горелой шерсти.

Игла погасла, и Родэк вскочил, занося кинжал для броска. Ослепленные глаза еще хранили отпечаток темного силуэта с бьющим из руки пламенем...

– Родэк!

Раньше здесь добывали камень для постройки города. Целая гора была срыта до основания, прежде чем поднялись стены и башни Крепости, дома и дворцы, все то, что составляло замкнутый мирок, не нуждающийся почти ни в чем извне...

Почти.

Стоя у окна караулки, Дэктор хмуро смотрел на суетящихся внизу людей. Бывшая каменоломня, а ныне Каменная Плешь, жила своей повседневной жизнью. Рабочие в фиолетовых робах разгружали турбокондеры, направляли нежить, перетаскивающую груз в подземные склады. Летучий Народ не выносил обезьяноподобных существ, покрытых густой, аспидно-черной шерстью, с их застывшей на лицах улыбкой и раздутыми от мускулов руками. Рабочим приходилось самим вытаскивать груз из

широких люков турбокондеров, перекладывая на плечи нежити на порядочном расстоянии от машин. А груз был тяжелым – огромные мешки с зерном из серой парусины, обмякшие туши горных быков с неестественно задранными головами и побуревшей от крови шкурой. Крепость могла производить почти все. Но снабдить продовольствием полмиллиона человек она была не в силах. И если бы не Летучий Народ, который так кстати захотел торговать с ней...

Дэктор побарабанил пальцами по рукояти меча. Задумчиво оглядел все пространство Плеши. То здесь, то там мелькала багровая форма стражников. Большинство носило поверх формы алые плащи, заговоренные от огня и стали. Летучий Народ не из драчливых, в этом лейтенант был прав, но недоверие к нему в Крепости оставалось всегда. И восемь лет осады и торговли лишь поколебали застарелую неприязнь.

За спиной вежливо кашлянули, и Дэктор неохотно повернулся. Лейтенант Арт и капитан стражи Ивьен. В отличие от лейтенанта, Ивьен был не молод – чуть ли не ровесник начальника стражи. Дальше коменданта Каменной Плеши он не пошел, но Дэктор знал его не первый год и успел убедиться в преданности и толковости капитана.

– Арт, я не вижу внизу никого из Летучего Народа.

– Шестеро ушли в город. Семеро отдыхают в гостинице. Восемь человек собралось в одном из турбокондеров, там что-то сломалось. И четверо охраняют остальные машины.

Он явно гордился своей прекрасной осведомленностью, Арт из красной полосы, воин и защитник

Крепости. Но Дэктор знал многих, не менее толковых, которые так и не смогли занять подобающее им место в иерархии Крепости, а иногда не смогли даже просто выжить.

– Арт, узнайте у них, не нужна ли Летучему Народу наша помощь.

Кивнув, лейтенант вышел. Дэктор быстро повернулся к Ивьену.

– Капитан, тебе приходилось видеть Летучий Народ в деле?

– В бою?

Начальник стражи кивнул, и Ивьен быстро, не раздумывая, словно давно уже ждал этого вопроса, ответил:

– У них страшное оружие. Но бойцы они плохие.

– Как они ведут себя в Крепости? Осторожничают?

Их глаза встретились, и капитан вздрогнул.

– Нет. Они беспечны.

Дэктор прошелся по комнате.

– У меня освобождается пост заместителя по вооружению. Я давно уже хотел предложить тебе...

– Благодарю.

Начальник стражи внезапно метнулся через всю комнату, схватил капитана за лацканы куртки. Прошептал:

– Благодарю, да, или благодарю, нет?

– Да.

– Ты знаешь, – все так же торопливо, словно бы не слыша своих слов, продолжал Дэктор, – наверху быть очень сложно. Иногда приходится принимать

решения, не советуясь ни с кем, даже с Рыцарем своей полосы...

– Я понимаю.

Дэктор расслабился, улыбнулся:

– Хорошо. У меня очень сложный день, и если бы сейчас еще и ты... Я рад, что мы вместе, Ивьен.

Капитан кивнул, но ничего не ответил.

– Ты уверен в своих людях?

Ивьен пожал плечами:

– За последний месяц состав сильно изменился. По-моему, сейчас это в большей степени *твои* люди.

Начальник стражи не пытался ни возражать, ни соглашаться. Он только произнес:

– Ты можешь идти. Пусть *наши* люди отдохнут сегодня вечером.

Уже взявшись за массивную бронзовую дверную ручку, Ивьен повернулся к начальнику стражи:

– Скажи, ты знаешь, что бывает с теми, кто пошел против Летучего Народа?

– Знаю.

Дэктор вздрогнул, но голос его оставался твердым. Он повернулся к окну и добавил, уже тише:

– Но и мы не бессильны.

Его рука описала в воздухе какую-то странную фигуру, и в то же мгновение высоко в небе над Каменной Плешью вспыхнул и гулко разорвался многометровый огненный шар.

– Вот так.

Люди на Каменной Плеши замерли, вглядываясь в небо.

* * *

Хосе Альмейдо, второй пилот «ТК-4», с невольным страхом отступил к борту машины.

– Пресвятая дева...

В небе, среди тонких, как спицы, башен и циклопических крепостных стен, кружился, исчезая, оранжево-черный огненный вихрь. Подул сухой, жаркий ветер.

Из кабины выглянул Энди. Задрал голову, прицокнул языком. Подчеркнуто вежливо сказал:

– Чико, ты не мог бы смерить уровень радиации? Турбокондер подпирать не надо, он стоит крепко, а вот пара-другая лишних рентгенов...

Хосе торопливо отцепил от пояса индикатор. Поводил им в воздухе, целясь в небо затянутым фольгой окошечком. Индикатор лениво мигнул зеленым.

– Чисто, Энди. А что, бывает, что такие штуки... излучают?

– А бог его знает, дружок. Я лично такого фейерверка здесь еще не видел. Но если ты хочешь вернуться в свою Перепили, то не ленись иногда и перестраховаться.

– Я очень хочу вернуться, – серьезно сказал Хосе. – Но только мой город называется Пирипири, и ты это знаешь.

Энди рассмеялся:

– Ну не кипятись. Я же просто немного картавлю... Черт, какая жара. Тебе дать бутылочку «пепси»? А то мы пили-пили, но так и недопили...

Он с гоготом исчез в глубине люка.

* * *

Момент был упущен. Растерявшись, Родэк опустил кинжал. Но и чужак не пытался нападать. Он был, пожалуй, растерян еще больше, чем Родэк. И тот понял это первым.

– Чего стоишь? Давай, как вы это называете... стреляй снова.

Чужак поколебался секунду, потом отбросил металлический предмет, прятанный в его ладони. Сказал низким, странно знакомым голосом:

– Я не буду в тебя стрелять.

Родэк быстро шагнул к нему, подвел к светящейся оранжевой полосе. Белый мраморный куб, на котором стоял знак Радуги, казался в ее свете желтошафрановым. А загорелое лицо чужака, наоборот, сделалось светлым.

– Дени?

Нельзя сказать, что они были хорошо знакомы: люди Крепости не заводят друзей среди Летучего Народа. Но когда в училище привели экипаж нескольких турбокондеров – продемонстрировать им военную силу Крепости, то именно Родэк был сопровождающим Дениса.

– Что ты здесь делаешь? – давая волю гневу, воскликнул Родэк.

– Хотел разобраться... как светится эта штука.

Денис с непринужденной улыбкой похлопал по оранжевой полосе Знака.

– Пойдем.

Родэк почти вытащил его из комнаты. Быстро заговорил:

– В эту комнату запрещено входить вдвоем. Ясно? За нарушение меня могут изгнать из Крепости.

– А меня?

– А тебя казнят, и это без всяких «может быть». Еще ни один чужеземец не совершал такого кощунства.

На лице Дениса явственно отразилась паника.

– Но я не знал! Вы же никогда не объясняете прямо! Сказали бы, что это связано с вашей религией, что это святыня.

– Это тебя не оправдывает. Между прочим, входить в нежилой дом тоже запрещено, хотя это и меньшее преступление.

– Я не понимаю. Ведь ваши правители сами сказали, что мы можем заходить куда угодно, даже если хозяев сейчас нет...

– Здесь хозяев не будет уже никогда. Вся семья погибла, защищая Крепость, и этот дом – память о них.

Денис глухо произнес:

– Понятно. Кажется, я совершил осквернение могилы...

Они подошли к двери. Родэк вдруг коснулся лица Дениса и что-то прошептал.

– Теперь тебя не заметят дозорные, – разъяснил он.

– Ты собираешься меня спасти?

– Да.

– Но почему? Ведь я...

– Ты не стал стрелять, когда узнал меня. Это во первых. – Родэк отвернулся, и закончил уже тише, словно для себя: – А во-вторых, мне сегодня объяснили, что любой закон можно понимать по-разному.

3. ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ В КРЕПОСТИ

Дом начальника стражи был пуст. Инга обежала все комнаты, даже заглянула в круглый зал, залитый изумрудно-зеленым и малиново-красным светом Знака.

Никого.

И в низкой длинной пристройке бассейна было пусто. Неподвижную водную гладь подсвечивали синим спрятанные в глубине светильники. Это было красиво, и Инга даже задержалась на секунду, любуясь своим цветом. Наверняка таинственный холодный оттенок выбрал Родэк, и ей почудился отзвук его присутствия, сохранившийся со вчерашнего дня.

Вернувшись к брату, скупающему у дверей, Инга лишь развела руками.

– Он еще не возвращался.

– Это я и без тебя вижу, – насмешливо сказал Полак. – От ясновидящей сестры я ожидал большего.

Хуже нет, когда брат и сестра имеют разные цвета. Полак был желтым – профессиональный критик и оппозиционер, та редкая, но необходимая закваска, которая не дает жизни застоиться. Инга же принадлежала к синей полосе – не менее редкой, но гораздо более спокойной. Экстрасенсорное знание обязывает к сдержанности... Вот и сейчас Инга ответила бесстрастно:

– Полак, я чувствовала его возвращение. А потом он экспонировался, и с этим я ничего поделать не могу.

– Сама научила... Подождем?

– Конечно.

Они поднялись по лестнице на второй этаж. Тут было три комнаты, но в двух давно уже никто не жил: у Родэка никогда не было братьев и сестер. Комната его была аккуратно убрана, разбросанные обычно по столу книги стояли на полках, постель застелена, а лежащие всегда в центре комнаты спортивные маты заняли гораздо менее почетное место в углу.

– Пожалуй, только раз в год Родэк наводит у себя порядок, – озираясь, сказал Полак.

– Для тебя нет и этой причины.

Инга бесцеремонно уселась прямо на кровать. Законы Крепости всегда были либеральны в вопросах «своего» и «чужого», а они с Родэком к тому же были друзьями. Инга была его ровесницей, хотя постоянная серьезность делала ее едва ли не старше Полака, которому шел двадцать третий год. Конечно, не физически старше – кто не был с ней знаком, иногда сомневался в совершеннолетию хрупкой черноволосой девчонки. А Полак имел телосложение, вызывающее зависть даже у стражников. Но секундный разговор с братом и сестрой сразу все менял. Желтый цвет требовал от человека юношеского максимализма и детской непосредственности, и с этим ничего нельзя было поделать.

– Интересно, придет еще кто-нибудь, кроме нас? – спросил Полак.

Инга удивленно взглянула на брата:

– Кто? Рик в суточном дежурстве на западной стене, и никто его не отпустит. Мина и Валь еще неделю будут выполнять свой дурацкий обет.

– Это ты его считаешь дурацким; голубая полоса другого мнения... А ты можешь хотя бы связаться с Риком?

Инга закрыла глаза, вслушиваясь во что-то внутри себя. Сказала вполголоса:

– Не стоит сейчас... Кочевники лезут на стену, ему и так жарко...

– Инга, не отключайся! Расскажи, что он видит, интересно!

Родэк вел Дениса к своему дому через самые людные кварталы города, попутно разъясняя увиденное:

– Это квартал фиолетовой полосы. Здесь живут рабочие и мастеровые, все, кто имеет отношение к физическому труду. Фиолетовая полоса замыкает Радугу справа, то есть является одной из ее основ, опор. С другой стороны Радугу образуют красная полоса – воины, те, кто защищает созданное общим трудом.

– Живущие здесь должны носить фиолетовую одежду?

– Да. На праздниках – хотя бы плащ... Гляди!

Они проходили мимо длинного одноэтажного дома. Весь фасад его занимало открытое окно, за ним в полутьме ничем не освещенной комнаты угадывался круглый мраморный стол, со склонившимся над ним человеком.

– Подойдем к окну, – прошептал Родэк. Они встали у окна, стараясь не заслонять света. Человек в комнате не обращал на них никакого внимания. Он

медленно проводил ладонями вдоль меча, серебряной полоской замершего на столе. – Это оружейный мастер, – сказал Родэк, уводя Дениса. – Для вас, между прочим, старается, накладывает заклятие на меч. Хотя я еще никогда не видел кого-либо из Летучего Народа с мечом, – ехидно добавил он. – Зачем вы их вообще покупаете?

Денис не ответил. Он думал о чем-то о своем. Медленно поднял глаза на Родэка, спросил:

– Слушай, парень, ты же понимаешь, что я чуть тебя не убил. Почему ты ведешь себя со мной как с другом?

Вместо ответа Родэк провел рукой по зеленому плащу, наброшенному на его багровую форму.

– Видишь? Сегодня я выходил из Крепости и сражался вместе с воинами. Но мой цвет зеленый, я целитель. Я не могу хранить зла. Не брось ты оружия, я бы постарался тебя убить, но раз уж ты не стал в меня стрелять...

Денис молча протянул ему руку. Они обменялись рукопожатием, и Денис сказал:

– Честное слово, я очень рад, что ты успел вернуться от первого выстрела. – Он помолчал и добавил: – Я еще никогда не стрелял в человека. Зайди в дом кто-нибудь абсолютно незнакомый, я бы, может, и решился...

– Как хорошо, что мы уже встречались, – серьезно сказал Родэк. И добавил: – Только я не уворачивался от выстрела, у меня подвернулась нога.

– Она очень удачно подвернулась. А куда ты меня ведешь?

– К себе домой. Это в квартале красной полосы, я живу с отцом, а он воин... Дени, по-моему, ты залез в пустые кварталы, чтобы немного разобраться в нашей жизни?

– В общем-то, да. Вы хоть и уклоняетесь от вопросов, но умудряетесь давать ничего не объясняющие ответы.

Родэк улыбнулся:

– Просто вы чужие... Ладно. Сейчас ты увидишь интересный кусочек нашей жизни.

Они перешли неширокую улицу и остановились перед двухэтажным каменным домом. С торцов дома выступали небольшие каменные башенки, делающие его похожим на маленькую крепость.

– Дом стражника, даже я разбираюсь, – с неподдельным любопытством сказал Денис. – А почему над дверью две цветные полосы?

Родэк поморщился:

– Мама была целителем. Когда они поженились с отцом, то к Знаку добавился ее цвет. А когда они расстались, я был уже большим и сказал, что стану целителем. Поэтому полоса осталась.

Наступило неловкое молчание. Мимо прошли двое в багряных плащах, с любопытством оглядывая Дениса. Тот, помявшись, спросил:

– У вас тоже разводятся?

– Конечно, – спокойно ответил Родэк. – Понимаешь, они и не любили друг друга. Просто нехорошо офицеру Стражи не иметь ребенка. Вот отец и попросил маму пожить с ним два года... Я с мамой иногда встречаюсь, у нее другой муж, из желтой полосы...

Денис что-то с чувством пробормотал, непонятное, но похожее по звучанию на слово «герой» на языке Крепости. Почему-то смутился, и добавил:

– Это непере译имое слово, вроде междометия.

Окно на втором этаже вдруг распахнулось, из него по пояс высунулась девушка: смуглая, тоненькая, в темно-синей блузке. Громко, задорно крикнула:

– Родька, не прячься! Тоже мне, именинник!

Родэк удивленно пожал плечами и вдруг сообразил, в чем дело. Развел руки, снимая заклятие Отражения.

– Вот, – удовлетворенно произнесла девчонка. – А то стоит и веет холодом, словно нежить...

Она вдруг разглядела спутника Родэка и замолчала. На миг ее брови удивленно приподнялись, потом она заулыбалась снова:

– Родэк, не держи гостя на улице!

Мягким движением Родэк подтолкнул Дениса к двери. Тот шепотом спросил:

– Так у тебя день рождения?

– Да. Восемнадцать лет.

– Как моему младшему брату. Я его старше на пять лет.

Родэк хмыкнул. Денис выглядел его ровесником...

День рождения в Крепости, к удивлению Дениса, ничем необычным не отличался. Разве что гостей было всего двое – Инга и Полак, остальные друзья Родэка, как он объяснил, были заняты. Девушка подарила Родэку яркий красно-зеленый пояс, который тот немедленно одел, ее здоровяк брат – такой же расцветки кожаные ножны. Ножны, похоже, были

чем-то примечательны – Родэк просиял, закрепляя их на поясе и вкладывая кинжал.

Денис, неловко улыбаясь, порылся в карманах. Один бог знает, найдется ли что-нибудь подходящее для подарка... Передатчик, дозиметр, блок видеозаписи... Ага!

Денис протянул Родэку легкие очки с серебристыми стеклами, сказал:

– Я тоже тебя поздравляю. Вот, возьми на память... В них видно все в полной темноте.

Родэк как-то смущенно улыбнулся, посмотрел на друзей. Парень пожал плечами и пробормотал:

– Ерунда, Род, все в порядке. Серебристый цвет не запрещен для зеленой полосы.

Девушка с видимой неохотой, кивнула. Денис посмотрел на Родэка:

– Я опять сделал что-то не так?

– Самую малость. Спасибо за подарок, он замечательный, я слышал о таких вещах. Но его цвет... не совсем совпадает с цветом полосы. Но он и не запрещен, так что ничего страшного.

Идиотизм. Да, Денис знал о жесткой цветовой регламентации профессий, закрепленной, например, в одежде. Но что дело доходит до таких мелочей, до предметов личного обихода... Хотя подарок – это не мелочь, на Земле тоже полно неписаных, но нерушимых законов этикета...

Дэктор отдыхал. Лежа на кушетке, нарочито жесткой, не дающей задремать, плотно прикрыв глаза, он весь отдавался теплым, поглаживающим движе-

ниям психомассажа. Руки целителя беззвучно скользили над головой, прогоняя усталость, возвращая мыслям ясность и четкую, беспощадную логику. Целитель был опытный, и дело свое знал отлично. По рангу Дэктор мог прибегнуть к помощи даже самого Зеленого Рыцаря, но... кто его знает? Вдруг верховный целитель действительно умеет читать мысли? Начальник стражи крикнул, заворочался на кушетке. Обойдемся без Зеленого Рыцаря...

Замершие на мгновение руки целителя продолжали движение. Против воли Дэктор вспомнил, как проводил психомассаж Родэк. Да, – более неумело, да – иногда сознание словно жаром обдавало. Но такого сильного эмоционального контакта у начальника стражи ни с кем не было. А теперь и не будет. Сын потерял веру в него. Счел оскорблением само предложение не ходить на верную смерть. Конечно, он прав, с точки зрения своих восемнадцати лет. Но и Дэктор прав, с высоты сорока восьми лет и высшего воинского поста Крепости... Он открыл глаза, громко произнес:

– Приказ по всем отрядам Стражи...

У изголовья мелькнула багровая форма схватившегося за карандаш порученца.

– Все боевые операции на сегодняшнюю ночь отменяются. Выход из Крепости закрыть, стражу удвоить. Все пропуска, пароли и спецразрешения недействительны. Тех, кто попытается покинуть Крепость, задерживать до утра...

Руки целителя снова заскользили над лицом Дэктора.

* * *

Когда стемнело, свет зажигать не стали. Только на огромном, еще не тронутом торте горели ровным немигающим пламенем двадцать тоненьких зеленых свечей. Горели уже третий час, упорно не собираясь уменьшаться хоть на миллиметр. Денис отошел к раскрытому окну, встал рядом с Полаком. Тот докуривал сигарету, с виду обычную, но пахнущую не табаком, а чем-то пряным и приятным. Родэк и смуглая девчонка с земным именем Инга стояли в дальнем углу, шептались о чем-то, Родэк как-то очень робко обнимал девушку за плечи, изредка поглядывая на Дениса. Может, уже жалеет, что привел сюда?

Денис высунулся в окно, посмотрел в небо, с проступающим на нем узором созвездий – диким, абсолютно неизвестным, на фоне которого даже Млечный Путь выглядел чужим. Сорок два парсека от Солнца. Три года полета на сверхсвете. Желтенькая звезда с единственной земноподобной планетой и незапоминаемым цифровым кодом. А до этого – десять лет детских сказок и фантазий о волшебной планете, два года, затраченные на завоевание доверия Компании, три месяца на полярной базе, и редкие полеты в Крепость, где, как правило, не удается выбраться дальше Каменной Плеши... Но вот он и выбрался. Попал в самую что ни на есть интимную обстановку, и что узнал? Несгорающие свечи? Да возьми он такую свечу, разложи ее на молекулы в большом базовом анализаторе – машина выдаст уверенный ответ: «Цилиндр из стеарина, с помещен-

ной по оси хлопчатобумажной нитью». И будет права, потому что ни одна машина в мире не способна обнаружить волшебство. И сотня научных сотрудников, пытающаяся понять, почему стальной меч, над которым прошептали пару слов, стал рассекал полуметровые титановые балки, тоже даром ест свой хлеб. Они могут шептать те же слова, подслушанные электронными «клопами» над таким же мечом, до полной опухлости языка – ничего у них не выйдет. И беда даже не в том, что подслушивающие и подглядывающие устройства в Крепости больше двух часов не функционируют, выходят из строя по неизвестной причине. Того, что они успевают передать, вполне хватает для однозначного вывода – какого-либо секрета, скрываемого от землян, в Крепости нет. Просто ее обитатели умеют колдовать. И произнесенная фиолетовым рабочим бессмыслица заставляет вставать, ходить и таскать тяжести кошмарное создание, сшитое накануне из протухшей бычьей трубухи и вымоченных в какой-то маслянистой жидкости шкур...

– Дени скучает и правильно делает, – сказал вдруг Полак. – Сестренка, вы там не уснули?

Инга повернулась к брату. Поднял голову и Родэк. Вид у него был более чем несчастный. Поругались? Денис вдруг почувствовал нахлынувшую неизвестно откуда тоску. Неужели эти двое, со скорбно-томительными лицами начинающих влюбленных, – чудотворцы из Крепости? Эта семейная вечеринка – праздник совершеннолетия будущего мага? Это в такую жизнь он играл с восьми или семи лет. Они с ребятами забирались в развалины старой

крепости неподалеку от Лесногорска и носились по полуосыпавшимся стенам, крича во все горло: «Имением семи цветов Радуги...» А потом, в школьных спор-клубах, писали «коллективные обращения» в Генеральную Ассамблею Земли. «Закон о 99 годах, отдающий планету в безраздельное пользование Компании. – позор нашего общества...»

– Дени, а какие есть игры у вас?

– Карты. – автоматически ответил Денис.

А действительно... Какие еще игры у сотрудников Компании? В основном карты, во всех их модификациях. Ну и электронные «книжки», где вместо страниц – экран, а сбоку – щель для кассеты с программой очередной телеигры.

– Карты – это неинтересно, – безапелляционно произнес Родэк. – Давай лучше сыграем в ленивых курьеров...

– Я начинаю, – быстро сказала Инга.

...Они уселись кружком. Инга, Полак, Родэк, Денис. Инга молча уставилась на брата. Тот обхватил голову руками, замер, вслушиваясь во что-то.

– Ага, – он хихикнул. – Держи, Родэк.

Теперь Полак смотрел на друга, а тот сидел, боясь шелохнуться. Потом повернулся к Денису.

– Принимай.

Денис уже начал понимать, в чем дело. Он закрыл глаза, искренне пытаясь почувствовать что-нибудь. Но кроме желания поспать, лечь в постель, опустив голову на подушку, ничего не ощутил. Наверное, сейчас позднее, чем он думал. Надо возвращаться к турбокондеру...

– Я загадывала торт. И передала три слова: вкусное, мягкое, круглое, – объявила Инга.

– Я понял, – довольным голосом подхватил Полак. – И передал свои два: мягкое и круглое.

– У меня сегодня шоколадный торт, – убитым голосом сказал Родэк. – Он квадратный и твердый...

– Засохший, – вздохнула Инга.

– Свежий! Просто... Это так задумано... Так что я решил, что мягкое и круглое – это надувной спасательный круг. А Дени я передал одно слово – мягкое.

– И я решил, что речь идет о подушке! – Денис невольно рассмеялся. Вот так вариант игры в испорченный телефон!

– Раз речь зашла о торте, то давайте его... – начал Родэк. А Дениса вдруг обожгла неожиданная мысль. Первым из землян он прикоснулся к магии Крепости, стал, хоть и пассивным, но участником...

Дверь комнаты открылась. Заслоня почти весь дверной проем, на пороге стоял рослый широкоплечий мужчина в темно-багровом костюме – форме Стражи Крепости. Родэк вздрогнул и поднялся навстречу.

– Не вставай. Я не собираюсь вам мешать, – мужчина говорил отрывисто, не отрывая глаз от Родэка. – Я хочу еще раз поздравить тебя...

Родэк скованно улыбнулся.

– Проходи, отец. Во-первых, мы тебя не отпустим без торта...

– Во-вторых, без подарка, – вставила Инга, и смешалась. Отец Родэка явно не был расположен к шуткам.

– Подарок тебе я уже сделал. Даже два подарка. И оба раза подарил тебе жизнь.

Дверь мягко закрылась. Но в этой мягкости Денис вдруг почувствовал спокойную, уверенную в себе силу. Посмотрел на Родэка – тот продолжал стоять.

– Что, поругались? – невозмутимо спросил Полак. – Бывает... Вот я вчера...

– Он так странно на тебя смотрел, – произнесла вдруг Инга, глядя на Родэка. – Словно никого больше и не видел в комнате...

4. ЗАПАДНАЯ СТЕНА

Шон сидел в пилотском кресле и ныл. Это не было обычным заурядным брюзжанием. Это было красочное, яркое нытье, в котором описывалась вся жизнь Шона, неудачная с самого рождения, его родители, которые больше любили сестру Шона, его учителя, придиравшиеся к нему без всякой причины, его начальники, поручающие лучшему пилоту Компании самую скучную работу. Потом общая часть кончилась, и Шон стал жаловаться на «ТК-4» – неуклюжую и ненадежную машину, на дурацкую Крепость, в которой так трудно приземляться, на ее глупых обитателей... Смутно угадывалось, что наиболее глупой Шон считал прекрасную половину Крепости, с дикарскими, а точнее, пуританскими, представлениями о сексе...

Растянувшись на откидной койке, Хосе вполуха слушал болтовню Шона. Странно, но первый пилот турбокондера, при всей его занудливости и нередком цинизме, не вызывал у него неприязни. Может быть, оттого, что был действительно хорошим пилотом, куда лучше, чем Шон, например...

– Хосе, а на равнины тебе летать доводилось? – спросил вдруг Шон. Жаловаться на судьбу ему, наконец, надоело.

– На равнины? Там же кочевники... – Хосе удивленно посмотрел на Шона. Тот, словно почувствовав его взгляд, повернулся, уставился на него поверх высокой, подогнанной под его рост спинки кресла.

– А ты летал на равнины?

Шон неопределенно пожал плечами. Подумал секунду и буркнул:

– Да. Давно, еще до этой свары между кочевниками и Крепостью... Черт, видел бы ты, какие у них девчонки! И ни-ка-ких предрассудков!

Дверь пилотского отсека открылась, и вошел Энди. Оглядел узкую длинную кабину, спросил:

– Где остальные?

– Спят, – коротко бросил Шон. Хосе понял, что первый пилот недоволен появлением его командира группы, и снова ощутил к Шону невольную симпатию.

– Денис не у вас?

– Это кто, молодой штурман с твоей машины? Что ему у нас делать...

– Где он бродит, мальчишка... – Энди взглянул на Хосе, и тот невольно напрягся. Но его мучитель явно не собирался острить. Он принуждено усмехнулся –

улыбка тенью скользнула по жесткому, но обычно ухмыляющемуся лицу, и произнес:

– Что-то не то, нутром чую. Тишина такая, что давит... Честное слово, будь все экипажи на месте, не стал бы дожидаться утра, полетели бы сейчас.

Денис допил чай и поднялся из-за стола. Смутное, неясное беспокойство нарастало в груди.

– Ребята, мне пора уходить...

Подсознательно он ожидал, что его попытаются задержать. Но Родэк только пожал плечами.

– Как хочешь. Мог бы переночевать у меня, ведь уже поздно... Спасибо, что разделил мой праздник.

– А вообще, ты такой же, как мы, – сказала Инга. Хотела еще что-то добавить и вдруг замерла, глядя как-то *внутри* себя.

– Что, сестренка? – Полак мгновенно оказался рядом с ней. Инга прижала руки к голове и медленно массировала виски.

– Это Рик... Там, на западной стене, что-то странное. Такого еще не было. Рику страшно...

– Рику? – с сомнением переспросил Родэк и шагнул к стене, где висели, перекрещиваясь, два коротких широких меча.

– Я не взял оружия, – с сожалением произнес Полак. – Одолжишь меч?

– Сломасшь – голову оторву, – Родэк посмотрел на Дениса и досадливо махнул рукой. – Семь цветов, ты же не найдешь дорогу отсюда к Каменной Плеши...

– А можно... с вами?

Все трое обитателей Крепости переглянулись. Инга осторожно произнесла:

– Вы же не воюете с кочевниками...

– Воевать я не собираюсь.

Поколебавшись секунду, Родэк сбросил с плеч плащ, протянул Денису.

– Надень.

Дэктор открыл дверь не сразу. Он слышал, как уходили из дома приятели сына, и решил, что это вернулся кто-то из них. Но стук в дверь не прекращался. Может быть, Родэк провожал друзей, и дверь случайно закрылась? Дэктор поднялся с постели. Идти вниз не хотелось. Он сосредоточился и услышал грохот выползающего из пазов засова. На лбу выступили бисеринки пота. Такие напряжения не для его возраста, да и не для его цвета... А по лестнице стучали торопливые шаги. Вот они миновали комнату сына и направились к спальне... Дэктор взял лежащий у изголовья меч – шаги были чужими, Родэк ступал иначе...

Дверь отворилась. В слабом свете из окна начальник Стражи узнал лейтенанта Арта.

– Дэктор... – спокойно и громко позвал тот.

Закипая от ярости, Дэктор протянул руку к лампе. Тоненькая струйка люминофора брызнула на платиновую чашечку, и комнату залил слепящий белый свет.

– Как ты меня назвал? – выходя на середину комнаты, поинтересовался Дэктор. Лейтенант молча протянул ему разорванный бумажный пакет.

– Я прошу прощения. Полчаса назад капитан Ивьен направил меня с донесением к Красному Рыцарю. Но по дороге пакет случайно разорвался...

– Случайно? – еще не осознавая сказанного, воскликнул Дэктор.

– ...И я решил вначале показать донесение вам. Возможно, необходимость в нем уже отпала?

Начальник Стражи опустил глаза к смятому бумажному листу. Увидел торопливый, знакомый по рапортам почерк. «Я воин, но буду говорить от имени желтого цвета – сомнения. Сталкивать силу Крепости и силу Летучего Народа... Еще никогда... Победа на час, но поражение – навсегда...»

– Ты прав, Арт, – комкая в пальцах плотные листы, произнес Дэктор. – Необходимость в этом донесении отпала. Не нужно беспокоить Красного Рыцаря.

Они внимательно смотрели друг другу в глаза.

– Ты уверен, что донесение было одно?

Лейтенант пожал плечами. И в то же мгновение в двери застучали снова – тяжело, в несколько рук...

Они миновали уже несколько лестниц, поднимающихся на стену. Лестницы были разными – и железные лестничные марши, зигзагом ползущие по стене, и отвесные, похожие на пожарные, и даже винтовые лестницы, проложенные где-то в толще камня, так что снаружи оставались лишь узкие, с тяжелыми запорами двери. К облегчению Дениса, именно в такую дверь и нырнула Инга – именно она шла впереди, выбирая направление.

Подниматься пришлось долго. Похоже, лестница шла на высоту не менее ста метров, что, впрочем, не было удивительным при полукилометровой высоте стены. Кое-где по стенам горели тусклые масляные светильники, но гораздо больше было потухших, и по несколько минут приходилось идти в полной темноте. Денис с сожалением вспомнил, что подаренные им инфракрасные очки Родэк забыл дома...

Площадка первого дозорного яруса представляла собой вырубленную в теле стены двухметровой ширины и высоты нишу. С внутренней стороны ниша была открыта в сторону Крепости, причем никакого ограждения не имелось. С другой стороны через десять-пятнадцать метров ее дырявили широкие полукруглые амбразуры. Почти у каждой Денис увидел двоих-троих пригнувшихся стражников. Держась поближе к стене и подальше от жутковатого провала, он шел вслед за Полаком. У одной из амбразур Инга резко остановилась, негромко позвала:

– Рик!

Замерший у амбразур юноша даже не обернулся. Похоже, о предстоящем появлении друзей он знал.

– Смотрите, – он посторонился, давая место.

Амбразура оказалась очень глубокой и конусовидно расширяющейся. Денис подошел к дохнувшему ночной свежестью проему, взгляделся в темноту. Вначале он ничего не увидел.

Повсюду была темнота. Редкие звезды не разгоняли мрак, а словно дразнили глаз, заставляя пытаться что-то увидеть. Несколько секунд Денис всматри-

вался в эту темноту, потом вспомнил, что во всех ночных полетах город выглядел окруженным огненным кольцом – кочевники жгли костры. Сегодня они этого почему-то не делали...

– Давят на психику? – невольно спросил Денис. – Или ушли?

– Уйдут они, жди... Оттуда злобой так и тянет, – Инга обхватила Рика за плечи, прижалась к нему. Денис невольно посмотрел на Родэка. Но тот, похоже, был не из ревнивых.

– Слушайте! – оборвал их Рик.

Они замолчали. Прошла минута, другая... А потом Денис услышал низкий, скребущий звук, шедший из-под самых стен Крепости. Он не был ни особенно громким, ни обычным – так, вроде протащили по камням что-то тяжелое. Но по телу пробежала дрожь.

– Там, у подножья, были дозорные отряды, – ни к кому не обращаясь заговорил Рик. – Полчаса назад раздались крики и... все. Наверх никто не поднялся и к воротам не подошел. – Он помолчал и добавил: – А еще я видел вспышки. Бледные, синеватые.

– Весной они нападали с зажигательными гранатами...

– От гранат свет яркий. А это просто отблески, – не задумываясь, возразил Полаку Рик.

Звук повторился. Но на этот раз Денису показалось, что он уловил подошвами слабую вибрацию.

– Стена дрожит, – неуверенно сказал он и увидел, как ощутимо вздрогнула Инга:

– Мне тоже показалось...

По площадке с мягким, приглушенным топотом пробежало несколько человек. Один заглянул в их нишу, бросил:

– Не страшно? Помощь не нужна, курсанты?

– Нет, – отрезал Рик.

– Ну, тогда держитесь. Вызвали всех высших офицеров и Красного Рыцаря, – говоривший исчез, а Денис явно почувствовал пронесшееся среди ребят облегчение. И что это за Рыцари, о которых так много говорят в Крепости? Зеленый – покровитель медицины. Красный – нечто вроде главнокомандующего... Они до сих пор не смогли разобраться даже в том, является ли должность Рыцаря пожизненной или это выборный пост. Ведь выбирают же в Крепости всех, исключая правителя...

Откуда-то сверху вдруг послышался громкий, протяжный выкрик:

– Стра-а-жа! Смот-ри!

И вспыхнул свет. Он лился с гребня стены, сначала из одной точки, потом сразу с нескольких. Словно тысяча мощных прожекторов высветила пространство перед стеной. И на этом освещенном, утрамбованном тысячами сражений, усыпанном металлическим ломом, деревянной щепой, валунами поле медленно, неторопливо копошились кошмарные, похожие на порождение больной фантазии существа. Больше всего они походили на гигантских, не меньше десятиметровой длины, скорпионов. Но вот цвет их, сочный, ярко-красный, вызвал у Дениса невольную ассоциацию с вареными раками. Он даже хихикнул. Скорпионы выглядели достаточно отвра-

тительно, они поблескивали, как будто покрытые слизью, на панцирях висели бесформенные, темные ошметки, но расстояние и неповоротливость заставляли не воспринимать их всерьез. Так, новые статисты в спектакле из жизни Крепости...

– Плохо... Ой, как плохо, – произнес Рик. – Горные убийцы. Неужто приручили?

– Вот они какие, – Родэк вынул из перевязи меч, словно собирался немедленно прыгнуть вниз. – Мы совсем недавно проходили, как лечить раненых ими...

– Как? – дернуло Дениса за язык.

– Добивать.

Скорпион внизу поднялся на задние лапы, коснулся длинными, гибкими, словно щупальца, передними лапами стены... И резким рывком поднялся метров на пять. Свет на стене угасал, но в нем уже не было необходимости – по панцирю чудовища струилось голубое свечение.

Один за другим скорпионы лезли вверх.

Это был всего лишь курьер. Он с любопытством взглянул на лейтенанта – что тот делает ночью, в спальне начальника Стражи Крепости? – и протянул Дэктору свой нагрудный знак. Это означало, что сообщение будет передано наедине и на словах. Начальник Стражи молча взял золотой квадратик с выбитым на нем номером, потом перевел взгляд на Арта:

– Лейтенант, я думаю, что мы поняли друг друга?
Арт кивнул.

– Тогда возвращайтесь на... на свой пост и работайте.

– Прямо сейчас?

Дэктор пожал плечами:

– Утром будет уже поздно.

5. КАМЕННАЯ ПЛЕШЬ

Ночной вызов к Коменданту Плеши Ивьену был странностью. Энди даже поколебался, прежде чем выйти вслед за посыльным из турбокондера. Связался с Шоном, приказал тому взять командование звеном до его возвращения, и лишь после этого зашагал к зданию комендатуры.

Капитан Ивьен был, как всегда, немногословен и вежлив. Он предложил Энди сигарету, от которой тот вежливо отказался – местные сорта табака ему доверия не внушали. Спросил, как погода в горах, где, по слухам, жил Летучий Народ. Энди дипломатично ответил, что погода сейчас неважная повсюду. Поинтересовался, когда Летучий Народ привезет заказанные на прошлой неделе «бабочки» – легкие вертолеты с одноразовой топливной зарядкой. Посетовал на кочевников, которым никак не надоеет бесконечная осада и которые затеяли новую гадость у западной стены. А потом мимоходом выразил удивление, что турбокондеры, такие удивительные по силе машины, всегда дожидаются утра и не улетают из Крепости ночью.

Выяснить остальное Энди не стал. Взглянул на часы и сообщил, что через пять минут им надо вылетать. Ивьен понимающе кивнул и раскрыл перед Энди дверь кабинета.

В дверях стоял лейтенант Арт, за ним угадывались фигуры стражников. Энди отступил к окну, доставая из кобуры бластер.

Первым ударом Арт убил своего недавнего командира. Держась за рукоять наполовину вытянутого из ножен меча, Ивьен опустил на пол. Энди вдавил клавишу предохранителя и нажал на спуск. Арт молниеносно вскинул руку, заслоняясь от выстрела намотанным на нее плащом. Энди успел еще усмехнуться этой жалкой защите, когда заряд перегретой плазмы брызгами отразился от бархатного плаща. Кто-то из стражников закричал – он был менее удачлив, и его задело. У Энди не оставалось времени ни осмысливать происходящее, ни пугаться. Он выстрелил в окно – то, как и положено, разлетелось пылающими осколками, и повернулся, готовый прыгнуть с третьего этажа комендатуры. Но комбинезон на спине вдруг с противным треском разорвался, кожу обдало холодком, который все нарастал и нарастал, пока не превратился в жгучую боль. И тело вдруг обмякло...

С перебитым мечом позвоночником Энди Пирс упал на спасительный подоконник.

Из амбразуры теперь ничего не было видно. Чудовища ползли по стене, и лишь слабый скрежет выдавал их приближение. Мимо амбразуры время от

времени пролетали сбрасываемые с верхних рядов валуны. Иногда после этого доносился глухой, сочный удар. Но ни один из скорпионов не оказывался на земле.

Полак все чаще оглядывался назад, на угрюмый силуэт дозорной башни. Именно там должны были собраться офицеры Стражи и Красный Рыцарь, хотя чем они собирались помочь обороняющимся с такого расстояния, Денис понять не мог. Увидеть чудовищ оттуда – немыслимо, их заслоняет стена, поразить – немыслимо вдвойне.

– Рядом! – вдруг закричала Инга, отступая от проема.

Оттуда наплывало голубое свечение. По мечам пробежали синие искры. Полак ругнулся, шлепнул мечом по камням, сбивая с него целую гроздь холодного пламени. А в полукруглой дыре амбразуры уже показалась длинная членистая лапа, затем вытянутая метровая голова. Зазубренные жвалы стригли воздух, выпуклые фасеточные глаза равнодушно смотрели на людей. Рик прыгнул вперед, ударил мечом. Из рассеченного глаза что-то полилось, а чудовище издало слабый писк и неожиданно начало протискиваться в амбразуру. Покрытое алыми хитиновыми чешуйками тело изгибалось, проползая в метровое отверстие. Одна за другой просовывались все новые лапы. Денис первым шарахнулся от амбразуры, за ним метнулись остальные. А тварь уже стояла на площадке, держась частью лап за стену, частью опираясь, а двумя жадно шаря перед собой. Денис опустил руку к поясу. К черту

невмешательство в жизнь Крепости! Пора спасти свою жизнь...

Бластера в кобуре не было. Денис забыл поднять его с пола после схватки с Родэком в пустом доме...

У люка турбокондера стоял посыльный. Шон пожал плечами, перевел взгляд с экрана на Хосе, сказал:

– Открой, спроси, чего им надо...

В принципе, это была работа охраны. Но и Дон, и Стас спали. Хосе взглянул в полуоткрытую дверь их каюты и прошел к шлюзу. Надавил на клавишу, прикидывая, не запустить ли «сепаратор» – дозорное поле, пропускающее в машину только членов экипажа. Но генератор разогревается не меньше пяти минут... Ждать не хотелось.

Люк уполз вбок.

– Пакет, – деревянным голосом сказал посыльный.

Хосе хмыкнул и шагнул вперед.

Его сбили с ног, отшвырнули в сторону. Тяжелый, острый, как бритва, меч сверкнул рядом с головой и с глухим ударом перерубил валяющуюся на земле доску. Нападающие молчаливым потоком вливались в люк. Хосе, оцепенев, смотрел на них. Из люка донесся сдавленный крик, и ему показалось, что он узнал голос Стаса. Охранников зарубили прямо в постелях...

Стражники втянулись, наконец, внутрь машины. Хосе оглянулся – никого рядом не было, и пополз в сторону.

Турбокондер дрогнул. Взвыли двигатели. Машина качнулась и приподнялась носовой частью. Замерла, потом встала покачивающейся в хрупком равновесии серебрястой сигарой. Из открытого люка горохом посыпались стражники. Вслед им полыхнуло пламя.

– Шон! – в слепом восторге закричал Хосе.

Стражники вскакивали, пытались бежать. Машина вдруг приняла нормальное, горизонтальное положение, опустилась к самой земле, завертелась, безжалостным винтом размывая на части беспомощные человеческие фигуры.

– Шон!!!

«ТК-4» прекратил вращение. Завис, только турбины ревели все тоньше и тоньше, наращивая обороты. Потом сверкающей торпедой рванулся в небо.

– Ты куда?!

Хосе вскочил. Рев двигателей затихал. И стал слышен шум у остальных машин. Из люка одного из турбокондеров двое стражников тащили безжизненное тело в серебряном комбинезоне. К Хосе уже бежали. Он вырвал из кобуры бластер, полоснул по ним лазерным лучом. Перевел оружие на плазменный заряд, несколькими выстрелами раскидал кучку стражников у караулки, у трехэтажного здания комендатуры, у турбокондеров. И бросился бежать. Куда угодно, но дальше от Каменной Плещи.

Рик бросился в бой лишь тогда, когда сильный взмах лапы едва не пригвоздил Ингу к стене. Остальные тем более не спешили. Пока будущий воин

Стражи пытался остановить скорпиона, они отбежали до следующей амбразуры. Там стояло несколько стражников, но и они не рвались на помощь Рику. Маленькой кучкой они замерли на площадке, между пропастью и стеной, не решаясь ни вступить в схватку, ни убежать окончательно, бросив Рика на произвол судьбы.

Денис оказался на самом краю площадки. Он не страдал страхом высоты, но сейчас, в темноте, под порывами ветра, у него начала кружиться голова. Пытаясь отвлечься, он взглянул на дозорную башню и увидел, как на одной из площадок разгорается яркий белый свет. Денис толкнул Родэка, тот взглянул на башню, прищурился, с облегчением произнес:

– Наконец-то...

На башне собралось не меньше десятка людей. Они стояли плотным треугольником, на острие которого замер высокий широкоплечий мужчина. Даже рядом с другими офицерами, наверняка не хрупкого телосложения, он оказался исполином. Пульсирующий белый свет лился прямо от этих людей. Денису показалось, что они слегка раскачиваются, и свет то нарастает, то затухает, в такт их движениям. Но вот передний медленно поднял что-то тонкое, сверкающее – то ли меч, то ли длинный кинжал...

Рик закричал. Удар лапы сбил его с площадки, и он оказался над бездной. Но кончик лапы загнулся, словно гибкое щупальце, и удерживал его на весу. Лапа неторопливо сворачивалась, поднося его к пасти.

Стражник, стоящий рядом с Денисом, не выдержал. Он поднял меч и рванулся на помощь. Но его

опередили. Опредила сила, равной которой не было в этом мире.

Откуда-то из воздуха, с неба, из ниоткуда на стену рухнул огненный дождь. Алые, пылающие капли застучали по стене, косыми струями ударили по площадке. Денис съежился, но понял, что необходимости в этом нет. Словно стальные стружки к магниту, капли стягивались к скорпиону. Голубое свечение вокруг чудовища вспыхнуло ярче и погасло. Хитиновые (а может быть, и не хитиновые?) чешуйки стали разламываться. Из-под них брызнула бесцветная жидкость. Опять раздался жалкий, гибнущий писк. Чешуя на спине скорпиона вздыбилась. И потрясенный Денис увидел нечто вроде ложбинки, где лежал полуобнаженный человек. Человек попытался подняться – встал на четвереньки, оперся руками на чешую. Но Полак коротко махнул рукой. Кинжал сверкнул в алых пылающих струях и вонзился в человека. И в ту же секунду чудовище сжалось в клубок, и, не выпуская Рика, повалилось вниз.

Шон так и не смог включить автопилот. Возможно, из программника был вынут диск с записью маршрута, а может, временно отключили маяки на полярной базе... Как бы то ни было, компьютер раз за разом останавливался, высвечивая на дисплее какие-то слова. Разобрать их Шон уже не мог. В глазах двоилось, и быстро напознала темнота, сквозь которую не угадывались даже крупные цифры на табло высотомера. Он попытался поднять машину как

можно выше, и лишь затем перешел в горизонтальный полет – иначе ничего не стоило зацепиться за одну из башен Крепости. Потом, без всякой надежды на успех, вызвал базу по радиии. Проклятая планета, на которой нет даже ионосферы и невозможна дальняя связь...

Кресло под пилотом быстро намокало, и горячая темная клякса расплзлась по обивке. Шона ранили в бок, и в первую секунду он не придал значения ране – боли почти не было. А теперь он истекал кровью, но не мог оторваться от пульта. Под ним простиралась равнины, занятые кочевниками, а еще неизвестно, что хуже – умереть от ран, или попасть им в руки...

За спиной застонали. В каюте, где спали охранники, кто-то остался жив. Шон с отчаяньем взглянул на экран внешнего обзора. И понял – или ему почудилось? – что под турбокондером непроглядная темнота. Неужели он уже миновал занятый кочевниками район?

Пальцы нащупали клавишу автоматической посадки, вдавили ее в панель. Турбокондер резко пошел вниз, словно проваливаясь куда-то. К горлу подкатил комок, и Шон понял, что теряет сознание. Но машина уже замедляла снижение, с легким толчком вышли посадочные опоры, заботливо натянулись привязные ремни кресла. И тут же сквозь обшивку просочился жуткий хруст – под многотонной тяжестью ломалось что-то хрупкое. Потом послышались крики.

Медленно, очень медленно Шон дошел к каюте охранников. Заглянул. Стас и Дон лежали на койках, они были мертвы, безнадежно мертвы. На полу, раз-

бросав руки, валялся стражник в почерневшем от плазменного заряда плаще. Он умирал.

Постояв секунду, Шон побрел к шлюзу. Коридор затопила темнота, хотя он точно помнил, что включал освещение. Панель запуска сторожевого поля Шон искал на ощупь. Включил генератор, затем открыл люк.

Пахло отбросами, грязной, мокрой шерстью, дымком притушенного очага, дрянной, плохо приготовленной пищей. Пахло временным, примитивным человеческим жильем. Турбокондер сел среди селения кочевников. Шон повернулся, нащупывая кнопки управления люком. Надо было возвращаться в рубку, искать аптечку, попытаться перевязать себя. Только бы хватило сил...

На фоне залитого светом шлюза его фигура была четким, слепо шарящим вокруг себя силуэтом, великолепной мишенью. Стрела тонко свистнула в воздухе, и клюнула его в спину. Шон покачнулся и упал лицом вниз.

Генератор в шлюзе загудел ровнее, входя в рабочий режим. Светящаяся паутина силового поля перекрыла люк.

Они бежали вниз так быстро, словно это еще было необходимо, словно можно было успеть спасти... Штопор винтовой лестницы, дырявящий стену, казался бесконечным. За спиной Родэк слышал шумное дыхание Дениса – тот не привык к таким нагрузкам, но не отставал.

Мертвое чудовище лежало в нескольких метрах от лестницы. Длинное тело странно изогнулось, приплюснулось, из треснувшей чешуи сочилась лимфа. Временами на концах неподвижно замерших лап вспыхивали голубые искры.

– Сдохла, гадина, – сдавленно сказал Полак.

Родэк шагнул к скорпиону, тронул кончиком меча лапу. Она походила скорее на составленную из узких колечек трубу, чем на часть живого недавно существа.

Скорпион не двигался. Родэк всмотрелся в него, в тускнеющие глаза, вздернутое к небу острое брюшко. Рик, похоже, оказался под чудовищем. Денис тоже понял это, громко воскликнул:

– Ребята, вы что, его же спасти надо!

Никто не ответил. Даже если Рик и остался чудом в живых, доставать его не стоило. На концах передних лап скорпионов размещаются органы размножения, мгновенно впрыскивающие в любую живую ткань кишашую личинками семенную жидкость. Человек, которого коснулся скорпион, обречен на медленную и мучительную смерть...

– А кто был тот... на спине скорпиона... – потише спросил Денис. – Или мне показалось?

– Это погонщик. Человек, который находится в телепатическом контакте с... тварью. Он управляет всеми ее движениями, – ответила Инга. – Очень сильный экстрасенс может... может перебить его мысли... и перехватить управление. А я растерялась... даже не попробовала...

Инга всхлипнула и побрела в сторону. За ней пошел Полак. Родэк с невольной завистью подумал,

что брату законы Крепости разрешают быть сейчас рядом с сестрой, утешать ее. Он такого права не имел...

– Мы что, даже не достанем его? – жалобно спросил Денис. Родэк вздохнул и повернулся к нему. Нет, не в горах, наверное, живет Летучий Народ, раз неглупый парень задает такие вопросы...

– Понимаешь...

Денис вскрикнул, глядя вверх Родэка.

Родэк быстро взглянул через плечо. За ним, на уровне его головы, покачивалась скорпионья лапа.

Родэк осторожно отступил на шаг. Лапа раскачивалась в воздухе. Еще шаг...

Лапа рванулась вверх и стала падать на Родэка. Но коснуться его не успела. В воздухе полыхнуло – ослепительно, жарко. Лапа переломилась пополам и плетью откинулась назад. Скорпион не шевелился. Родэка запоздало охватил ужас. Он вытянул из ножен меч, ударил еще раз, другой. Но последний проблеск жизни уже покинул чудовище.

– Спасибо, – отходя к Денису, сказал Родэк.

– За что? – Денис ошеломленно переводил взгляд со скорпиона на Родэка и обратно.

– Как за что? Ты же выстрелил, и...

– Из чего выстрелил? Я забыл бластер в том доме...

Из темноты медленно проступали светящиеся пятна. Десяток стражников с факелами в руках молча отгеснили ребят от чудовища. Стали обливаться его маслянистой, едко пахнущей жидкостью из металлических канистр. Родэк подозрительно уставился на своих соратников, словно ожидал увидеть у них

оружие Летучего Народа. Но стражники явно не имели ничего, кроме мечей.

– Что-то мне сегодня слишком часто везет... – задумчиво произнес Родэк. – Пошли, Дени...

– А Полак, Инга...

– Ничего с ними не случится.

За их спинами вспыхнул погребальный костер – общий для скорпиона, его чудовищного наездника, и курсанта Рика.

– Ты давно его знал? – оглядываясь, спросил Денис.

– Мы воспитывались вместе. Нас было двенадцать в группе. Теперь пять.

– Понимаю...

– Да что ты понимаешь? – прорвало Родэка. – Это наша война, это мы гибнем. А Летучий Народ – он сверху. Торгаши!

В кармане Дениса прерывисто запищало. С явным облегчением тот вытащил плоскую коробочку, надавил на ней что-то. Произнес:

– Денис Зинченко, штурман...

– Денис! – истерически выкрикнула коробочка. – Это Хосе, пилот с четвертого... Денис, эти звери напали на нас...

Денис недоуменно взглянул в сторону костра. А Родэк вдруг понял, кого называет зверями незнакомый ему Хосе, и почувствовал глухую, безнадежную тоску.

– Они напали на все машины сразу, но я уложил нескольких стражников и убежал! Денис, надо бежать отсюда! Почему ты молчишь? Денис!

Родэк Тор, курсант Стражи, и Денис Зинченко, штурман «ТК-1», молча смотрели друг на друга.

6. ПРЕДАТЕЛИ

Дэктор развел руками, прошелся по комнате. С горечью произнес:

– Безумная ночь, страшная ночь... Все подряд: и горные скорпионы, и недоразумение на Каменной Плещи.

– Я не стал бы называть это недоразумением.

Красный Рыцарь встал из-за стола, подошел к окну. Они были в комнате втроем: Рыцарь, начальник Стражи и Правитель. Где-то рядом шумели заполненные людьми залы дворца, где ни днем ни ночью не прекращались балы, пиршества, заседания бесчисленных советов и комиссий. А здесь, в крошечной тихой комнатке над тронным залом, решалась судьба Крепости.

Дэктор с затаенным испугом посмотрел на Рыцаря.

– Почему?

– Это не недоразумение, это трагедия.

– Да, согласен, – торопливо кивнул Дэктор. – Впрочем, стычки бывали и раньше. И до начала осады и торговли, и после. Гибли и наши люди, и люди Летучего Народа...

– Но еще никогда не гибло столько, – Рыцарь вынул из ножен кинжал, провел им в воздухе. На

стене зазмеилась трещина. – Если Летучий Народ захочет отомстить... Мы не выстоим.

– Мы выстоим! Мы сумеем не допустить их в Крепость! Мы будем сжигать турбокондеры в воздухе.

– А ты уверен, что турбокондеры и ручное оружие – единственное, что у них есть? Впрочем... Если они захотят нас уничтожить, оружие им даже не понадобится. Достаточно прекратить торговлю.

– Но теперь и у нас есть турбокондеры! Мы можем возить продовольствие сами. Можем, в конце концов, разогнать кочевников...

Последние слова Дэктор договаривал под пристальным взглядом Красного Рыцаря.

– Интересная идея. Она стоит небольшой резни. Так?

– Н-нет.

– Турбокондеры... Прежде чем мы научимся ими управлять, пройдет много времени. Обидно, что погибли все пилоты Летучего Народа.

– Говорят, что один успел убежать с Каменной Плеши.

– Пилот?

Дэктор пожал плечами.

– Надо его искать... А с Летучим Народом все равно придется мириться. Так кто же виноват в происшедшем?

– Ивьен, комендант Плеши, – твердо произнес Дэктор. – Он затеял ссору с начальником Летучих Энди, и тот, выхватив у Ивьена меч, заколол его.

– Даже так?!

– Да. Затем началась общая свара. В ней и погибли все люди Летучего Народа и множество стражников. Кстати, чем большее количество своих погибших мы назовем, тем спокойнее воспримет происшедшее Летучий Народ.

– А сколько погибло на самом деле?

– Пятьдесят два.

Рыцарь присвистнул:

– И этого хватит. Но ведь один из турбокондеров улетел. Вдруг их версия...

– Улетевший турбокондер упал в десятке километров от Крепости.

– Хорошо. И жаль все-таки, что нам происшедшее добавит лишь неприятностей...

– Есть один вариант... – Дэктор подошел поближе к Рыцарю. – Следующая партия турбокондеров прилетит через два дня. До этого четыре машины в нашем полном распоряжении. Если их использовать с толком, то можно разогнать кочевников Гнилых Болот до гор Утраты.

– Но ведь наши люди еще не умеют управлять турбокондерами. А все пилоты Летучего Народа... – Рыцарь замолчал, потом закончил: – Как ты сказал мне, погибли?

– Через два дня посланцы Летучего Народа смогут в этом убедиться.

– Через два дня... А ты шутник, Дэктор.

– Пока Крепость в опасности, у меня нет времени шутить.

– Мне будет стоить больших усилий убедить Си-него и Оранжевого Рыцарей не начинать расследова-

ния, – задумчиво сказал Красный Рыцарь. – Что ж, скажу, что проведу его сам. Но кого-то придется наказать. Казнить, чтобы Летучий Народ убедился в нашей справедливости.

– После главного виновника – Ивьена, который уже наказан, наиболее виноват лейтенант Арт. Он не принял мер к прекращению резни. Конечно, его можно понять, они с капитаном были очень дружны. Но поддаваться мстительности...

– Тебе виднее, Дэктор.

Часы на стене неторопливо пробили три раза. Дремавший в одном из кресел Правитель – рослый мужчина с твердыми, суровыми чертами лица, зевнул, поднялся. Произнес, глядя на Рыцаря:

– Ну так что мы решили делать?

На другом конце города, в доме начальника Стражи, второй пилот Хосе умоляюще посмотрел на Дениса:

– Так что же нам делать?

Денис развел руками.

– Вопрос не совсем ко мне. Мы теперь в каком-то смысле пленники...

– Не говори чушь, – резко оборвал его Родэк. – Крепость с вами не воюет. А то, что случилось на Плеши, – ошибка.

Хосе скривился как от боли, но промолчал.

– Я пойду к отцу, – продолжал Родэк. – И все выясню.

– А кто твой отец? – нахмурился Хосе.

– Начальник Стражи.

Денис удивленно приподнял брови.

– Здорово... Это дает нам шанс, Хосе. Родэк, давай, ты не будешь откладывать...

– Этого делать не стоит, – негромко произнес Хосе.

– Почему? – одновременно спросили Денис и Родэк.

Чуть поколебавшись, Хосе ответил:

– Я был на Плеши и все видел. Это не случайная стычка, а продуманное нападение. А операции такого уровня никогда не проводятся без санкции высшего командования.

– Отец не позволил бы такого, – сказал Родэк, но очень уж неуверенно.

– Ребята, мне скоро сорок. Я повидал больше вашего. И не такое бывает...

Денис усмехнулся:

– Конечно, куда мне, в двадцать три года, разбираться в таких тонкостях...

– Мне вообще восемнадцать, – произнес Родэк. – Но я, кажется, верю.

– У вас другие годы, длиннее. Мы ровесники.

В комнате наступило молчание. Родэк склонился над столом, с которого даже не были убраны остатки еды. Свет от свечей бросал на его лицо колеблющиеся тени. Денис рассеянно комкал в пальцах стеариновый комочек – свечку с торта. Свечка не уменьшилась, но погасла, как только прогорела столько же времени, как обычная свеча. «Выработала энергию», – разъяснил Родэк... Хосе молча от-

ковыривал кусочки шоколадной глазури с торта. Потом сказал:

– Примем, как рабочую версию, что твой отец, как и другие начальники Крепости, знал о готовящемся побоище. Согласен, что воевать с нами вы не собираетесь. Но ведь и за пару часов захваченный турбокондер можно очень хорошо использовать.

– Значит, я должен вас прятать, – спокойно сказал Родэк. – Но что потом будет с Крепостью, когда ты расскажешь своим о случившемся? Наложите штраф?

В его голосе дрогнула надежда. Хосе замялся:

– Не знаю. Возможно...

– А я знаю, – жестко произнес Денис. – Через год кончатся права Компании на исследование планеты. Сюда придут Объединенные Нации. Загадки Крепости разгадают, и Компания, которая живет только за счет получаемой здесь информации, разорится. Она бы и так разорилась три-четыре года назад, все к этому шло, не начни кочевники осаждать Крепость и не потребуйся семицветникам торговля.

– Ну и что? – вяло огрызнулся Хосе.

– А то, что погибни сейчас Крепость, Компания сможет неплохо просуществовать десяток-другой лет за счет выкачанной информации. – А ведь случившееся – прекрасный повод для удара!

– Вы можете уничтожить Крепость? – спокойно спросил Родэк. В разговоре он наверняка понял немного. Но самое главное для себя уяснил.

Денис фыркнул:

– Тоже мне, проблема. Смастерить термоядерную бомбочку, сунуть ее в метеоракету... Занятие на

неделю, если в запасе у Компании нет еще ничего подобного.

Хосе с ужасом смотрел на Дениса. Не сиди они по разные стороны стола, пилот ударил бы своего младшего и не в меру откровенного товарища.

– Значит, я должен вас выдать, – подвел итог Родэк.

Пилот опустил ладонь на рукоять бластера. Денис дернулся, вскочил с места.

– Прекрати! Без Родэка мы тоже обречены! Он по крайней мере ведет себя честно!

– Мы обречены в любом случае... – устало ответил Хосе. – Но лучше уж погибнуть в драке...

– Должен же быть какой-то выход, – отчаянно воскликнул Денис. – В конце-то концов, мы же не чужие, у нас общие предки. Ты понимаешь, Родэк, те, кто основал Крепость, прилетели сюда с нашей общей родины...

– Значит, и у нас были турбокондеры?

– Все у вас было. Только связь с Землей... с нашей родиной, нарушилась. И вся техника помаленьку пришла в упадок. Зато вы научились другому – магии, волшебству. И когда мы наконец нашли вас, то объяснить все это было трудно. Мы решили вначале разобраться в том, как у вас получаются чудеса.

– Для этого надо быть семицветником.

– Но почему? Ведь мы произносим те же заклинания.

– Надо быть семицветником. Наши способности передаются по наследству, поэтому у вас ничего не выходит.

Денис медленно повернулся к Хосе:

– Гениально... Они же жестко регламентируют браки этой своей цветовой гаммой, чтобы приобретенные способности не утрачивались. Вот так и закрепляются те способности, что нам кажутся сказочными.

– Возможно. Но нам-то это сейчас не поможет, пусть мы и разгадаем секрет Крепости!

Денис осекся:

– Ты прав.

Они посмотрели на Родэка, который, казалось, сосредоточенно обдумывал что-то. Наконец он поднял голову и неуверенно улыбнулся:

– Хосе, если я помогу вам обоим спастись, ты скажешь своим, что драка у турбокондеров началась случайно?

Хосе молчал. Заговорил Денис:

– Не поджигай Компанию сроки, она бы не обратила внимания на случившееся. А теперь может использовать смерть людей как повод. Если мы со временем опишем происшедшее как обоюдную драку...

– Но тогда главные виновники не будут наказаны!

– А если их накажут, то вместе с сотнями тысяч ни в чем не виноватых людей!

Хосе замолчал. Потом кивнул:

– Ладно. Я обещаю, что постараюсь представить все пьяной дракой. Но запомни, Родэк, с нашей стороны это – предательство.

– С моей тоже, – ответил Родэк. – А теперь слушайте, что мы будем делать. Ты говоришь, что улетевший турбокондер опустился рядом с Крепостью?

Хосе пожал плечами, достал рацию, включил. По комнате поплыл тонкий пульсирующий звук.

– Он километрах в двенадцати на юго-западе, судя по маяку.

– Мы выйдем из Крепости, и я доведу вас до турбокондера.

– Ты здорово рискуешь, – произнес Денис. – С нами-то кочевники не воюют...

– У меня есть свое дело среди кочевников, – сказал Родэк. Чуть поколебался и добавил: – Если честно, то без вас я не смогу выйти из Крепости – все ворота почему-то закрыли, а караулы усилили.

7. РАДУГА НАД КРЕПОСТЬЮ

Рассвет все не наступал. Наверное, небо за ночь затянули тучи... Дэктор отошел от окна, порылся в карманах, отыскивая тонизирующую сигаретку. Но в карманах не осталось ничего, кроме мелкого сора, обрывка бумаги, невесть откуда взявшихся хлебных крошек... Дэктор выругался. С минуту на минуту должен был прийти посыльный от Арта, с донесением, что пленные пилоты согласились помочь крепости. Но пока никого не было...

В дверь постучали. Дэктор облегченно вздохнул, произнес:

– Входите, я жду.

На пороге стоял едва знакомый стражник из охраны южной стены. Правильно, с чего бы это по-

сланник Арта мялся у двери, принеси он радостную весть. Видимо, какое-то мелкое происшествие, требующее, по традиции, решения начальника Стражи.

– Я слушаю.

Стражник ощутимо трусил. И Дэктор почувствовал смутную тревогу...

– Полчаса назад, у шестых ворот, – начал, наконец, стражник. И Дэктор вдруг понял. Его охватил ужас, похожий на тот, который он испытал давным-давно, увидев своего пятилетнего сына играющим отравленным кинжалом...

– ...трое, переодетые в одежду кочевников. Сказали, что отправлены в разведку. Согласно вашему приказу я приказал их задержать. Тогда...

Дэктор до боли сжал пальцы на рукоятке меча. «Если скажет, что убили, зарублю прямо здесь», – понял он вдруг.

– ...один из них достал оружие Летучего Народа и сжег двери. А когда они вышли из Крепости и мы бросились следом, эти трое вдруг стали... невидимыми.

Начальник Стражи вздрогнул.

– Иди, – безучастным голосом приказал он.

Стражник торопливо вышел. А Дэктор достал из стола карту. Надо послать один отряд на выручку... Два других бросить в бой на северном направлении, чтобы отвлечь врагов... Но как сын умудрился сговориться с Летучим народом? Как? И как они стали невидимыми *все вместе*?

Ты виноват сам. Не надо было давать сыну Охранителя. Активированное энергетическое поле со свободной программой способно и не на такие фоку-

сы. А люди Летучего Народа были в эмоциональном резонансе с твоим сыном. Вот их и прикрыло невидимостью.

Дэктор стремительно обернулся на знакомый язвительный голос. И выронил карту из дрожавших рук.

У противоположной стены стояли Желтый, Зеленый и Синий Рыцари. Золотая кольчуга Желтого, травянистый шелк Зеленого, аквамариновый плащ Синего яркими пятнами расцвечивали серую драпировку кабинета.

– Жалко, что теперь, когда нет тайн и заговоров, мы не можем вмешаться в происходящее, – сказал Синий.

Дэктор почувствовал, что его словно продувает холодным ветром. Насквозь. И не утаишь ни одной мысли.

– Но шанс еще есть, хотя он и зависит не от нас, – продолжил разговор Зеленый. – Сейчас ты пойдешь на Каменную Плешь, к турбокондерам. И будешь ждать.

– Ты умен и расчетлив, Дэктор. И действительно хочешь Крепости блага. Но тебе чего-то на хватает. Доброты, наверное... – произнес Желтый.

По комнате пробежала волна холодного воздуха. Рыцари исчезли.

Начальник Стражи обвел взглядом кабинет, прощаясь со знакомой до последней мелочи обстановкой. Пристегнул тяжелый боевой меч вместо позолоченной игрушки, положенной ему по должности. Умирать надо без мишуры. Честно.

Небрежный и неодолимый приказ Зеленого Рыцаря вел его к Каменной Плещи.

* * *

То, что их не видят, они поняли не сразу. Лишь после того, как конный дозор – шестеро всадников на маленьких косматых лошадях – проехал в двух шагах от зазевавшегося Родэка, даже не посмотрев в его сторону, Денис спросил, не его ли это штучки. Но Родэк не ответил.

Через несколько минут они уже осмелели до предела. Открыто шли мимо дремавших на земле лучников (колчаны со стрелами и луки те составили в маленькие пирамидки, совсем как охранники на базе оставили свои десинаторы), мимо рассеявшихся кружком и гортанно переговаривающихся темнокожих наемников, мимо больших пестрых шатров с застывшей у входа охраной.

Кочевников было много. Лишь теперь Денис увидел противостоящую Крепости силу, закрученную водоворотом бесконечной войны людскую массу. Мимо него проходили измученные, плохо одетые, с налетом привычной озлобленности на лицах солдаты... да нет, не солдаты, а оторванные от своих семей, своих дел скотоводы и землепашцы, охотники и рыбаки. Что собрало эти разрозненные, воюющие больше между собой, чем с Крепостью племена в одно полудикое, но грозное войско, что заставляло снова и снова бросаться на штурм?

Они шли к турбокондери почти по прямой, пробираясь через все новые и новые отряды. По ним скользили равнодушными взглядами нередкие часовые, не обращая внимания на мелочи в одежде, кото-

рые неизбежно должны были насторожить охрану. И когда сквозь затянувшие небо тучи стал пробиваться жидкий, серенький рассвет, они увидели турбокондер.

Окруженная сотней пеших и конных кочевников, машина стояла на четырех выдвижных опорах, словно затравленный металлический зверь. Ко всем выступающим из корпуса частям были привязаны толстые веревки, крепящиеся к вбитым в землю кольям. Открытый люк затягивала мерцающая пленка защитного поля, а на земле под ними еще дымились угли – кочевники пытались выжечь непонятную преграду. За переливающейся защитой угадывалась неподвижная человеческая фигура, растянувшаяся на полу шлюза.

Хосе достал бластер, вопросительно взглянул на Дениса. Один выстрел – они раскидают охрану и скроются в турбокондере.

– Подождите, – торопливо сказал Родэк. – Вначале я уйду... Мне надо найти здесь друга, которого взяли вчера в плен. Только не забывайте наш уговор!

– Мы помним, – кивнул Хосе. – Подожди! Переведи, о чем они говорят?

Возле люка турбокондера сейчас стоял высокий мужчина в одежде из порядком перепачканной, но яркой красной ткани. За ним замерли два темнокожих наемника. Мужчина, наверняка вождь какого-то племени, громко выкрикивал непонятные фразы, потрясая иногда в воздухе рукой. Обращался он то ли к мертвому за комингсом люка, то ли к самому турбокондере.

– Он говорит, – нахмурился от напряжения Родэк, – что сейчас они приведут сюда пленных, которых Летучий Народ просил сохранить живыми. И еще говорит... удивляется... – Родэк повернулся к Денису, машинально продолжая переводить, – почему Летучий Народ не торопится выгружать свои дары... как раньше... Гады! Гады! Вы же их сами на нас натравливаете! Гады!

– Родэк, я не знал, мы не знали об этом... – немея от ужаса и чудовищного, нестерпимого стыда, закричал Денис. – Мы не знали!

И почувствовал, как, изменилось что-то в окружающем мире. Стоявшие рядом кочевники обернулись, удивленно уставились на взявшихся невесть откуда людей, в такой же, как у них, кожаной одежде, но с непривычно короткими волосами и странным оружием, кричавших что-то в пустоту на непонятном языке. Невидимость землян исчезла.

– Стреляй, Хосе, – крикнул Денис, бросаясь к ближайшему воину. Сбил его, не успевшего еще опомниться от неожиданности, вырвал меч – короткий, неудобный, не то что мечи жителей Крепости... Ударил кого-то. За спиной щелкнул бластер, и ослепительный луч подкосил сразу нескольких кочевников.

Все заняло считанные секунды. Из-за турбокондера вдруг вышли несколько здоровых, весело о чем-то гогочущих наемников. На коротких веревках они вели перед собой двоих едва переставляющих ноги парней – в разорванной одежде курсантов Крепости. Родэк крикнул, выхватил меч и метнулся к ним. Пе-

рерубил веревки, замер в боевой стойке, преграждая врагам дорогу. Денис и Хосе уже оказались рядом с турбокондером, туда же бежали пленники со связанными на спинах руками. Денис первым проскочил сквозь поле, метнулся к пульту, перепрыгнув через неподвижное тело Шона. Огромная лужа запекшейся крови не оставляла надежд, что он может быть жив.

В люк запрыгнул Хосе, через мгновение, когда выключенное Денисом поле уже угасало, – оба пленника. Один тут же опустился на пол – под лопаткой у него крепко сидела костяная рукоять ножа. Оранжевая куртка быстро начала алеть.

Обернувшись, Хосе увидел Родэка, который медленно отходил к турбокондеру, отбиваясь от наседавших врагов. Пилот встал поудобнее, и, сжав бластер обеими руками, выпустил весь заряд. Между Родэком и кочевниками встала в небо дымная огненная стена. Для кочевников это было уже чересчур. Бросая оружие, они разбегались в разные стороны.

Родэк едва успел оказаться внутри машины, как Хосе закрыл люк. Прислонился лицом к холодному, надежному металлу, постоял, придя в себя. Вошел в рубку, где уже сидел в кресле первого пилота Денис. Родэк в крошечной шлюзовой склонился над раненым, повторяя то его имя «Динк», то бормоча – беспомощно и обиженно, как ребенок: «Гады, гады...»

Денис включил двигатели, секундой позже, даже не дожидаясь выхода в рабочий режим, дал полную тягу. Хосе невольно потянулся к штурвалу, готовый перехватить управление. Но Денис вел турбокондер

как опытный пилот. Они вертикально поднялись на несколько километров, машина развернулась рубкой к Крепости. Над сказочным городом, придавленным низкими тучами, вставала ослепительная радуга. От восточной стены до западной, над главной дозорной башней, под самым донышком облаков. Семь полос чистых, насыщенных тонов – на Землю такую радугу встретишь только на детских рисунках.

– С чего бы это... – Денис взглянул на Хосе. – Что теперь делать?

Хосе не ответил, и Денис продолжил сам:

– Если уж Компания шла на такое... Наши сказки об общей вине их не остановят. Они сметут Крепость. Нужно что-то другое, такое, к чему они не смогут придаться. В гибели экипажей надо обвинить кого-то другого.

– Кого? Не кочевников же!

– Нет...

В кабину вошел Родэк.

– Динк умер, – ни к кому не обращаясь, сказал он. – Я не смог помочь. И Крепости помочь не смогу тоже. Это как расплата – ваши правители тайком убивали нас, а наши – вас. – Он посмотрел на экран, удивленно нахмурился: – Странно... Такая радуга бывает, лишь когда все Рыцари соберутся вместе.

– Кто они все-таки, Рыцари? – спросил Денис. – Хочется все-таки узнать. Я же с детства в них играл.

Турбокондер медленно приближался к Крепости.

– Маги. Люди, достигшие высшей власти над природой в своем цвете.

Родэк помолчал. Тихо, нараспев, заговорил:

– Семь цветов... Сила и воля, сомнение и Доброта, знание и воображение, трудолюбие... И ничто не может помочь.

– Хосе. Турбокондеры и экипажи погибли случайно. Понимаешь? Ты подтвердишь это... – Денис повел турбокондер на снижение.

– Что подтвердить? – не понял Хосе.

– Увидишь.

Машина зависла над стеной. Пятиметровой ширины каменный гребешок был не слишком удобным местом для посадки.

– Открывайте люк и выметайтесь. Ну?

Хосе посмотрел на Дениса и вздрогнул.

– Выметайтесь!

В глазах Дениса мелькнула ярость. Хосе схватил Родэка за руку и потянул за собой. В шлюзе они вместе со вторым пленником подхватили тело Динка, открыли люк. До стены было не больше метра, и Хосе с удивлением осознал, что Денис великолепно пилотирует сложную в управлении машину.

Они спрыгнули на стену, прямо в подставленные руки стражников. Денис, наверное, наблюдал за ними, потому что турбокондер сразу же поднялся – медленно, плавно. Их обдало горячим, обжигающим воздухом из двигателей, потом турбокондер резко пошел вверх.

Хосе огляделся. Взглянул на Каменную Плешь – там стояли четыре машины и было много, очень много людей. Посмотрел на дозорную башню – и увидел на верхней площадке треугольничек челове-

ческих фигур, яркий, разноцветный. Почему-то Хосе знал, что на башне семеро.

– Рыцари... Маги... – прошептал он. – А мы люди... И нас не семь – нас миллиарды цветов.

Над головой хлопнуло. Турбокондер свечой дырявил небо, преодолевая звуковой барьер, все уменьшаясь и уменьшаясь. Вонзился в тучи, исчез.

– Он поднимется километров на пять, – шептал Хосе. – Надо еще не забыть про «черный ящик», его можно выжечь лазером. Справа от пульта... А теперь штурвал от себя, и реактор на форсаж.

В небе нарастал гул. Но вот под облаками свернула точка, опоясанная светящимся выхлопом. Белый инверсионный след тянулся за ней к земле. Турбокондер падал на Каменную Плешь. Фигуры на башне подняли руки, заслоняясь плащами. А может быть, не только заслоняясь...

– Отвернись, – сказал Родэку Хосе. – Сейчас будет очень яркая вспышка.

ЭПИЛОГ

Мифы народов разных планет. Том шестой, глава 3, стр. 67.

«...каждый цвет радуги символически означает одно из человеческих качеств. Кроме основных семи цветов, видимых глазом и доступных, как считается, каждому, выделяют еще ряд оттенков, обозначающих более редкие качества. Например, восьмой цвет радуги означает самопожертвование...»

Первые рассказы – это, конечно же, проба пера. Маленький объем зачастую скрывает техническую слабость автора, неумение подобрать нужные слова, описать персонажа. Маленький рассказ может держаться на одном лишь сюжете или неожиданной развязке (превращаясь, конечно, в рассказ-анекдот) и это спасает неопытного автора.

Вот некоторые старые рассказы, которые не публиковались уже очень давно... или вообще никогда.

ПРЕДАНИЕ О ПЕРВОМ АТЕИСТЕ

Тема космической экспедиции, застрявшей на другой планете и одичавшей до первобытного состояния, была весьма популярна в фантастике шестидесятых годов прошлого века – когда считалось, что космические корабли вот-вот начнут бороздить просторы галактики. Наверное, этот рассказ прилично смотрелся бы в сборнике тех времен – или на последних страницах журнала «Вокруг света», где в ту пору традиционно печатали короткие фантастические рассказы. Для такого простого анекдота этот рассказ, быть может, еще и затянут.

Если не ошибаюсь – никогда не издавался.

...В то утро молодой воин по имени Рэн, что означает Зимнее Солнце, пришел к вождю. Подчеркнуто-уверенным жестом он отстранил стражника и вошел в шатер.

Вождь завтракал. Его младшая жена, тринадцатилетняя Химра, подавала вождю блюда с вяленным мясом и солеными плавниками змееголовов. Вождь поднял на Рэна тяжелый, ничего хорошего не обещающий взгляд. Даже в прохладном сумраке шатра Рэну стало жарко. Но он продолжал стоять.

– Я завтракаю, Рэн, – сказал наконец вождь. Он вытер жирные пальцы о волосы старшей, нелюбимой жены, спящей у его ног, и потянулся за чашкой с отваром болотной лилии.

– Приятной еды вождь! Я не могу ждать, – тихо, но твердо сказал Рэн. Вождь поднял брови, повернулся к нему.

– Говори, охотник.

Рэн вздрогнул от оскорбления, но сдержался.

– Да, вождь! Я охотник! А племя голодает! Женщины варят кору черных тополей, ты знаешь об этом?

– Я все знаю, Рэн! Зачем ты пришел?

– В низине, что у поворота реки, братья Крэс и Трин видели спрута. Он спит на берегу, в ста шагах от воды!

Вождь вскочил. Ноздри его раздувались, руки дрожали. Химра с визгом отскочила в угол. Старшая жена проснулась и поползла к выходу.

– И ты смеешь говорить мне об этом? Сын шакала! Почему ты еще не там со всеми своими воинами?

– Великий вождь, ведь ты знаешь все, – вкрадчиво начал Рэн. – Сегодня день двоелуния. С восхода и до заката зеленого солнца воины будут крутить Колесо Памяти в пещере шамана.

Вождь застыл с полуоткрытым ртом. Обвел шатер диким взглядом. Изо всех сил пнул старшую жену. Та пискнула и поползла быстрее.

– Великий вождь, может быть шаман... – начал Рэн. Но вождь не дослушал. Он схватил копье и бросился к двери. Рэн проводил его насмешливым взглядом, потом схватил с блюда один плавник и бросил его в рот. Не удержавшись от искушения, ущипнул старшую жену вождя. И побежал за ним следом.

Вождь ворвался в пещеру подобно порыву урагана. Огромное пространство освещалось несколькими кострами. Трое полуголых подростков непрерывно подбрасывали в них смолистые сучья. А посреди пещеры, на толстой деревянной оси, крутилось грубо сколоченное Колесо Памяти. Десятка три молодых мужчин вращали его, крепко вцепившись в отполированный их руками обод.

– Шаман! Где ты, сын шакала и внук змееголова!

Старик в серебристой накидке из чешуи спрута казался и не заметил вождя. Он продолжал говорить нараспев, обращаясь то ли к вращающим колесо, то ли к самому себе.

– ...И тогда великий бог по имени Наука велел своим детям: постройте большую лодку и плывите по небу. А когда увидите вы шесть островов, то возьмите с каждого по глотку воды, по куску скалы и по дыханию воздуха... А после шестого острова плывите домой... Но возгордились дети великого бога! Решили они посмотреть и седьмой остров. И разгневались тогда на них духи добра и зла. Налетела лодка на скалы, и навсегда осталась возле седьмого острова. А люди попрыгали в воду и доплыли до берега. Но каждое двоелуние, когда виден над головой пламенеющий дом великого бога, должны они крутить Колесо Памяти. И настанет день, когда великий бог услышит их зов...

– Замолчи, проклятый болтун, чье дыхание нечисто!

Вождь подскочил к шаману и сильно потрянул его. Воины, не переставая вращать Колесо, смотрели

на них. Появившийся у входа Рэн с любопытством разглядывал Колесо. Он редко бывал в пещере шамана.

– Зачем ты пришел, вождь? – тихо спросил старик.

– Люди голодают! Воины не будут крутить Колесо, они пойдут на большую охоту. Я сказал!

– Нет! Боги накажут тебя!

– Боги? Где же они? – Вождь смачно плюнул на Колесо и замер, испугавшись собственной смелости. Но ничего не случилось.

– Где твои боги, шаман?

– Они далеко. Но...

– Их нет! Нет богов! Ты сам выдумал их, чтобы получать лучшие куски мяса!

Старик покачал головой. Сказал с удивлением:

– А ведь ты внук капитана! И ты был уже большим, когда у нас еще оставались вездеходы, и бластеры, и...

– Хватит! – вождь вскинул копьё и, не владея больше собой, ударил. Старик осел на пол пещеры. Поднял было голову, стараясь что-то сказать, но не смог. Дернулся и уткнулся в утрамбованный босыми ногами песок.

Воины торопливо расхватили свои копья, воткнутые у входа, и побежали за Рэном. Их ждала большая охота. Ученики шамана жались в углу, не решаясь даже подойти к убитому. А вождь взял камень поувесистее и пошел вглубь пещеры, туда, куда вели натянутые на обод Колеса ремни. Неуклюжую самодельную динамо-машину он сломал

сразу. А вот с аварийным передатчиком пришлось повозиться. Но и тот не устоял против справедливого гнева вождя.

На ближайшую тысячу лет с подобными суевериями было покончено.

НАРУШЕНИЕ

Это самый первый мой опубликованный рассказ (не путать с первым написанным – «За лесом, где подлый враг»). Выходил он в журнале «Заря» в 1986 году, публиковался на русском и казахском языке. Первый мой перевод «на иностранный язык», точнее, в ту пору, «на языки народов СССР».

В какой-то мере рассказ – предтеча «Тринадцатого города». Стальной муравейник-город, пытающиеся оттуда сбежать люди, робот-убийца, посланный за ними... И где я всего этого нахватался? Для западной фантастики тема вполне банальная, но в СССР такое не жаловали. Видимо, боялись возможных параллелей.

...Сигнал пришел из третьего сектора. Отчетливый сигнал – несанкционированное передвижение. В таких случаях следует ждать тридцать секунд – если это ошибка, то человек успевает вернуться. Но сигнал не исчез.

Я вышел из дежурки. Пошел по коридору – вначале медленно, а потом все быстрее. Нарушитель не уйдет, я знаю, но рисковать не стоит. Где-то в глубине сознания пульсирует канал связи с координатором. Я почти ощущаю ту скорость, с которой машина обрабатывает информацию.

«ВОСЬМОЙ ЯРУС ТРЕТЬЕГО СЕКТОРА.
ВТОРОЙ ЭТАЖ, КОРИДОР № 12.
СКОРОСТЬ ДВИЖЕНИЯ ОКОЛО СЕМИ
КИЛОМЕТРОВ В ЧАС.
ДВОЕ. ЛИЧНЫЕ НОМЕРА СТЕРТЫ».

...Вот теперь я развил максимальную скорость. Потолочные лампы слились в мерцающие белые полосы, редкие рабочие ночной смены шарахаются к стенам коридора. Их двое. Что ж, случай, похоже, заурядный. И еще – они сумели стереть свои номера. Значит, им лет двадцать, не меньше. А я думал, школьники – они тоже часто бегут вдвоем... Координатор снова и снова обрабатывает прежнюю информацию. Что он там собирается найти? Впрочем, это не мое дело... Я должен найти нарушителей.

Прыжок в медленно сходящиеся двери лифта. Успел. Не мог не успеть – все было рассчитано точно. В лифте всего трое. Смотрят со страхом, хоть и стараются улыбаться. Ничего, привык. Привык...

«ВОСЬМОЙ ЯРУС ТРЕТЬЕГО СЕКТОРА.
ПЕРВЫЙ ЭТАЖ, КОРИДОР № 367.
СКОРОСТЬ ДВИЖЕНИЯ ОКОЛО ПЯТИ
КИЛОМЕТРОВ В ЧАС.
ВОЗРАСТ – 18 ЛЕТ».

Я уже на восьмом ярусе. Теперь к шахте внутренних перевозок, быстро... Значит, им восемнадцать? Правильно, завтра день торжественного бра-

косочетания молодежи... Символ их вступления во взрослую жизнь. И хоть расчеты всегда безупречны, но находятся недовольные. Иногда бегут... Почему? Часто стараюсь это понять.

**«СЕДЬМОЙ ЯРУС ТРЕТЬЕГО СЕКТОРА.
ДЕВЯНОСТО ШЕСТОЙ ЭТАЖ, КОРИДОР № 4.
СКОРОСТЬ ДВИЖЕНИЯ ОКОЛО ЧЕТЫРЕХ
КИЛОМЕТРОВ В ЧАС».**

Устали... Устали, беглецы. А я не устану, вот сейчас спущусь на ярус ниже и... А как они умудрились перейти из яруса в ярус? Ведь это не простой фотоблок на этажах...

**«СЕДЬМОЙ ЯРУС ТРЕТЬЕГО СЕКТОРА.
ДЕВЯНОСТО ПЯТЫЙ ЭТАЖ, КОРИДОР № 14.
СКОРОСТЬ ДВИЖЕНИЯ ОКОЛО ДЕВЯТИ
КИЛОМЕТРОВ В ЧАС.
ЭНЕРГИЯ В ЛИФТОВЫХ ШАХТАХ
ОТКЛЮЧЕНА.
ПОЛЬЗУЙСЯ ЛЕСТНИЦАМИ».**

Испугались. Почувствовали что-то... Ничего, я уже рядом. Совсем рядом.

**«МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ПРЕЖНЕЕ.
ОБЪЕКТЫ НЕПОДВИЖНЫ.
ВНИМАНИЕ: МЕЖЯРУСНЫЙ ТУРНИКЕТ БЫЛ
ВЫВЕДЕН ИЗ СТРОЯ ЭНЕРГОРАЗЯДОМ
ВЫСОКОЙ МОЩНОСТИ».**

Координатор не добавляет: «Будь осторожен». Я говорю это себе сам. Потом пересекаю перекресток и вбегаю в четырнадцатый коридор. Здесь пусто – наверное, этаж законсервирован. Я убыстряю бег до предела, главное – внезапность. Последний поворот – и они оказываются передо мной. Стройный высокий парень в комбинезоне и темноволосая девушка в голубом платье. Она сидит на полу, парень склоняется над ней. Кажется, у нее что-то с ногой. Ну и прекрасно... Но парень все-таки успевает повернуться. Он тянет из кармана маленький блестящий предмет и делает шаг в сторону, заслоня девушку. Пожалуй, сосредоточься он на одном действии, у него был бы шанс успеть...

Я прыгаю. Парень успел, он заслонил девушку. Какая разница... Я даю разряд, и ослепительная белая искра бьет вперед, прямо в кармашек на сером комбинезоне. Энергии должно хватить на двоих, у меня уже были такие случаи. Так и есть, хватило.

Я иду обратно по коридору. Теперь можно и не спешить, дело сделано. Утром их подберут и покажут всему этажу, с которого они сбежали. Три дня их неподвижные тела, обтянутые специальной пленкой, будут висеть в зале собраний. Наверное, с месяца будет тихо. А потом новый побег. Почему?

Не могу понять. Они сыты. Одеты. Их вовремя ремонтируют... то есть лечат. Зачем им бежать, ведь они знают, что еще никто не покидал Город. Зачем?

Я всего лишь машина. Шесть лап, грубое подобие головы... А мозг упрятан под толстой туловищ-

ной броней. Меня зовут Механическим Псом, и меня устраивает это имя. Меня все устраивает. Но одного я не могу понять – почему они бегут? Почему?

**«ТРЕТИЙ ЯРУС ВТОРОГО СЕКТОРА.
ШЕСТОЙ ЭТАЖ, КОРИДОР № 3.
ОБЪЕКТ ОДИНОЧНЫЙ».**

Вначале следует выждать тридцать секунд...

ЧУЖАЯ БОЛЬ

Это уже более поздний рассказ. Пожалуй, это 1987 год. Я и рассказы стал писать более длинные, и героев пытался сделать более живыми. Ну и постепенно нащупывал те темы, которые потом копал в разные стороны... да и до сих пор копаю. Вполне благополучный мир, утративший моральные нормы и превративший все «в игру». Тема, кстати, потом разрабатывалась разными авторами и в разной форме. Впрочем, и я сам вряд ли изобрел этот велосипед. Просто «в воздухе витало». Выходил в журнале «Заря».

Она спускалась по горному склону. Легче ветра, быстрее стрелы... Казалось, что девушка летит, так стремительны были ее движения по едва заметной тропинке.

Он видел ее всю: густой, темный мед волос, разлитый по плечам, хрупкость тоненькой фигурки под красно-сине-белой блузкой, раздувающейся невиданным флагом, загорелые, исцарапанные ноги, уверенно находящие опору... И серый, ждущий металл в пистолетной кобуре. Он еще раз порадовался тому, как удачно выбрал место для засады: в тени густых, старых деревьев, на противоположном склоне, невидимый для нее, спокойный, уверенный, ждущий...

Один раз девушка остановилась, держась за бугристый, высунувшийся из песка корень. Оглянулась,

вбирая в себя весь этот жаркий день, колышущийся солнечный диск, лес, горы, медленные речушки и крошечные озера до самого горизонта... Потом она взяла поудобнее ждущую серость и стала спускаться дальше.

У него затекла рука. Тощий, суетливый муравей недоуменно посмотрел на него с верхушки травинки. Дурак... Девушка на горном склоне легла в полукруг прицела, палец осторожно нащупал курок. Стоит лишь нажать... Игра длилась три дня, и сейчас он получит заслуженную победу...

Ему вдруг представилось то, что сейчас случится. Огненный факел, летящий вниз, тяжело натыкающийся на камни... Мед волос, и разноцветные одежды, и дерзкий, уверенный взгляд – и все это исчезает, превращается в крик, гаснущий в небесной голубизне, в облачко дыма, запутавшееся в ветвях деревьев...

Он вскочил, отбрасывая то, ждущее, что дремало в его руках. И закричал, долго, изо всех сил:

– Ка-а-а-атя!

Девушка на склоне прыгнула за камни. И как не сорвалась... Мелькнули в воздухе сбитые подошвы кроссовок, она прокатилась по земле, замерла за камнями...

– Стой!!!

Камень дернулся, раскололся на куски, разлетелся неторопливым, увесистым градом. А из центра этого града ударила молния – точный, неотвратимый выстрел. Он еще не успел осознать случившегося, а каждая клеточка тела уже взвыла, выплеснула по нервам переполнявшую ее боль.

«Я горю...»

Он прокатился по траве, словно пытаюсь сбить с себя липкую, пылающую, жадно ползущую внутрь смерть.

«Проиграл».

Рот сам раскрылся в крике. И мгновенно, отзываясь на этот крик, вспыхнули, вывернулись наизнанку легкие.

«Боль... Выключить боль...»

Пока глаза еще могли видеть, он силился повернуться в сторону девушки. Но это длилось недолго.

«Почему я не убираю боль?»

Огненный факел на порыжевшей траве...

Сознание вернулось к вечеру. В небе проклевывались звезды, дул прохладный ветер, и после пережитого это было чертовски приятно. Он поднялся, брезгливо морщась смахнул с тела жирный вонючий пепел. Зачем-то посмотрел на давно опустевший склон. И пошел к дому по колкой сухой траве.

...Она пила чай на веранде. Грубый дощатый стол искрился от десятка хрустальных вазочек с вареньем. Давняя Катина слабость. Взглянув на него, она лишь покачала головой.

– Иди мойся.

Он долго мылся, прямо в саду, под самодельным душем. Над верандой покачивалась лампа, в бестолковом восторге звенели комары... Несколько раз он выглядывал за дверь. Но Катя все еще пила

чай. Обмотавшись полотенцем, он вышел из деревянной кабинки, прошлепал по дорожке, намереваясь скрыться в доме...

– Дэн!

Он остановился.

– Давай поговорим.

Ну разумеется... Он молча уселся рядом.

– Зачем ты это сделал?

– Что?

Они с любопытством смотрели друг другу в глаза.

– Ты понимаешь сам.

– Абсолютно не понимаю.

– Ты не убрал боль.

Он надеялся, что Катя скажет это по-другому. С раздумьем, например: «Ты не убрал боль...» Или с удивлением: «Ты не убрал боль?» Или хотя бы с возмущением: «Ты не убрал боль!» А это было просто сообщение: «Ты не убрал боль».

– Ну и что? – он спросил с внезапным ожесточением. – Испортил тебе радость победы?

Катя передернула плечами:

– Это было мерзко! Такой крик...

Глупый комар подкрался к ней сзади. Осторожно вытянул хоботок, целясь проткнуть нежную кожу... Дернулся, отчаянно зазвенел крылышками. И почти мгновенно всосался в кожу. Хоботок, крохотная пустая голова, такое же пустое брюшко, длинные тощие ноги...

– Это действительно мерзко.

Он проговорил подчеркнуто, вслух, а не про себя. Закрыв глаза. Бесплезная привычка, из тех полу-

забытых детских лет, когда люди еще не умели видеть сквозь века...

– Мы с тобой вместе два месяца, Дэн.

Два месяца. Шестьдесят четыре дня, если точнее. «Девушка, мы с вами нигде не встречались?» Любопытный, оценивающий взгляд. «Пока нет!»

– Ты какой-то странный, Дэн.

Угу. Неоригинально. Не ты первая заметила. В этот раз я еще долго продержался. Шестьдесят четыре дня...

– Помнишь, что ты натворил в Майданеке?

Помню. Сорвался, вышел из роли. Бросился на эзэсовцев с голыми руками. И игра-то называлась «Вооруженное восстание». Все аж ошалели...

– Ну чего ты молчишь? Может быть ты не любишь Игру?

Интересно, как это можно, не любить Игру. Не любить всю свою жизнь, не любить весь мир... Как это можно...

– Да, не люблю!

Он удивился своим словам. А она – нет.

– Дэн, почему ты не выстрелил в меня?

Он пошевелил пальцами, словно нащупывая чью-то невидимую руку.

– Я представил как ты... как ты умрешь. И мне стало страшно.

– Но это же игра! Ты боишься, что не сработает регенерационная система?

– Да нет, это невозможно... А зачем мы вообще играем?

Она прищурилась, разглядывая его лицо, словно в первый раз...

— А что еще делать?

Действительно. Делать вид, что управляешь машинами и заводами, которые давно не нуждаются в управлении? Сидеть в лаборатории, пытаясь научить человека видеть не только в инфракрасных, но и в ультрафиолетовых лучах? Или ждать очереди на колонизацию очередной планеты? Там Игра станет реальностью.

— Я не знаю. Но с чего она началась, Игра?

Она пожала плечами. С того, что люди обрели бессмертие, наверное. Игра — это жизнь. Что является основной чертой жизни? Стремление убить. Что является основной чертой Игры? Стремление убить. В инсценировке — на Перл-Харборе, где кипит вода, и в сотый раз тонут корабли, и падают ведомые смертниками бомбардировщики, на Курской дуге, где танки спекаются с землей и кровью в один сплошной черный ком, в Хиросиме, где снова и снова вспыхивает пламя атомного взрыва...

Но ведь когда-то, в первый раз, это не было игрой! Они не могли играть, умирая по-настоящему! Их вело в бой что-то другое! Они бросалась на колючую проволоку концлагерей не потому, что это очень интересно! И ведь Дэн почувствовал, почти ощутил это неведомое, непонятное, когда в прекрасной инсценировке «Майданек» смотрел на сытых, откормленных эсэсовцев, избивающих детей... Он бросился вперед не потому, что хотел испортить игру, соригинальничать. Он просто не мог иначе. Он почти понял! А они не хотят или уже не могут понять. Слишком долго длилась Игра.

Дэн посмотрел на нее. И прочел в глазах то, что совсем не обязательно говорить словами.

«Игра – это жизнь. Играй живя, живи играя. Это не больно – боль в твоей власти. Это не страшно – ты умирал сотни раз и столько же раз воскресал. Убивай! Это только игра! Это весело! Машины, которые умнее тебя, воскресят брненное тело, уложат на прежнее место, вложат в руки новое оружие. Играй! Не повезло сейчас – повезет в следующий раз! Кто хочет сыграть в Чингисхана? Кандидатуру на роль Гитлера, побыстрее! Экипаж «Энолы Гай»! Играем! Майданек, Освенцим, Хатынь, Сонгми! Играем!»

Она встала из-за стола. Волосы, цвета густого меда, упали на плечи, белое платье – флаг несостоявшейся капитуляции – обрисовало фигуру.

– Я улетаю утром, Дэн. Вызови машину в семь, будь добр.

Добр. Будь добр... Она пошла в глубь сада, обернулась.

– Я посплю в жезлонге. А ты дурак, Дэн. Игра – это единственное, что придает смысл жизни. Она в нашей крови...

Ждущая серость, забытая ею на стуле, обожгла руку. Он поймал белое платье в полукруг прицела. Затаил дыхание. И нажал на спуск.

Факел вспыхнул в ночи, осветил сад, и бревенчатый дом, и посыпанные песком дорожки. Он остался сидеть в кресле, пока земля возле черной горстки пепла не зашевелилась. Вынырнуло тупое рыло реанимационного робота. Приполз... Миг – и машина

превратилась в полтонны оплавленного железа. Он прошелся по саду, захохотал:

– Игра? Верно! Будем же играть!

Второй робот прилетел через шесть минут. Спланировал из-за деревьев... Он прицелился, выстрелил, произнес, как аксиому:

– Ни один робот не причинит вреда человеку. Будем же играть!

На стенах его дома висел богатый арсенал. Он выбрал несколько штукovin поувесистее и повнушительнее. Перекусил, поглядывая на пепел. Третий робот пытался прикрыться защитным полем. Но нейтринный луч пробил поле.

Его убили к вечеру второго дня. Дом штурмовали морские пехотинцы, зеленые береты, самураи династии Тан и бригада СС из дивизии «Мертвая голова». Они умирали, воскресали, и шли в бой снова. А он стрелял, зная, что уже выведен из памяти регенерирующей системы...

Дюжий десантник пнул носком ноги его жалкое, искромсанное ранами тело. Выругался, спросил:

– А как та девушка, из-за которой все началось?

– Откачали, – ответил кто-то. – Еще поиграет.

Она стояла совсем рядом. Смотрела на молчаливую толпу, поблескивающую самым разным оружием. И читала во всех глазах один и тот же вопрос, его вопрос... «Зачем мы играем? Что такое Игра?» Шаг. Еще шаг. Она склонилась над Дэном, коснулась его лица:

– Ты победил...

Кто-то за спиной прошептал:

– Странно – не любил Игру, а единственный сыграл по-настоящему...

Размахнулся и отбросил ждущую серость, цепляющуюся за руки...

ПРОФЕССИОНАЛ

Рассказ-анекдот в характерной его форме. Сюжет наложен на апокалипсический мир, то ли постъядерный, то ли угробленный мирным трудом человечества. Тоже примерно 1987 год. И, пожалуй, для того времени все это придумывание и торговля виртуальной реальностью для эскапистов – вполне незаезженная тема. Публиковался в казахстанских газетах.

У меня прекрасная работа. Самая лучшая в мире, тут меня никто не переубедит. Впрочем, никто и не будет спорить...

Мы сидели на склоне холма. Жаркое июньское солнце гладило нас своими ласковыми лучами, ветерок нес целое море запахов. Мятлик пах легко и едва уловимо, полынь взрывалась горькой, звенящей нотой, ромашки разливали в воздухе сладкий, спокойный аромат.

– Как это чудесно, Рич... – еле слышно сказала девушка. Она запрокинула голову, подставляя лицо солнцу. На бледной бескровной коже впервые за весь день появился робкий румянец.

– Что чудесного-то, – грубовато ответил я. Всегда, когда приходится разговаривать с такими красивыми девушками, пусть даже и горожанками, я начинаю хамить. Это от смущения, наверное. У нас тут

девчонок мало, я за свои двадцать лет видел не больше десятка.

– Как что?! – искренне удивилась она. – Этот воздух... такой сладкий и чистый. Я, наверное, могла бы питаться только этим воздухом.

– Насчет питания, это вы зря, – немного обиделся я. – Сейчас придем домой, мама закатит для вас настоящий пир. Братишка наловил рыбы, будет уха. Па вчера подстрелил оленя...

– Оленя? Это тот забавный зверек, что прыгает по деревьям?

– Это белка! – захохотал я. – Олень, это совсем другое!

Девушка смутилась. Мне даже стало немного стыдно своего смеха. Конечно, откуда она знает, что такое олень...

– Знаешь, Рич, – словно отвечая на мои мысли, проговорила девушка. – У нас, в Городе, кроме крыс ничего живого не осталось. Да еще люди, пожалуй. Мы еще выносливее...

Она замолчала. Я знал, какие картины проносятся сейчас в ее памяти. Мрачный, затянутый смогом город. Прохожие в респираторах, одиноко бредущие по покрытому грязью тротуару. Автомобильные колонны, стелющие сизый вонючий дым. Едкий дождик, накрапывающий с неба. Покрытые корками окислов стекла в окнах. Уродливые детишки, играющие во дворах – без всяких респираторов, они уже приспособились к этому миру...

– Я и не знала, что еще сохранились такие чудесные места, как здесь. Леса, горы...

– Тс-с-с! – я привстал, скидывая с плеча карабин. Из леса вышел олень – прекрасный, огромный олень, с хищно раскрытой пастью, вздыбленной черной шерстью, нервно стегаящий по спине хвостом. Я поймал его в прорезь прицела...

Маленькая, уютная студия телецентра казалась нереальной после сказочного лесного мира. Техники торопливо снимали с меня датчики, сматывали толстые жгуты проводов. Подошел режиссер, молча развел руками.

– Ну, Ричард. Ну, малыш. Такого фильма ты еще не придумывал!

– Плохо? – испуганно переспросил я. У меня не были оплачены счета за кислород, за бытовую и питьевую воду. Если режиссер не примет мыслефильм...

– Замечательно! Великолепно! Сделаем целый сериал про этих героев!

Мне помогли встать с кушетки. Техники с уважением поглядывали на меня – как-никак знаменитый мыслеоператор, автор десятка увлекательных телесериалов. Не каждый может так ярко представить свои фантазии, что на экране они покажутся настоящими...

– И как ты это придумываешь? – режиссер взял меня за руку, повел к выходу. – Этот лес... Олень... Олень как живой вышел, у меня аж мороз по коже прошел. Только, по-моему, они были с рогами...

– С рогами были волки, – объяснил я. – Они ими от оленей защищались. А придумываю я мало, просто читаю старые книги и пытаюсь их представить...

– Возьми мой противогаз, – заботливо сказал у двери режиссер. – Ветер с южных заводов...

– Добегу, мне близко...

Дверь плотно закрылась за мной, и я оказался на улице. Лицо плотно обхватывал респиратор, в кармане лежали заработанные сегодня хлебные карточки и талоны на сахар. По улице плыли волны кисловатого смога. Действительно, ветер с южных заводов.

Одуревшая от голода крыса метнулась ко мне по скользкому от отбросов тротуару. Я встретил врага ударом ноги, сорвал с плеча арбалет, выстрелил. Поднял вздрагивающую крысу за голый розовый хвост. Увесистая, килограмма два будет.

– Мама сегодня закатит настоящий пир, – вполголоса пробормотал я. У меня самая прекрасная в мире работа!

СПИРАЛЬ ВРЕМЕНИ

И это рассказ-анекдот, тоже тех времен: 1987–1988 год. На самом деле, что-то в нем есть правильное. Совершенно актуальный до сих пор рассказ. Как технологии не развивай, а люди все те же. Рассказ публиковался в журнале «Заря».

Спираль времени была собрана во вторник, поздно вечером. Она была очень красивой – вся из голубого полупрозрачного тумана, с двумя дрожащими красными огоньками внутри. И размеры получились совсем небольшие – в кулаке можно спрятать.

Семен Иванович еще раз оглядел спираль, посмотрел ее на свет – нет ли трещинки во времени? – потом отложил в сторонку. С удивлением заметил, как подрагивают руки – то ли от волнения, то ли от старости. Посидел немного, уже совсем было решил пойти заварить чай, но вдруг передумал и взял спираль в руки. Все-таки здорово получилось... Если всмотреться, то можно было заметить, как на одном конце спирали лохматые, неуклюжие мамонты удирают от таких же косматых, но не в пример более ловких неандертальцев. А на другом конце хрустально отблескивали крыши невиданных дворцов, юные и красивые люди склонялись над умными книгами...

Вздохнув, Семен Иванович стал совмещать огоньки на спирали времени. Управление было уп-

рошено до предела – достаточно совместить настоящее время и время желаемое, чтобы спираль заработала. Но перед тем, как огоньки совместились, Семен Иванович на секунду остановился. Казалось, что он колеблется. Посмотрел в потолок, пробормотал:

– Ведь предупреждал же я тебя.

Потолок безмолвствовал, и Семен Иванович уже потверже закончил:

– Нет, раз решил, значит так тому и быть!

Воровато оглянувшись, как будто в комнате мог быть кто-то еще, он взял из ящика с инструментами горсть мелких гвоздей, положил в карман. А потом недрогнувшими пальцами свел два огонька в один.

Мир задрожал, заискрился цветным туманом. Со стола исчезли все приборы, вместо телевизора на нем оказался древний ламповый приемник, модная финская кровать превратилась в железную, панцирную. Из-за полуоткрытой двери послышался визгливый голос:

– Прохор Кузьмич, а Прохор Кузьмич! Семка-то опять к своей тощей дуре на свидание пошел! И как ему денег не жалко по кино таких водить!

Глаза Семена Ивановича засверкали. Вот она, его молодость! Родная коммуналка, одинокая юность, когда он еще не мог постоять за себя. Вот он, источник всех его изобретательских стараний.

Ждать ему пришлось недолго. Когда и сосед, и соседка на минуту вышли из кухни, он вьюном, с вернувшейся ловкостью, нырнул туда. С наслаждением, которое трудно передать словами, подошел к плите и высылал в суп Прохора Кузьмича пригорш-

ню гвоздей. Подумал, и добавил в компот соседке полпачки соли. Потом достал спираль и вернул огоньки на место.

Вот уже час Семен Иванович мирно спал в кровати, модной, финской, из темного неотполированного дерева. Время от времени он повторял сквозь сон:

– Говорил же я, выключай за собой свет, а то и через тридцать лет найду...

А забытая спираль времени дремала в уголке стола. На одном ее конце гудела земля под ногами мамонтов и неандертальцев. На другом... Эх, если бы можно было знать, кто там, под хрустальными куполами невиданных дворцов, в этом далеком и прекрасном завтра...

ПОЙМАТЬ ПЯТИМЕРНИКА!

Известная всем молодым авторам забава – написать рассказ-палиндром. Или рассказ, где все слова начинаются на одну букву. Или... Много забав у молодых писателей-фантастов. Разумеется, я их не избежал.

Пробовал пробить публикацию. Перепечатывал, предлагал, просил. Послали. Предложили придумать произведение посложнее. Посмеялись. Пираты, подонки, позорники! Просто позавидовали провинциальному парнишке, придумавшему прекрасный памфлет! Подлецы!

Поль перехватил паллер поудобнее. Пальнул.

– Пиу! Пиу!

Пятиног присел, перечеркнутый пылающей полосой. Пузырящаяся пена покрыла псевдоподии. Поль повернулся, потрепал Питера по плечу:

– Перетрусил?

– Порядком... – Питер поморгал, потом попросил: – Пойдем пешком?

– Пойдем.

Поль подлез под планетоход. Покопался. Повернул пультовый переключатель. Поверхность планетохода похолодела.

– Пускай подождет, – пробурчал Поль. Питер поднял подсумки, патронташи, пистолеты. Переки-

нул пару пистолетов Полю. Посидели, помолчали перед походом. Поднялись. (Питер первым...) Пошли.

– Проклятая планета!

– Пыльная просто, – поправил приятеля Поль. – Попадались похуже... поймаем пятимерника, продадим – прости-прощай планета.

– Поймаем... Пока пятимерника поймаешь, пятиноги пальцы пооткусывают!

Пятнистая, потрескавшаяся поверхность планеты проплывала под пятками приятелей. Переносные прыгоходы позволяли передвигаться почти полукилометровыми прыжками. Пропал позади планетоход, подстреленный пятиног, пыльные поля посаженного поселенцами проса.

– Приятный полет! – прокричал Поль. – Пыль пройдет, Питер! Примиришь! Подпевай!

Послушай песни пустынь,
Приют покоя покинь...

Питер подхватил протяжный припев:

Пусть пе-е-е-рвый погибнет,
После-е-е-дний поверит,
Па-а-а-рус победы
Пра-а-а-вду проверит.

– Подтянись, Питер!

Питер промолчал. Пятки побаливали, планета примелькалась, прелести поселянок приелись. Проклятый пятимерник!

- Поль! Плюнем... Покажусь, папа простит...
- Поль приостановился. Питер пробормотал:
- Папа простит... Подкинет песо... Поделюсь!
- Подлец! Пошел... подальше, предатель!
- Повернулся, побежал прочь. Питер постоял...
- Поль!!! Поль!!!
- Последнее предупреждение, Питер!
- Поль... Пошутить попробовал...
- Пошутить...

Поселок переселенцев просыпался поздно. По пыльным переулкам прогуливались петухи, пьяницы подпирали полуразвалившиеся постройки. Посреди проспекта приютились поросята.

– Провинция... Приют питекантропов! – Поль презрительно поморщился. – Пошли.

– Подайте покорителю пустынь, первому помощнику Палмера, – просипел пожилой поселенец.

Поль порылся под подкладкой пиджака. Подал песо. Переспросил:

– Помощник Палмера?

Поселенец покраснел:

– Прием... Подают плохо, припомнишь Палмера – прижимистые потрошат портмоне.

– Палмер, Палмер... Потерялся покоритель пустынь...

– Потерялся... Парни! Позавчера пираты пролетали! Подождите, пока полицейский патруль пиратов поймает.

Поль побледнел. Питер промакнул пот. Потом пропел:

Послушай песни пустынь,
Приют покоя покинь...

– Правильно! – Поль пихнул Питера. – Пойдем! Поймаем пятимерника!

Песок, пыль, привычный пейзаж пустыни. Привычный?

– Поль!

Поблескивающая, припорошенная пылью посуда.

– Планетоход Палмера!

– Палмер. Победитель пустынь Прочиона... Почетный председатель пятнадцатого Планетарного Похода... Палмер-пылесос... Палмер-покоритель...

– Печальный пешеход...

Пока приятели припоминали прозвища Палмера, пыльную пелену пронзил палевый параллелепипед. Плюхнулся, пробив песок.

– Пираты!

Поль прыгнул. Пальнул.

– Пиу-пиу-пиу!

Параллелепипед плюнул пламенем. Попал. Питер повалился.

– Пиу-пиу-пиу!

Плеск плазменного потока. Потрескивание прогибающегося поля...

– Пиу-пиу-пиу-пиу!

Поле прорвалось. Пиратский параллелепипед полыхнул, просыпался пеплом. Поле поднялся.

– Питер!

Пыль, песок, пламенеющий пепел.

– Питер!

Пыль, песок.

Пыль.

– Прощай...

Поле прошел по прокаленному песку. Потянул панель планетохода.

Покрытый пылью пол. Плексиглас, пластолит, поролон, приборы, пульта... Полуистлевший Палмер. Подагра подкосила... Поле пошел по помещениям.

Привязанный пятимерник пыхтел под пылеуловителем. Поле подошел поближе, посмотрел... Прощли полминуты.

– Пададь проклятая!

Перерезал проволоку, пнул пятимерника под правую плоскость.

– Проваливай!

Пыль, песок... Пустой планетоход. Плачущий парень.

– Прости, Питер...

ПОСЛЕДНИЙ ГЕРОЙ

Еще один славный представитель рассказов-анекдотов. Примерно того же времени. Ничего особенного... кроме, пожалуй, начавшего у меня проявляться мотива «снижения пафоса». Если очень много громких слов, то объяснение будет самым тривиальным...

Публиковался в газетах.

Накануне вечером он долго стоял у окна. Ольга уже знала, что это означает, но не стала ни о чем его просить, наоборот, была особенно ласкова. На какое-то время Хей оживился, но ночью Ольга проснулась, чувствуя, что его нет рядом. Она встала с постели, не включая свет прошла на кухню. Хей курил, стоя у открытого окна.

– Видишь, – не оборачиваясь сказал он, – маленькая звездочка над башней торгового центра?

Она не видела, но на всякий случай кивнула.

– Это звезда Эн-547. Рядом с ней есть планета Ледовый купол. За эту неделю там исчезло шесть космолетов.

– И ты...

Хей обнял ее.

– Я должен, – просто оказал он. – Я пилот экстра-класса, другим там делать нечего.

– А если ты не вернешься?

Он ничего не ответил. Ольга больше не уснула, а Хей заставила лечь – в полете ему потребуются все силы.

Утром он завтракал торопливо, не замечая что ест. В мыслях он был уже *там*. И когда Хей вышел на балкон, где покачивался в поле антигравитации его корабль – двухметровый хрустальный шар, Ольга уже не могла сдержать слезы.

– Не плачь, – осматривая амортизаторы корабля, сказал Хей. – Я вернусь через месяц.

– А если....

Хей похлопал по поверхности шара, словно сгоня с него солнечные блики, и строго сказал:

– Никаких «если». Ведь ты же будешь меня ждать.

Поцеловав Ольгу, Хей закрыл за собой люк. Посидел в кресле, привыкая к кораблю, потом отдал мысленную команду: «вверх». Хрустальный шар молнией блеснул над городом и растворился в небе.

На высоте двухсот километров Хей остановился. Торопиться было некуда. Подвешенный в антигравитации шар слегка покачивался, под ним медленно проплывала Земля. Несколько раз Хей поглядывал в небо. Эн-547, Ледовая Плешь... А Земля продолжала вращаться, исчезали за горизонтом страны, материки, потянулись просторы Тихого океана. Через двенадцать часов Хей сбросил задумчивость. Достал зажигалку, поводил ей вдоль несгораемой ткани комбинезона. По ткани пошли черные разво-

ды. Потом он зубами разорвал по шву рукав комбинезона, взлохматил волосы, и отдал команду: «вниз».

Он приземлился перед маленьким уютным коттеджем, прямо на заросшей цветами лужайке. Неловко улыбаясь, Хей вылез из люка. Из коттеджа уже выбежала высокая загорелая, девушка в шортах.

– Опять я помял тебе все цветы, – виновато сказал Хей.

Девушка прижалась к его груди.

– Какие пустяки, о чем ты... Ты надолго?

Хей пожал плечами.

– Как всегда, на месяц.

В утреннем небе тихо угасала звезда Эн-547.

ОФИЦЕР ОСОБЫХ ПОРУЧЕНИЙ

Очень странный рассказ, который, конечно же, не является рассказом. Нет в нем ни начала, ни конца, только некое настроение – и ощущение того, что за границей сцены, где сидят герои, все-таки есть большой мир. Именно из-за этого ощущения я все-таки послал рассказ в несколько журналов. Ответил Виталий Бугров из «Уральского следопыта»: «Сережа, мне кажется, это просто набросок к какому-то большому произведению, которое тебе еще предстоит написать...»

Так оно, в принципе, и вышло. В этом рассказике есть какие-то зерна «Линии Грез», «Лорда с планеты Земля», «Танцев на снегу». В общем – всех тех космоопер и космических боевиков, что я написал. Ну и тех, что еще напишу, наверное.

Не публиковался.

Мы с Диком сидели в баре и спорили. Одно вытекало из другого – уж если я с ним сцеплюсь, то сразу хочется промочить глотку, ну а если мы выпьем, то никогда не сойдемся во взглядах.

Было за полночь, почти все уже разошлись. Лишь в углу дремал за столиком пьяный фермер. А Дик все не унимался:

– Разве у Фреда удар? Да он и по мячу не всегда...

Но тут откуда-то сверху донесся гул. Дик замолчал и уставился в окно. Я тоже.

На стоянку перед баром кто-то спускался. Машину мотало во все стороны, но вот она зависла и довольно плавно села на асфальт. Двигатель замолк, лишь мигали габаритные огни.

Мы ждали. Старый Хэнк за стойкой тоже ожил, стал полировать стаканы грязной тряпкой. Дверь отворилась, и в бар вошел офицер.

Он был не старше нас с Диком. Форма на нем была совсем новенькая. Но на погонах у офицера блестело три ромба, а пояс оттягивала черная пластиковая сумка.

Офицер обвел взглядом бар. Глаза у него были совсем красные, ну, вроде, как с перепоею. И еще они были пустыми. Словно он не видел ни нас, ни Хэнка, ни заманчивой батареи бутылок. Офицер подошел к стойке и достал правительственный жетон, где была выдавлена горизонтальная восьмерка.

– Кофе. Покрепче.

Хэнк торопливо налил ему чашку, подал, улыбаясь:

– Пожалуйста. Местный, но из лучших сортов. Не хуже, чем земной.

Офицер выпил, как-то удивленно взглянул на Хэнка и сказал:

– Это же чай. Впрочем не важно, налейте еще. Где я нахожусь?

– Тридцать шестая аграрно-добывающая колония, господин офицер. Система Элирана...

– Достаточно. Эскадра была у вас давно?

– А они здесь не садились. Три дня назад ушли в сторону...

– Спасибо.

Он повернулся к дверям и спросил:

– Сколько еще?

Мы с Диком так засмотрелись на офицера, что и не заметили, как появился его робот. Он стоял у двери, серый, приземистый, и боевые манипуляторы дрожали по бокам. А голос у робота оказался неожиданно тонкий и нежный:

– Двадцать две минуты.

Офицер медленно подошел к нам и сел напротив. Одна рука у него лежала на сумке, словно приклеенная.

– Ребята, разбудите меня через двадцать минут. Хорошо?

Не дожидаясь ответа, он закрыл глаза.

– Курьер? – спросил Дик вполголоса.

– Ага, – ответил я. Впрочем, откуда мне было знать?

– А почему он не попросил робота разбудить его?

Я молчал. Дик поднялся и, почти шатаясь, словно протрезвел за эти минуты, подошел к окну.

– Ну и помятая же у него машина... Взгляни-ка!

Но я остался сидеть. Когда двадцать минут прошли, я осторожно тронул офицера за плечо. Слабая, сонная улыбка исчезла с его губ, когда он открыл глаза. Офицер кивнул мне и пошел к дверям. Золотые ромбы на его плечах сверкали в свете пыльных ламп, черный комбинезон стлал за собой темноту, рука крепко прижимала к бедру сумку. Серой тенью мелькнул за ним робот, и хлопнула дверь. Прошла минута, и забило в окне пламя, вскинуло к небу темный круг катера.

А потом наступила тишина. Дик сказал:

– У него в сумке, наверное, пакет командору эскадры. Или мезонная бомба.

– Он бы не поднял бомбу.

– Ха, он же здоровый как бык. Хотя в нашей команде есть и посильнее. Вот Боб например! А удар у Боба! Вратари и не пытаются взять. В прошлом сезоне...

Почему-то мне не хотелось с ним спорить. Вообще говорить не хотелось. А почему – черт его знает.

ПАСТОР АНДРЕЙ, КОРАБЕЛЬНЫЙ МУЛЛА, ПО СОВМЕСТИТЕЛЬСТВУ – ВЕЛИКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ АБСОЛЮТНОГО ВАКУУМА

Каждому писателю доводится изобретать велосипед. В этом нет ничего постыдного, но как же это каждый раз обидно!

Идея «в будущем религии ничуть не умрут, а вот держать на космическом корабле нескольких священников накладно» показалась мне очень интересной. Потенциально – крайне смешной.

И я написал рассказ, которым остался весьма доволен, после чего радостно начал посылать его в журналы. Было это где-то в 1989-1990 году...

Первый же ответ меня крайне смутил. У меня поинтересовались, читал ли я повесть Гарри Гаррисона «Билл – герой галактики».

Я нашел ее и прочитал.

После чего понял, что патент на велосипед давно-давно приколочен Гаррисоном на стенку.

Что тут поделаешь? Я спрятал рассказ, чтобы не позориться. Но уж в этом сборнике, где вы честно предупреждены, с чем столкнетесь – все-таки его опубликую! Слишком мне обидно, что Гаррисон успел раньше!

Когда Андрей выходил из своей каюты, к двери робко приблизился Бенедикт Райх, инженер-навигатор крейсера.

– Вы уходите, пастор? – неуверенно спросил он.

Мысленно Андрей произнес что-то очень и очень далекое от смиренной радости при виде заблудшей паствы. Вслух он сказал:

– Входи, Бенедикт. У меня есть время выслушать тебя.

Перед тем как вернуться в каюту, Андрей набрал на клавиатуре электронного замка три буквы: «ЛЮТ». Лютеранство.

За медленно открываемой дверью возник едва уловимый шорох. Пластиковые шторы спустились на многочисленные иконы, стеклянный ящичек с мощами Святого Гуго-марсианина утратил прозрачность и стал походить на небольшой комод. Забытую на столе книгу Дора Манихейского «Основы веры Братьев Господних» подхватил высунувшийся из стены манипулятор, и торопливо поставил на книжную полку – так, чтобы не было видно надписи на корешке.

Когда Бенедикт Райх вошел в каюту своего пастора, она вполне отвечала самым строгим требованиям веры.

– Опять беспокоит работа, Бенедикт? – сочувственно спросил Андрей.

Инженер закивал, и, помедлив секунду, с жаром заговорил:

– Высчитывая курс крейсера, я должен всецело полагаться на приборы. Но ведь сказано: свет Луны есть знак божественной заботы, изучать его как отражение солнечного света – дело ученых. Следовательно, производя расчет траектории, я...

«Какой черт занес лютеранина в инженеры?» – с ужасом подумал Андрей. И произнес:

– Сомнение твое верно, но лишь отчасти... Вдумайся...

Через пятнадцать минут Андрей торопливо шел по коридору. Опаздывать к капитану крейсера не хотелось. Формально корабельный священник ему не подчиняется, но...

На площадке перед скоростными лифтами Андрей увидел Мустафу. Старший электронщик сидел на корточках, разостлав перед собой маленький зеленый коврик.

– Андрей-молла! – укоризненно воскликнул Мустафа.

«Шайтан тебя возьми – подумал, содрогнувшись, недавний пастор. – Время намаза!»

Выдернув из широкого нагрудного кармана тончайший молитвенный коврик, Андрей-молла плюхнулся на пол. Поерзал, поворачиваясь лицом в ту сторону, где предположительно находилась Земля – и, следовательно, Мекка.

Совершив намаз, мулла и электронщик пошли к лифтам. Мустафа отправился в столовую, а Андрей в главную рубку, к капитану. Увы, невезение продолжалось. По дороге ему пришлось исповедовать вошедшую в лифт Агнессу, ревностную католичку и крайне привлекательную девушку. Отпустив ей случившийся накануне плотский грех, Андрей натолкнулся на огнепоклонника Сококу. Втолковав росло-

му негру, что межзвездный полет – это не предательство Отца-солнца, а наоборот, паломничество во славу небесного огня, наставник-протуберанец Андрей почувствовал легкую усталость. Дальнейший путь был легче, если не считать того, что последние сто метров по коридорам исполинского крейсера Андрей проскакал вместе с Эдвином из секты Укротителей Плоты.

На прощание Андрей с Эдвином обменялись парой пощечин. В своей неизмеримой заботливости верховный бичеватель Андрей добавил Эдвину третью пощечину, необязательную, но показывающую его крайнее расположение к молодому сектанту.

Конечно же, Андрей опоздал. В рубке уже не было никого, кроме капитана, лампы были притушены, а часть приборов выключена.

– Вы опоздали, Андрей, – мягко упрекнул его капитан.

– Проведем церемонию по меркурианскому времени, – твердо ответил Андрей – Великое Воплощение Абсолютного Вакуума.

– Не будет ли это ересью? – задумчиво спросил капитан, отключая последние лампы и переводя управление на компьютер.

– Нет, – уверенно соврал Андрей. – Поскольку двигатель корабля нашего делали на Меркурии, а в Третьей Книге Чистых листов сказано: «Где пусто, там и чисто; где сердце, там и голова». Сердце корабля нашего – двигатель, голова его – рубка.

– Это толкование мне в голову не приходило, – признал капитан. – Начинайте.

Андрей устроился в кресле поудобнее и произнес нараспев:

– Во имя Звезд пылающих, во имя Солнца огненного...

– Андрей! – испуганно вскрикнул капитан. – Не богохульствуйте!

Секунду Андрей с недоумением смотрел на него. Потом покраснел и извинился:

– Это все Сококу, наш огнепоклонник. Я только что с ним говорил, ну и... Я не виноват, что в ваших ежегодных молитвах такие похожие начала.

– Во имя Вакуума, молчите! – взмолился капитан.

– Хороши, хорошо... Я начинаю.

Андрей откашлялся и затянул:

– Во имя Космоса холодного, во имя Вакуума иссушающего...

Когда церемония ежегодной молитвы поклонников Пустоты окончилась, капитан участливо посмотрел на Андрея.

– Трудно вам приходится, ваше пустейшество...

– Да. – Андрей со вздохом натянул комбинезон, который полагалось сбрасывать в ходе молитвы. – А что поделаешь? На крейсере пятьсот верующих, исповедующих девяносто три религии. Нельзя же для каждого заводить отдельного священника. Вот и верчусь, как белка в колесе...

Помолчав секунду, Андрей добавил:

– Кстати, «белка в колесе» – самое непристойное ругательство анималистов. Слышал бы меня наш биолог...

– Что поделаешь, идет Второе Религиозное Возрождение, – посочувствовал капитан. – Новые верования появляются каждый день. На Лагосе мы должны взять на борт двух механиков. По анкетам они – промиски. Что это?

– Секта полной сексуальной свободы, – ответил Андрей, подходя к двери. – Верят в животворную силу фаллоса и раз в три дня устраивают коллективное публичное совокупление.

Оказавшись в своей каюте, Андрей заблокировал дверь и выключил видеофон. Перевернул вверх ногами ящичек с мощами. Пульнул в самую большую икону жеванной бумагой. Достал из-под матраса толстенную книгу: «Сатанинские стихи. Забавная библия и другие шедевры антирелигиозной литературы».

Корабельный священник был убежденным атеистом.

ДЕЛАЕТСЯ ВЕЛОСИПЕД

Рассказ в пяти эпизодах

В ранее выходившие сборники рассказов я включал старенький цикл пародий «Приключения Стора» – как описали бы одну и ту же базовую ситуацию разные авторы... от Виктора Гюго и до братьев Стругацких.

На самом деле этот цикл был урезан на одну пародию. Может быть оттого, что она пародировала не столько конкретных авторов, сколько общее направление: советская фантастика ближнего прицела. Конкретные имена – Казанцева, Немцова, Днепровы – вряд ли тут важны. Это были писатели, которые писали в духе своего времени, и нельзя их винить за то, что пришло иное время... сделавшее смешным те или иные литературные приемы.

Винить – нельзя. А вот улыбнуться, я думаю, можно. Улыбнуться... а кому-то впервые понять, какой она была – советская фантастика ближнего прицела.

(Происхождение неизвестно. Очевидно, самостоятельно напечатан неисправной пишущей машинкой.)

Глава 1. Идея (Алексей Алешин)

Этот человек жил в начале двадцатого века.

Попробуйте представить, что это такое. Уездный городок. Плохо мощеные улицы. Непролазная

грязь. Толстый и потный пристав, лениво собирающий взятки с лавочников. Дряхлые дощатые домишки.

Вот в одном из таких домишек, в семье одного из мелких лавочников, и жил пионер апэмбологии.

Нищие дрались у кабаков. Калеки толпились у церкви. Попы варили опиум для народа. Крестьяне стонали под игом царизма. Пролетариат читал «Манифест».

Алексея волновало другое. Скорчившись над столом, он писал узким металлическим перышком, заполняя тетрадь ровными строчками. Полудетский почерк, дрянные чернила. И недетские мысли.

«Возьмем, к примеру, велосипед. На нем можно ездить по дорогам. А ежели поставить еще два колеса – то, наверное, и без дорог. Коли на лодку велосипед надежно поставить – по воде весьма быстро можно передвигаться. А как сделать, чтобы в небе на велосипеде летать? Крылья, махать умеющие? Или крылья и винт хитрый, как у парохода... Если бы еще придумать, как между звезд на велосипеде...»

– Ты, братец, совсем обленился. А ну марш, муку развешивать!

Появлялся отец гения и гнал его в лавку. Так и оставались недописанными великие строчки. И не узнать нам уже, догадался ли Алексей, что слова его озарили путь человечеству. Путь к звездам.

И не найди я старой тетради, никто и не узнал бы, что было оно – озарение.

Глава 2. Приоритет (Петр Поспелов)

Небо серое, свинцовое. Маленькая заимка. Вьюга намечает сугробы в человеческий рост. А Петр, хмурясь, слушает радио. Старенький «Океан» сообщает:

– По сообщениям итальянского радио ученый Мэтро Мандзони из Миланского университета создал образец принципиально нового космического аппарата. По словам Мандзони, его «звездоход» будет не более велосипеда размерами...

Не более велосипеда... Петр хмурится. Вот ведь странно: только вчера он прочитал в книге известного писателя-фантаста о российском гении – Алексее Алешине. А сегодня слышит, как итальянский ученый, наверняка воспользовавшись идеями Алешина, воплотил мечту в жизнь. Воплотил – это хорошо. Но первым-то был Алексей! Это его талант вдохновил итальянца. И надо сделать все, чтобы мир узнал об этом.

Петр встает. Свистом подзывает Полкана – верного пса, своего единственного друга.

– Я еду в Москву, Полкан. Надо организовать комитет по защите творческого наследия Алешина. Ты со мной?

Полкан взвизгивает. Он не бросит друга...

Одевшись, собрав рюкзак с хлебом и салом, пристегнув ошейник Полкану (в Москве, говорят, без ошейника собак не пускают в метро), Петр выходит в метельную круговерть.

На пороге – год девяносто первый. Девять десятилетий разделяют родственные души. Но Петр не

чувствует этого. Алешин для него – близок и понятен. Куда понятнее, чем, например, Клава... Что ж, ей, и будущему ребенку, он станет писать письма.

Кружится, воеет, неистовствует метель. Уж не с Апеннин ли этот снег? Но ему не сломить героя. Пешком, через тайгу, Петр идет в столицу.

3. Сотворение (Мэтро Мандзони)

– Паола, кофе!

Скорчившись за письменным столом, Мэтро читал свежие газеты, Проклятие! Уже и «Монд» пишет о протестах комитета по защите Алешина. Недавно русские послали президенту Италии триста тысяч открыток с протестами и осуждением Мандзони. Открытки были опубликованы в журнале... как же это читается-то, непонятно... А, «Мо-ло-дая квар-тия».

В детстве Мандзони считался неспособным к наукам, и не зря. Рос он тугодумом, лентяем, хулиганистым и непослушным. Тем только и занимался, что воровал маслины в чужих садах, да бил стекла в доме старенького священника. И лишь в тридцать лет прорезались у Мэтро блестящие способности в физике. И какие! Профессора в университете почитали за честь пожать руку удивительному студенту.

Отхлебывая кофе из глиняной пивной кружки (Мэтро был оригиналом во всем), ученый смотрит на прикрытую полиэтиленом модель в углу кабинета. Вот оно, детище всей его жизни, межзвездный вело-

сипед. И вдруг оказалось, что еще девяносто лет назад безвестный русский гений предвосхитил его открытие.

Странный народ, русские. Все они придумали первыми в мире, вот только делать не торопятся. И рентген изобрели еще в средневековье – сам Иван Грозный писал беглому князю Шуйскому: «Я тебя, Васька, насквозь вижу».

Пустая кружка летит в угол. Мэтро встает. Кричит:
– Паола! Иди на почту, отправляй телеграмму в Москву. «Я, Мэтро Мандзони, признаю приоритет Алексея Алешина и желаю продолжать свои работы в Московском университете имени...»

Глава 4. Испытание (Борис Буханкин)

Борис Буханкин был настоящим октябреньком. Когда подросток – пионером. Потом – хорошим комсомольцем, умеющим говорить слово «есть». Он осваивал целину, покорял космос, расщеплял атом. Потом, перестроившись, осудил волонтаризм, высокие расходы на никому не нужный «Буран» и соорудил саркофаг вокруг реактора на Украине.

В возрасте тридцати пяти лет физика Буханкина, прозванного за моральные качества Пастором, или проще – Стором, направили для испытания первого звездохода. И это – всё о нем.

Глава 5. Встреча (АПБМ-4)

Не было долгих прощаний, не было оркестра и шампанского. Суровый и строгий Пospelов, председатель госкомиссии по приемке первого звездодода, хлопнул Бориса по плечу и ласково произнес:

– Если что – будем считать тебя коммунистом.

– Это когда? – поинтересовался Боря-Стор, раскручивая педали звездодода. Тихо гудело динамо, вырабатывая ток для нейтринного генератора.

– Ну... Ежели воспарить, а на Землю уже не вернешься.

– Эт-то верно, в таком случае – считайте, – тяжело вздохнул Борис. В сторонке, на деревянной табуретке, тихо наблюдал за ним Мэтро Мандзони. Старик уже неплохо говорил по-русски и сейчас бормотал что-то себе под нос, посасывая чай через коктейльную трубочку. Делая последние, решающие обороты, Боря уловил слова:

– Но как, Святая Мадонна, Алешин мог предсказать идею тахионной флюктуации? Святая Мадонна... Но как?

Чисто выбеленные стены испытательного павильона заколебались, исчезая. Мгновение – и перед Буханкиным уже другая картина. Лес. Голубое небо. И улыбающийся юноша с букетом голубых цветов.

– Привет, – просто сказал юноша. – Мы рады тебе на нашей планете.

Буханкин машинально кивнул.

– Тебе, – продолжал юноша, – как первому землянину, мы преподнесем подарок. Омолодим на тридцать лет.

Сильные руки подхватили Борю, вынули из седла звездохода. И понесли навстречу омоложению, навстречу счастью. На этом мы и закончим рассказ. Ведь то, что было дальше, вы знаете и сами. Любой сейчас может сесть в свой звездоход, свой АПБМ-4, названный в честь великой четверки землян. Сесть, и покатить навстречу молодости. Главное – не забывать сигналить.

– Бип! Ту-ту! Бип!

И все будет в порядке.

ТРИ ТОЩАКА

Рассказ-быль

У меня есть рассказы, которые не были опубликованы по понятным мне причинам: скучные, неудачные, вторичные. Есть рассказы, которые публиковались, но со временем я стал считать их слишком слабыми.

А вот с рассказом «Три тощака» ничего не могу понять. Он был написан вскоре после ГКЧП, в августе 1991 года, и явился, конечно же, откликом и на политическое безумие тех событий, и на общую разруху в стране, и на то мрачное положение, в котором тогда пребывали актеры, писатели, художники... в общем – большинство работников «сферы искусств». Писатели становились журналистами, актеры снимались в мерзкой рекламе финансовых пирамид и дешевого западного ширпотреба, художники рисовали парадные портреты казнокрадов и обнаглевших бандитов. Разумеется, инженеры, врачи, учителя, офицеры, рабочие чувствовали себя ничуть не лучше...

Но рассказ-то получился не только о том времени, когда и опубликовать-то ничего толком было нельзя. Почему же я не включил его в сборники рассказов, когда страна начала меняться? Наверное, очень не хотелось вспоминать то время.

Подлое время...

Тогда очень хотелось убраться куда подальше. Найти другой глобус. И неважно, что там будет – власть Трех Толстяков или восставшего народа. Что угодно – лишь бы не та самодовольная мерзость, что правила бал в России.

Р.С. Признаюсь честно, что в этом рассказе, отпечатанном на машинке и только сейчас оцифрованном, за прошедшие пятнадцать лет потерялась одна страница (не скажу, какая именно). Так что небольшой фрагмент рассказа написан заново, по моим смутным воспоминаниям. Он, конечно, стал немного другим. Но я постарался воспроизвести его максимально близко к исходному тексту...

– Если нам станет плохо, то мы будем знать, что нет никого, кто жирет в то время, когда мы голодны...

– Ура! Ура! – неслись крики.

Ю. Олеша. Три Толстяка

Тощак Первый

Травести Булкина

Время волшебников прошло. По-видимому, вместе с бесплатными профсоюзными путевками для матерей-одиночек... Лида Булкина, актриса провинциального театра, понимала это прекрасно. Но вот ее малолетний сын никак не мог понять, почему мама едет в село на спектакль, а не к морю на отдых. Прихватив, разумеется, его с собой...

– Роль помнишь? – уверенный бас главного режиссера оторвал Лиду от безуспешных попыток свести дебет с кредитом. Она торопливо улыбнулась, но

в рабочий ритм войти не успела. Именно этим объяснялся ее вопрос:

– Какую?

Главный, едва начавший очередной сеанс поглаживания бороды, поперхнулся собственным кадыком.

– Сколько их у тебя?

– Две, – сознавая оплошность, но уже не в силах остановиться, произнесла Булкина. – Девочка Суок и мальчик Тутти.

– Тутти-фрутти, – оригинально скаламбурил главреж. – Справишься?

Булкина торопливо кивнула. Маленькая, хотя и пухлая, похожая не то на созревающую девочку, не то на перекормленного мальчика, она всегда играла детские роли. Похоже, главный ничего подозрительного не заметил...

– Пстой, – режиссер не уходил. Он стоял рядом с креслом Лиды в проходе дряхлого театрального автобуса и задумчиво смотрел поверх головы Булкиной. Автобус качался на колдобинах, за окнами проплывала заснеженная степь. Труппа притихла, с любопытством глядя на главного. Его внезапный интерес к столь низкой материи, как сценарий спектакля, был явлением редким. – Лидочка, милая... А эти... Суок и Тутти... они разве не играют одновременно?

Лида покосилась на Танечку Добренко, вторую кандидатку на детские роли. Ростом Таня тоже не вышла... но восьмой месяц беременности явно мешал ей изображать Суок, не говоря уже о Тутти. При каждом рывке автобуса, помнившего еще правление

Хрущева, Танечка ласково хваталась за живот. Впрочем, сейчас она и это забывала делать. Отчаянно глядя на Лиду, Танечка мотала головой и умоляюще улыбалась. Признаться, что Танечка не может играть Суок, было бы жестоко. Главреж давно заявлял, что уволит первую же актрису, посмевавшую забеременеть. Лишь мечтательно-летаргическое состояние не позволяло ему заметить Танину фигуру или удивиться тому, что в спектакле она исполняет роль Второго Толстяка.

– Нет, не играют. Это в книге они вместе, а у нас новое прочтение текста. Тутти – это лишь мечта девочки Суок о богатом и могущественном брате... ну, и эротический подтекст небольшой... А для Тутти придуманная им Суок – проявление комплекса Электры... ну, еще и показатель его стремление властвовать, помыкать женщинами...

Главреж задумчиво покивал.

– Любопытная трактовка... Да-с. А не слишком ли круто?

– Спектакль-то для взрослых, – храбро пискнула Лида.

– Ну да, понимаю, – главреж кивнул, однако из состояния мозговой активности не выпал. – Ребята, а зачем мы переделываем детский спектакль для взрослых? Давайте сыграем... э-э-э... «Сон в летнюю ночь»? Или...

Из-за спины главного вынырнул помреж. Молодой и энергичный, он давно уже занимался делами творческими, оставив главному режиссеру любимую тем административную часть работы.

– Леопольд Львович, вы помните, как на прошлой неделе мы обсуждали политическую ситуацию в стране? Все нестабильно, неясно, борются силы старые и новые... то есть, старые и очень старые. Брать спектакли советских лет – провокационно. Брать спектакли диссидентов – а вдруг обстановка сменится. Западные авторы – сами понимаете. Лучше всего использовать детскую сказку для создания забавного эротико-комедийного скетча. Никто не придерется, и пойдет в любой аудитории. Хоть для старых коммунистов, хоть для молодых бизнесменов.

Утонувший в тарактении помощника, главреж замахал руками:

– Да помню, помню, Игорь Константинович! Но зачем «Трех Толстяков» взяли? Сказочка-то насквозь политизирована!

– Во дает, старик, – прошептала Лиде успокоившаяся Танечка. Главному режиссеру уже было не до вопроса о неработоспособности второй труппы. – Поумнел...

Игорь Константинович потупил глаза.

– Да, погорячились... Текста никто толком не помнил... да еще по радио объявили, что большая часть нас – за возврат к коммунистическому прошлому.

– Голосование же недействительным признали, – вновь блеснул эрудицией главный. – Так что делать? Всю политику из сказки не выкинешь, сюжета не будет!

– Новое прочтение, – твердо заявил помощник. – Не с точки зрения путчистов Просперо и Тибула, а

с точки зрения правительства народного триединства.

– Кого?

– Трех Толстяков.

Главный повернулся и молча побрел в хвост автобуса. Игорь Константинович улыбнулся труппе и громким шепотом заявил:

– Человек старой закалки... Что ж, роли вы знаете, зритель неприхотливый. А что такое мешок картошки на каждого за выступление – не мне вам объяснять!

– Ее ж еще выкапывать самому надо, картошку эту! – хмуро буркнул старик Семенов, игравший в спектакле роль ученого Гаспара. – По грязи...

– Ничего, зато крупной наберем! – оптимистично возразил юный подхалим Толик, по причине молодости и хрупкости – канатоходец Тибул. Высоты он панически боялся и поэтому никак не мог вжиться в свой образ.

На этом дискуссия о спектакле и закончилась. Автобус приближался к месту своего назначения – селу деревенского типа – Махаловке.

Тошак Второй

Надувная кукла наследника Тутти

Дом Культуры села Махаловка был полон. Приезд артистов, пусть даже из областного центра, был здесь редким событием, и собрались все. В первом

ряду сидела местная элита – председатель сельсовета, врач, ветеринар, продавщица магазинчика и миллионер. Народившаяся буржуазия и нарождающееся фермерство представлены не были. В Махаловке роды явно обещали быть поздними и затяжными.

Булкина стояла за кулисами в костюме мальчика Тутти. Самый критический миг – сцены, где надо было играть за двоих, – пока еще не настал. Сейчас она надувала реквизит – большую, в рост настоящей двенадцатилетней девочки, куклу из резины телесного цвета. Кукла была куплена помрежем Игорем Константиновичем в американском секс-шопе. По официальной версии – для сексуально озабоченного друга, который умер от инфаркта, не дождавшись подарка. По неофициальной – жена Игоря обнаружила куклу в его портфеле и устроила грандиозный скандал. Выкидывать куклу бережливый Игорь не стал, а оформил ее в бухгалтерии театра как реквизит. Теперь она всегда была у него под руками, но вдали от глаз ревнивой супруги.

Говоря откровенно, именно это и явилось причиной постановки «Трех Толстяков».

– Лид-дочка, мил-ленькая, – странно запинаясь пробормотал «Тибул» и шлепнул Булкину по попе. Вживаясь в роль отважного канатоходца, он явно выпил для храбрости. – Как планы на вечер?

Булкина смерила Толика надменным взглядом наследника престола и спросила:

– Милый, почему ты проявляешь ко мне внимание, лишь когда я играю мальчишеские роли?

«Тибул» смутно улыбнулся и побрел в отгороженную ширмой гримерную. Булкина, продолжала надувать куклу. С легкими щелчками из нежно-розовой девичьей груди прорезались коричневые пуговицы сосков.

– Отвратительно, – сказала Булкина, разглядывая куклу. Потом закрыла вентиль, и втолкала трубочку, через которую надувалась кукла, ей в пупок. Все прочие места практичные американцы зарезервировали для других целей.

– Быстренько, быстренько, – заторопил Лиду подбежавший помреж. – Сейчас твой выход...

Вдвоем они принялись одевать куклу в прозрачное кисейное платье. Краем глаза Лида следила за происходящим на сцене. Там прыгал в окружении чахлой массовки ученый Гаспар. Задрав голову он комментировал переход Тибула по канату через площадь. Играл Семенов хорошо, некоторые зрители даже поднимали глаза, словно надеялись увидеть под низким потолком канат и идущего по нему Тибула.

– Ах! Ах! – кричал Семенов. – Мое сердце прыгает, как яйца, опущенные в кипяток!

Зрители одобрительно матерились.

Гвардейцы из массовки тем временем громко разговаривали о том, как они готовятся подстрелить Тибула. Танечка, уже переодетая во Второго Толстяка, сидела за кулисами, занеся молоток над капсулом от охотничьего ружья. Семенов продолжал надрываться:

– Тибул обращается к гвардейцам! Он обещает им мир, землю и деньги! Тибул опытный популист,

гвардейцы заколебались. Они дерутся друг с другом!
Ах! Ах!

Настал черед первого появления наследника Тутти и его куклы. Лида глубоко вдохнула – и, вальсируя, вышла на сцену. Кукла, завлекательно улыбаясь широко раскрытым ртом, болталась в ее руках.

В зале повисла мертвая тишина, нарушаемая лишь похрустыванием семечек. Впрочем, оскорбленными или возмущенными зрители не выглядели. Скорее – заинтригованными.

– Срамота! – сказала продавщица. Но как-то неубедительно.

– Раз-два-три, раз-два-три, – кружась с куклой, говорила Лида. – Я – Тутти, наследник Трех Толстяков! Меня не пускают играть с детьми, и мой единственный друг – это чудесная наду... заводная кукла. Раз-два-три! Как я люблю тебя, моя милая кукла!

В зале стали похохатывать. Кто-то одобрительно выкрикнул:

– А малец-то не промах!

Подталкиваемые помрежем, на сцену вновь выступили гвардейцы и окружили Лиду. Опустив куклу, Лида остановилась и воскликнула:

– Здравствуйте, мои верные гвардейцы? Почему вы так возбуждены?

– Потому что мы ненавидим Трех Толстяков и тебя, их единственного наследника! – ответил один из гвардейцев. – Дети наши мрут, дети голодают, а ты играешь с куклой! Отдай ее сюда, злобный волчонок!

Гвардейцы вырвали из рук Лиды куклу и унесли ее за картонные кусты в глубине сцены. Оттуда слышались крики:

– Так! Так ее!

Временами из-за декораций на миг высывалась то рука, то нога несчастной куклы. Зрители недоумевающее переглядывались.

Лида повернулась к залу и с надрывом выкрикнула:

– Гвардейцы ругают Трех Толстяков! Гвардейцы отобрали мою куклу и тыкают в нее саблями!

Из зала донесся довольный голос доктора:

– Вполне ожидаемая трактовка. Не понимая, что происходит, ребенок описывает происходящее в доступных ему терминах: «в куклу тыкали саблями»!

Лида покосилась на помрежа – тот грозил кулаком гвардейцам, слишком уж энергично размахивающим куклой. А за его спиной уже готовились выходить на сцену Три Толстяка

Все вроде как шло замечательно. Только краем глаза Лида заметила, как к председателю, сжимая что-то в руке, подошла жена и стала что-то шептать на ухо. Возмущается, наверное...

Наконец, сцена кончилась, и Булкина вернулась за кулисы. Зрители оживленно аплодировали. Лишь сидящее в первом ряду сельское начальство казалось окаменевшим. Лидочка с удивлением заметила, что почти у всех, за исключением ветеринара, в руках маленькие транзисторные приемники. Похоже, они слушали новости, продолжая тем не менее наблюдать за ходом пьесы.

За кулисами Булкина с удовольствием зашвырнула куклу в угол и сказала помрежу:

– Игорек, дай бедному ребенку сигарету... Да что вы все, с ума посходили? – Последнее замечание было вызвано маленьким приемничком, к которому приник помреж. Рядом с ним, напряженно вслушиваясь в тихий голос диктора, стояли Леопольд Львович и старик Семенов.

Помреж молча протянул Булкиной пачку сигарет и сказал:

– В столице беспорядки, Булкина. Говорят, что власть перешла на сторону восставшего народа. Омоновцы отказались стрелять в народ...

– А это значит, что скоро все солдаты откажутся воевать против народа, – цитатой из роли продолжил Семенов.

– Ну и что? – закуривая спросила Булкина. – Нам-то что с того? Мы – народ. Кто бы ни победил, все равно власть будет наша, народная.

Но ее юмора не поддержали.

– Мы – интеллигенция, – хмуро сказал Игорь Константинович. – А народ – в зале. И сейчас он поспешит отрапортовать новой власти, о том, что все цело на ее стороне. И что провокаторы, играющие антинародную пьесу, ими пойманы, и сидят в крепком амбаре.

– Нет здесь крепких амбаров, – взбрыкнул Семенов.

– Для нас найдут.

– Ребята, – перепуганно спросила Лида. – А эта... наша власть... она точно уже победила?

– Пока неясно, – хмуро ответил помреж. – И это хуже всего. Непонятно, чем пьесу заканчивать. Значит...

– Значит, будем тянуть, – догадался старый и мудрый Семенов.

Тошак Третий

Совок

По радио передавали классическую музыку. Прижимая приемник к уху, Булкина следила за сценой. Там Просперо излагал Трем Толстякам перспективы их дальнейшей жизни:

– Крестьяне, у которых отнимают хлеб, сжигают дворцы помещиков! Рудокопы не хотят добывать уголь! Рабочие ломают машины! Матросы выбрасывают ваши грузы в море! Актеры переходят на сторону народа! Все сироты, калеки, нищие, юродивые, идут войной против вас!

Музыка в приемнике прервалась, и диктор радостно объявил, что мятежники отогнаны от здания центральной киностудии, которую они пытались захватить. Булкина начала в панике размахивать руками, заметивший ее жесты Первый Толстяк подмигнул Просперо, и тот, не прерываясь, продолжил:

– Все лентяи и лоботрясы, все, кто не хочет усердно зарабатывать и копить деньги – идут войной против вас! Те, кому больше нравится ломать, чем строить – готовятся штурмовать дворец!

Стоящий рядом с Булкиной помреж облегченно вздохнул.

– Умеем, все-таки... А, Лида? Умеем импровизировать?

– Да, – хмуро ответила Булкина. – Это мы умеем... Игорь, тут сказали, что через десять минут будет важное сообщение.

– Хорошо, – оптимистично произнес помреж. – Видимо, ситуация определяется. Узнаем, как заканчивать спектакль.

Булкина кивнула, поглядывая сквозь дырочку в занавесе на зал. Не нравилось ей перешептывание сельского руководства.

Леопольд Львович мягко отобрал у Булкиной приемник и шепнул:

– Давай на сцену. Твой выход.

Подхватив ненавистную куклу Лида вышла на сцену. Зрители, приунывшие было, оживились. Появление резинового чуда западной технологии вызвало среди них вполне нездоровые эмоции. Бабы зло косились на мужиков, но возмущаться не смели.

Лида вздохнула и закружилась по сцене. Она изображала наследника Тутти танцующего с куклой. Несколько раз, повинувшись гримасам помрежа, она чмокала куклу в блестящие алые губы. Потом начала беседу Тутти и Суок, сама задавая вопросы к сама же отвечая на них. Никогда еще идея помрежа не казалась ей такой дурацкой, как в этот момент. Донесшийся из зала голос сельского врача: «Мальчик галлюцинирует», не прибавил ей оптимизма.

Однако болтовня о пирожных и цирке не могла длиться бесконечно. Нужно было переходить на политические темы и определять все-таки свое отношение к войне толстяков и бедняков. Лида приблизилась к краю сцены и прошипела Леопольду Львовичу:

– Что?

Леопольд Львович поднял на нее бледное лицо и простонал:

– Катастрофа! Ничего не ясно! И до утра не будет ясно! Лидочка, я не знаю, что делать...

Булкина постояла секунду, потом вышла в центр сцены. Посмотрела в зал. Почувявшие неладное сельчане прекратили перешептываться и уставились на нее.

– И я не знаю... – словно отвечая главрежу сказала Лида. Вздохнула и продолжила:

– Знаете, то, что бедняки голодают, это, конечно, плохо. Но то, что толстяков стали бросать с набережной, мне тоже не нравится. И если гвардейцы отказались стрелять в народ и стали стрелять друг в друга, это совсем не повод для оптимизма. А когда начинают говорить про друзей народа, то вскоре вспоминают и про его врагов.

Лида отстегнула булавку, скрепляющую слишком широкий костюм наследника Тутти, и с удовольствием ткнула куклу в тугой живот. Игорь Константинович за кулисами пискнул в один тон с выходящим из куклы воздухом.

– А еще мне не нравятся сказки, где дети воюют за взрослых, и жизнь, где взрослые играют с надув-

ными куклами. И то, что мы все время играем, импровизируя на ходу, не нравится.

Бросив обмякшую куклу, Булкина пошла за кулисы. А сидящий в зале председатель сельсовета вдруг встрепенулся и закричал:

– Граждане! Все мы знаем, какое тяжелое положение сложилось в столице нашей родины! Борются... борются наши и не наши. А мы видим здесь самых настоящих провокаторов! Считаю, что мы должны задержать их. А когда ситуация в столице стабилизируется, предъявить обвинение! Как честный гражданин, произвожу гражданский арест!

Сообразивший, что терять уже нечего, Леопольд Львович высунулся из-за кулис и заорал:

– Американских фильмов посмотрелся, придурок!
И началось.

Тошак четвертый, незапланированный

Ошейник

По центральной улице села Махаловка бежала труппа областного театра. Впереди мчался легконогий гимнаст Тибул. Он был в разноцветном трико, и остатки черного грима капали у него с лица, отмечая пройденный путь. Следом, обхватив животы, мчались Три Толстяка. Временами они выхватывали из-под камзолов тряпки и разбрасывали их по сторонам. К концу своего бега толстяки явно должны были

сбросить вес. Лишь Второй Толстяк, беременная Танечка Добренко, несла свой живот бережно и аккуратно.

Тутти-Суок бежала быстро, как настоящий мальчишка. Ее путь отмечала лишь крепкая, недетская ругань. За ней следовал покряхтывающий при непривычной физической нагрузке Леопольд Львович. Его продвижение отмечалось лишь незримым падением репутации. Помреж Игорь Константинович даже в бегстве был элегантен и красив. Спасенная им кукла лежала у него на плече, тихонько выпуская из себя остатки воздуха. Воздух был теплым и в ночной осенней прохладе оставлял маленькие облачка пара.

Небольшая массовка – министры, гвардейцы и народ – бежала слитной и дружной толпой, помогая друг другу на ходу, размахивая фанерными винтовками и деревянными шпагами. Ее бегство не сопровождалось абсолютно ничем, как и положено массовке.

Замыкали труппу старик Семенов – Гаспар – и оружейник Просперо, он же Гоша Иванов. Старик Семенов бежал последним по причине возраста и утери очков. Гоша-Просперо прикрывал отход. К его рукам были по-прежнему прикреплены громоздкие пластмассовые цепи, и он размахивал ими вокруг себя, распугивая сельчан. Под удар никто еще не попал и в легкости цепей не убедился, так что моральные потери преследователи несли серьезные.

Когда одна из цепей оборвалась и со свистом унеслась в темноту, потерявший чувство простран-

ства и времени Просперо выхватил из-за пояса бутфорский одноствольный пистолет и пальнул из него в толпу.

С махаловского милиционера сбило пулей фуражку. Милиционер выматерился и крикнул:

– Боевики вооружены, граждане! Призываю вас блокировать их отход!

После чего бросился в сторону сельсовета – видимо, за табельным пистолетом. Однако махаловские мужики, воодушевленные азартом, продолжали преследование. Просперо, отшвырнув дымящийся пистолет, заорал:

– К столовой, товарищи! Отступаем к столовой!

Его послушались. Даже Толстяки сменили направление и устремились к сельской столовой, где их пару часов назад кормили борщом и вареной картошкой. Вслед им неслись камни и оскорбления, но гвардейцы из массовки, чувствуя, что сходят с ума, дали несколько залпов из фанерных винтовок, распулав преследователей.

На столовской кухне тем временем происходил погром. Артисты под предводительством Тутти-Суок переворачивали вверх дном посуду, заглядывали в кастрюли и сковородки. Наконец, вычерпав из самой большой кастрюли остатки вчерашнего борща, Тибул обнаружил, что дна у кастрюли нет.

Первым в черную кишку подземного хода прыгнул отважный Просперо. За ним последовали Тибул и Тутти-Суок. Двух Толстяков пропихнули сквозь скользкую от томата и разваренной капусты кастрюлю верные гвардейцы. Потом опустили на связанных

вместе фартуках Второго Толстяка, нежно придерживающего живот.

Последними в подземный ход спустились близоруко шурящийся доктор Гаспар и главреж с помрежем. Вокруг шеи Игоря Константиновича фривольным шарфиком была повязана сдувшаяся кукла. Впрочем, руки куклы еще сохранили остатки упругости и упрямо цеплялись за обрез кастрюли. С полуздохнувшегося помрежа сняли куклу и выбросили обратно, в кухню.

Там она и осталась дожидаться разгневанных махаловцев – среди рассыпанной пищи, дымящихся одноствольных пистолетов, выпавших из кармана Тибула листовок и прочей бутафории.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора</i>	5
Тринадцатый город	6
Пристань желтых кораблей	124
Восьмой цвет радуги	241
Предание о первом атеисте	314
Нарушение	319
Чужая боль	324
Профессионал	333
Спираль времени	337
Поймать пятимерника!	340
Последний герой	345
Офицер особых поручений	348
Пастор Андрей, корабельный мулла, по совместительству – Великое Воплощение Абсолютного Вакуума	352
Делается велосипед	358
Три тощака	365

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 615-43-38, 615-01-01, 615-55-13

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, АСТ – «Книги по почте»

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Лукьяненко Сергей Васильевич

Пристань желтых кораблей

Сборник

Ответственный за выпуск А. Сеницын

Редактор Д. Сеницына

Художественный редактор О. Адаскина

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.003857.05.06 от 05.05.06 г.

ООО «Издательство АСТ»

170002, Россия, г. Тверь, пр. Чайковского, 27/32

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»

129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

ООО «ХРАНИТЕЛЬ»

129085, г. Москва, пр. Ольминского, д. 3а, стр. 3

Издано при участии ООО «Харвест».

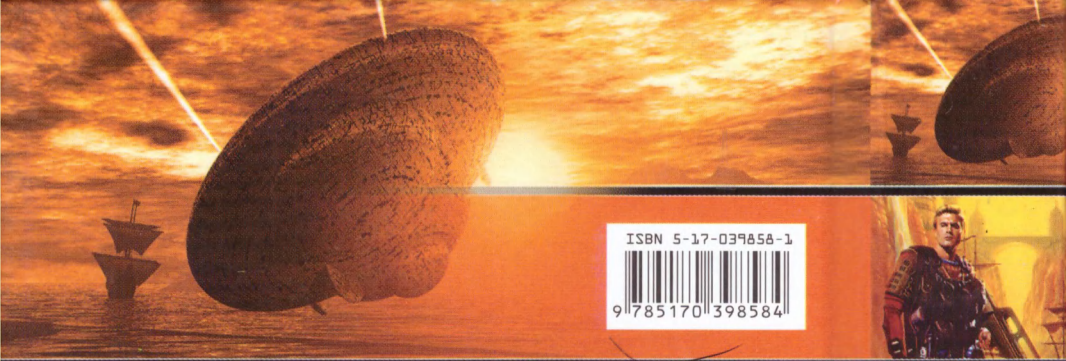
Лицензия № 02330/0056935 от 30.04.04.

Республика Беларусь, 220013, Минск, ул. Кульман,
д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Открытое акционерное общество

«Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».

Республика Беларусь, 220600, Минск, ул. Красная, 23.

ISBN 5-17-039858-1

**ПРИСТАНЬ
ЖЕЛТЫХ КОРАБЛЕЙ**

Космогонщик, потерпевший аварию, оказывается на удивительной планете, где люди переносятся вперед и назад во времени, законы устанавливает Патруль Единения, ведут вечную борьбу силы Стрелы и Круга — и свято верят в легенду о таинственных Желтых Кораблях...

Город, годами осаждаемый варварами-кочевниками, держится лишь благодаря торговле с «летучим народом» — однако контакты с «летучими» строго запрещены. Но однажды мальчишка из Города спасает жизнь пилоту «летучего» корабля...

Планета, на которой **ВСЕ РАВНЫ**. Здесь обитатели городов живут по строгому распорядку. Здесь запрещены эмоции — страх, ненависть, сострадание, любовь... И только за стенами городов зреет глухое сопротивление всемогущему **ПОРЯДКУ**...

Ранние произведения отечественного фантаста номер один!

Часть их публикуется впервые.

Часть — издавалась очень давно и очень малыми тиражами и с тех пор не переиздавалась ни разу.

И только сейчас все эти повести и рассказы наконец собраны в одну книгу.

Поклонники Сергея Лукьяненко!

Не пропустите!

**СЕРГЕЙ
ЛУКЬЯНЕНКО**

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й